

Арина Ипатова

ОБИТЕЛЬ
РАЗУМА

18+

Арина Ипатова
Обитель Разума

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Ипатова А.

Обитель Разума / А. Ипатова — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Философская фантастика. 2190 год. Закат человеческой цивилизации. Обитель Разума – таинственное сооружение, меняющее лики, кладезь памяти, последняя надежда человечества. В ней – ключ к возрождению, но роковая цепь событий закрывает к ней путь. Причины кроются в далёком 1995 году. Удастся ли что-то изменить? “Обитель Разума” – книга, которую сложно отнести к определённому жанру. Она находится на стыке научной фантастики, реализма и мистики. Это роман-размышление об абсолютной власти, о причудах истории, о самой обыкновенной любви и о том, как идеи появляются, истлевают и возникают вновь в потоке времени. Поэтическая образность текста сочетается с тонким психологизмом. Действие происходит в нескольких временных планах, объединённых потусторонней личностью Лахезис – представительницы внеземного разума, нашедшего пристанище в неживой материи. Что нужно ей от людей?

© Ипатова А., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Глава 1. Марат	6
Глава 2. Анатолий	11
Глава 3. Штоколов	34
Глава 4. Тредецим	46
Глава 5. Задание	56
Глава 6. Ярослав Искатель	64
Глава 7. Открытие Марата	69
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Арина Ипатова

Обитель Разума

Главное дело человека на земле – бороться против разрушения, смерти и упадка, даже если эта борьба абсолютно безнадежна.

Иво Андрич, “Мост на Дрине”.

Глава 1. Марат

*Что везут бревно, да на семи лошадях...
Из святочных гаданий.*

15 апреля 2190 года.

Лесопилка располагалась на самой окраине поселения.

То было довольно большое бревенчатое сооружение, крытое металлом. Некогда металл был окрашен зелёной краской, но это было слишком давно. Сейчас крышу покрывала ржавчина.

Плетённый забор окружал бревенчатый сарай, образуя широкий двор. Покосившиеся ворота были распахнуты.

Отсюда открывался вид на поле, где-то уже робко начавшее зеленеть, где-то покрытое снегом. Через поле тянулась к лесу чёрная извилистая полоса дороги, покрытая лужами. Покрикивали грачи. Чуть поодаль бродила по полю ватага длинноногих серых журавлей, деловито тыкала клювами в землю.

Солнце пригревало и должно было бы радовать сердце после тяжёлой зимы.

Но люди на дворе у лесопилки сейчас не обращали внимания на солнце.

Двор был завален брёвнами, досками, опилками, обрезками древесины. Однако если приглядеться, в этом хаосе можно было разглядеть некий порядок. Брёвна тянулись к брёвнам, доски к доскам, а вот от крупной и мелкой древесной стружки тут было некуда деваться. Она была везде.

На дворе стояла подвода, запряжённая парой лошадей. На подводе лежало десятка полтора толстых брёвен. Лошади неторопливо переступали копытами, изредка вскидывали головы, помахивали хвостами, радуясь больше отдыху и немного – весне.

На подводе сидел, опустив голову, мальчишка лет тринадцати, щуплый, светловолосый, с мелкими красивыми чертами лица. Стоявший рядом человек осыпал его упрёками, подросток молчал, не поднимая глаз.

– Я не возьму этот кругляк! – повторил человек уже в который раз. – Он никуда не годится. И здесь я его не позволю оставить, мне тут хлама не нужно. Вези его отсюда, куда хочешь. Ты погляди – кривые ж брёвна! Намучаешься с ними. Да и станок угробим.

Он ткнул рукой в брёвна, которые в основном действительно были кривоваты.

Мужчина был невысок, коренаст, уже немолод. В волосах пробивалась седина. Обветренное лицо покрывали резкие морщины. Это было лицо человека, всю жизнь занимавшегося тяжёлым трудом в любую погоду.

Подросток поднял голову и едва слышно сказал что-то.

– Чего? – раздражённо отозвался человек.

– Лес такой, Виктор, – чуть громче ответил мальчишка.

Виктор сразу завёлся.

– Вот врать мне не надо – лес такой! Лес как лес. Во всём лесу нормального дерева не нашлось?

Он с досадой стукнул кулаком по злополучному бревну.

Заскрипела дверь сарая. Мальчик быстро зыркнул в ту сторону, потом снова обречённо съёжился.

На крыльцо вышел молодой парень с топором в руке.

– Готово! – крикнул он, сбежал по ступеням и с размаха воткнул топор в стоявшую у крыльца колоду.

– Сейчас взгляну, Марат... – отозвался Виктор, уставший ругаться, и ушёл в сарай.

Марат, едва взглянув на повозку с брёвнами, кивнул мальчику в знак приветствия, перепрыгнул через грязь и сделал несколько шагов по направлению к воротам. Молодой человек прекрасно слышал ругань, но не имел ни малейшего желания в неё вмешиваться. На собственном опыте он успел убедиться, что Виктор грубоват, но справедлив, и зря шуметь не будет.

Мальчик продолжал сидеть без движения. В появлении нового действующего лица он увидел какую-то надежду для себя.

Марат рассеянно смотрел в поле. Тёплый апрельский ветер дул в лицо, ерошил тёмно-русые волосы.

Марат был высокий молодой человек, подвижный и гибкий. Его худое лицо с приподнятыми скулами казалось немного неправильным, но в чём неправильность, определить было трудно. То ли брови с изломом были чуть асимметричны, то ли щёки запали больше обычного после тяжёлой зимы. Живые карие глаза быстро меняли выражение, видимо, более созвучное его мыслям, чем окружающему пейзажу.

В созерцательном настроении Марат словно бы выпадал из спектакля жизни, становился не участником его, а зрителем. Он сам это за собой знал, но ничего не мог поделать. Неудобное, даже опасное свойство в мире, приютившемся на руинах цивилизации, но до сих пор оно не принесло ему особых бед.

Одна из лошадей переступила копытами по грязи и громко заржала. Марат вернулся с небес на землю.

Он не смотрел на повозку, но прямо спиной улавливал мысли подростка.

“Я же не виноват”.

“А я тут при чём?” – так же мысленно ответил Марат.

“Я не виноват. Я им говорил. Они нарочно посылают меня, потому что думают, что вы пожалеете меня, а у других не возьмёте...”

“Да с чего бы тебя жалеть?”

“Они прибьют меня, если я ничего не сдам”.

“Отстань от меня. Говори с Виктором”.

“А я с тобой и не говорю”.

Это было справедливое замечание. Марат со вздохом повернулся и поглядел на повозку. Даже издали было видно, что брёвна не лучшие.

Он подошёл ближе. Ну может, что-то и можно выбрать.

Так и не сказав ни слова, он пошёл в сарай.

Там было темновато и прохладно, холоднее, чем на улице. Пол засыпала серая субстанция – мельчайшие опилки, смешанные с пылью. Сапоги утопали в ней.

Виктор, осматривавший несколько брёвен перед распиловкой, услышал его шаги, повернулся и одобрительно кивнул.

– Нормально. Берём в работу.

– Виктор...

– Ну чего ещё, – с досадой ответил тот, явно зная, о чём пойдёт речь.

– У нас ведь мало кругляка. Может, возьмём, что получше?

– Так и думал, – буркнул Виктор. – Что он тебе наплёл?

– Он мне ничего не говорил, – честно ответил Марат.

– Если мы это сделаем, – медленно сказал Виктор, – они продолжат так поступать снова и снова.

– Да, пожалуй... – Марат повернулся, чтобы уйти.

– Ладно, погоди.

Он выпрямился, расправил спину. В словах Марата была правда. Следующего груза ждать пришлось бы долго. А Виктор не любил простоев.

Непонятно, почему. Не очень-то и нужны были сейчас эти доски. Но он цеплялся за них, цеплялся за свою работу, и вносил спокойствие в душу Марата, нередко терзаемую непонятной тревогой.

Пока Виктор пилит свои доски, мироздание незыблемо.

Взяли около половины. Почему-то те брёвна, которые больше приглянулись Виктору, оказались в самом низу, что не улучшило его настроения. Повозка уже тащилась к лесу, а он всё ворчал.

– Они ещё и сучковатые...

– Ладно, – примирительно сказал Марат, – тут пару раз топором махнуть.

– Ну и маши.

Марат невесело усмехнулся, обрезая сучья. Честно говоря, тут только одно приличное дерево есть. Стройное, ровное. Дуб. Довольно старый. А остальное действительно больше на дрова пригодно. Но что делать – других-то нет.

Пилорама медленно ползла по рельсам.

Марат не уставал восхищаться умениями своего напарника. Виктор действительно любил машину и чувствовал её. Он возвёл распиловку леса на уровень высокого искусства. Он знал, где замедлить ход, а где ускорить, чтобы пройти сучок, не сломав ленту, знал, как лучше расположить кривое бревно, знал... да тысячу разных вещей он знал, и был мастером своего дела, и зрелище его работы завораживало Марата, изредка настолько, что он забывал о собственных обязанностях и дожидался гневного окрика от Виктора.

Время шло. Гора досок в углу сарая подрастала.

Уложили на пилораму дубовое бревно.

– Это хоть на дерево похоже, – сказал Виктор с тенью одобрения. – Поехали. И поворачивайся быстрее.

Он провёл станок один раз, потом второй, третий. Марат быстро снимал готовые доски. Бревно и впрямь хорошее было. Оттащив в сторону очередную доску, Марат повернулся к пилораме.

Скрежет. Металлический лязг и звон. Треск ломающегося дерева.

Марат, не раздумывая, бросился на пол, в опилки. Там, где долю секунды назад была его голова, просвистел обломок дерева, ударился в стену сарая и отлетел в сторону.

Ругань Виктора из-за станка. Лязг стих.

Марат сел, стряхивая с лица стружку и грязь.

– Эй, – крикнул Виктор, – ты цел?

– Цел, – успокоил Марат. Чудесное спасение не произвело на него большого впечатления. Человеческая жизнь не была особенно ценной, в том числе и собственная.

“Вот если бы не убило, а искалечило то бревно – было бы плохо”, – подумал Марат философски, продолжая сидеть. Он почувствовал, что здорово наломался за сегодняшний день.

– Лет пять назад у меня так убило напарника, – заметил Виктор.

Марат счёл вежливым поддержать светскую беседу.

– Да, я даже помню эту историю.

Виктор обошёл станок.

– Как же это... – пробормотал он с досадой. – Бревно-то ровное было. А пилораму чуть не сорвало. И пила лопнула, конечно.

Марат нехотя поднялся, подошёл к пилораме. Вдруг что-то необычное привлекло его внимание.

– Смотри-ка, Виктор.

Неудивительно, что доска раскололась, и пила лопнула. В дерево некогда врос, слился с ним искорёженный кусок металла.

Виктор взял его пальцами, покачал. Металл сидел крепко.

– Осколок снаряда? – предположил Виктор.

– В этих краях, – проговорил Марат, тщетно пытаясь отряхнуть влажную древесную пыль с рукавов, – когда-то война была, страшная. Лет двести пятьдесят назад.

– Бестолочь, что ли? – хмыкнул Виктор. – Нет этому дереву двухсот пятидесяти лет.

– Да, пожалуй, нет. – Марат задумчиво посмотрел на бревно. – Интересно, конечно. Ну значит другая история.

Он задумался на минуту, потом продолжал, даже не отдав себе отчёта, что бессознательно понизил голос:

– Может, с Обителью Разума как-то связано. Она ведь не так далеко.

Виктор с неодобрением мотнул головой.

– Не болтай много, Марат. Любопытный слишком. Эх, я должен был догадаться, что осторожней надо с этим деревом.

– Ну как ты мог догадаться? – возразил Марат, рассматривая кусочек металла, выглядывающий из древесины. – Брось. Это уже много лет здесь, внешне никаких следов не было.

– Пилы горят прямо, – не слушая его, продолжал Виктор.

– И что делать? – поинтересовался Марат.

– Что делать... – передразнил Виктор. – Запросим у отшельников, пусть доставляют новые.

Марат сдвинул брови. Какая-то новая мысль пришла ему в голову.

– А если не доставят? – медленно спросил он.

– Не доставят – значит, не доставят.

– А доски?

– Ну ведь есть запас. – Виктор мотнул головой в сторону готовых досок.

– А если никогда не доставят? – упрямо продолжал Марат.

– Ну чего пристал? Не доставят – не будет больше досок.

Он отошёл от станка. Марат понимал его досаду и боль. Пилорама была его игрушкой, его детищем, его домашним питомцем – всё сразу.

Хотя у Виктора была и семья, жена и две дочки, и Марат знал, что его грубоватый напарник к ним нежно привязан.

– А всё-таки на что ты намекаешь? – вдруг спросил Виктор.

Марат вскинулся. Неожиданно представилась возможность поговорить о том, что давно уже занимало его мысли.

– Я про пилы. Можно ведь найти... – он запнулся. – Ну я не говорю, что наверняка и прямо сразу.

Напарник покосился на него.

– Что? И где?

– В старых поселениях.

Виктор с удивлением посмотрел на него.

– Всё-таки есть в тебе что-то странное, Марат. Ты там бываешь?

– Иногда.

– Как ты не боишься, не понимаю...

– Да я далеко никогда не заходил.

– Там и правда можно найти пилы?

– Думаю, да. Там все можно найти, хотя непросто это. Да я и не искал. – Марат помолчал и задумчиво добавил. – Меня книги интересовали.

– Книги?! – Напарник захохотал.

Марат тоже улыбнулся.

– Умный ты больно, – заметил Виктор. – Тебе бы в отшельники податься.

Марат нахмурился и покачал головой.

– Нет призвания.

– Вишь ты – призвание, – важно произнёс Виктор. – Это верный кусок хлеба, а не призвание.

– Нет, я так не могу...

– Ну насмешил, конечно, спасибо. – Виктор посерьёзnel. – Но ты бы поосторожнее с этими своими интересами, Марат. Мне не так просто найти толкового помощника.

– Да я ничего такого и не делаю, – пожал плечами Марат. – Никто не запрещает увлекаться историей. А меня это забавляет. – Он улыбнулся. – Я как-то даже рассказик написал.

– О чём? – спросил Виктор.

– Такую фантазию на тему древних римлян.

– Это кто такие?

– Были они. Давно. Я про них читал. Там был один император, вообще плохой человек, но он меня тронул почему-то. Я про него писал.

– Ну и что дальше?

– А ничего. Тут этот текст в подсобке валялся. Я забыл про него, а недавно смотрю, он делся куда-то.

Виктор махнул рукой.

– Нашёл бы лучше подругу, Марат. Блажь бы и в голову перестала лезть.

Он повернулся к рельсам.

– Надо снимать это бревно. Рискованно с ним работать, там ещё куски металла могут быть. А жаль.

Виктор так и не вспомнил, что с месяц назад заходил заказчик, из отшельников, и заглянул в подсобку, разыскивая пильщиков. Там этот человек наткнулся на рукописный карандашный текст, валяющийся на столе, с интересом проглядел его и сунул в карман.

Впрочем, если бы он и вспомнил, и даже рассказал Марату, это вряд ли изменило бы что-то в последующих событиях.

Глава 2. Анатолий

Одного существования всегда было мало ему; он всегда хотел большего.

Ф.М. Достоевский

“Преступление и наказание”.

Месть

3 ноября 1995 года

Был хмурый осенний день 3 ноября 1995 года, пятница.

Восемь часов вечера, уже давно стемнело. Редкие фонари скупо освещали тихую улочку на окраине Москвы. На чёрных силуэтах четырнадцатэтажных башен желтели прямоугольники окон, и в каждом прямоугольнике можно было увидеть кусочек чужой жизни. Обитатели каменных сот шторами закрывались от посторонних взоров, но каждое светящееся окно тем или иным способом выдавало характер и вкусы тех, кто жил за этими двойными стеклами.

По улице, мимо мёрзнущих на обочине машин, шел молодой человек, держа руки в карманах длинной потёртой кожаной куртки. На вид ему было лет двадцать с небольшим. Молодой человек шел не торопясь, словно гуляя, однако не смотрел по сторонам, глубоко погружившись в свои мысли.

Парень был не очень высок, скорее, среднего роста, коренастый, с широкими плечами. Он с первого взгляда производил впечатление человека решительного, которого трудно смутить или испугать. По его уверенным движениям чувствовалось, что он обладает хорошей реакцией и незаурядной физической силой.

Молодой человек подошел к двери подъезда, вынул из кармана связку ключей, завертел её в руке. Ключи звенели. Электрическая лампа, торчащая из козырька подъезда, осветила четко очерченный овал лица с выдвинутым вперед подбородком, выдающим упрямство. Подбородок и щеки были гладко выбриты, но густые светло-русые волосы уже требовали стрижки. Губы плотно сжимались, и вообще у молодого человека был такой вид, словно он дал обет молчания. Красивые, но неласковые серые глаза смотрели холодно.

На заедающем кодовом замке были вытерты две цифры, подсказывающие, куда нажимать. Впрочем, молодой человек и так это знал. Он открыл дверь и зашел в подъезд. Почти сразу подъехал лифт. Парень ткнул в нужную кнопку, и кабина, устало поскрипывая, понесла его вверх. Он стоял, играя ключами, и лицо его сохраняло прежнее хмурое выражение.

Молодой человек совершил преступление.

Сам он так не считал. Если бы ему пришлось объяснять, что он думает о своем поступке, он назвал бы его запоздавшим правосудием. Но молодой человек был почти уверен в том, что ему никогда не придется отвечать на вопросы, касающиеся событий сегодняшнего дня.

Почти уверен, но не абсолютно. Но сейчас он думал не о риске, которому подвергается. Его занимала та мысль, которая пришла к нему в заброшенном доме, даже не мысль, а тень мысли. Он никак не мог схватить, сформулировать какую-то неуловимую идею, не знал даже, о чем она. Это тревожило его.

Двери лифта еще не открылись, и он смотрел прямо перед собой невидящими глазами, пытаясь выкинуть из головы эти фантазии. На них не стоило тратить время. К тому же, он был почти дома.

Через минуту молодой человек скидывал сапоги в коридоре своей квартиры.

– Мам, я здесь! – сказал он громко.

Мама выглянула из комнаты. Ей было не так уж много лет, но она выглядела, как старушка: маленькая, сухонькая, с пучком седых волос на затылке.

– Ужинать, Толя? – деловито спросила она, складывая влажную тряпку. Она все время убиралась.

– Ага, давай... – рассеянно, даже грубовато сказал он. Потом, повинувшись неожиданному порыву, наклонился и поцеловал её в сморщенную щеку.

– Ты чего? – смутилась она, как смущалась в молодости, когда на неё обращали внимание мужчины.

– Ничего, – ответил молодой человек по имени Анатолий. Болезненные воспоминания царапнули сердце, но он только улыбнулся. – Просто так...

Мама не знает, что он сделал, и никогда не узнает. Но теперь, впервые за два года, он сможет спать спокойно. Кажется, он убил в себе дьявола...

– И суп давать? – спросила мама, оглянувшись.

– Какой?

– Борщ.

– Давай... – согласился он.

Она суетливо двигалась по кухне, наливала борщ, жарила картошку. Ложка в руке Анатолия равномерно постукивала по тарелке. На красноватой поверхности борща золотились кружки жира, и от стоявшей на плите сковороды исходил божественный аромат жареного мяса, смешанный с запахом специй.

Мама уселась напротив него с чашкой чая.

– Ты уже совсем взрослый, – заметила она с оттенком грусти.

Молодой человек усмехнулся.

– Ты только сейчас заметила?

– Вот женился бы ты, были бы у меня внуки...

Она не в первый раз заводила такой разговор и, честно говоря, изрядно ему с этим поднадоела. Последние же несколько недель, после того, как он окончательно поссорился со своей девушкой, эта тема была ему особенно неприятна. Но все же он слишком жалел мать, чтобы показывать ей своё раздражение.

– Потом как-нибудь, – сказал он, отодвигая пустую тарелку. – Нам и так неплохо.

Она улыбнулась и покачала головой. Эти последние слова ей нравились, и поэтому, даже не отдавая себе отчёта в своем коварстве, она порой заговаривала о его женитьбе, просто чтобы их услышать.

Анатолий встал и ушел к себе в комнату. Здесь он лег на кровать и закинул руки за голову, бездумно купаясь в блаженном чувстве тепла и сытости. Затем к нему стали подкрадываться воспоминания о сегодняшнем дне, и он благосклонно допустил их до себя. Воспользуемся и мы его памятью, и вернемся вместе с ним на несколько часов назад...

В центре Москвы, в одном из этих безлюдных, словно вымерших переулков, на острове остановившегося времени посреди моря суеты, разрухи и хаоса, стоял старый дом еще дореволюционной постройки. Точнее, это были несколько домов, столь плотно прижавшихся боками друг к другу, что между ними остались лишь арочные проходы. Здания находились в аварийном состоянии. От стен отваливались куски штукатурки, балконы грозили обрушением.

Недавно эти строения стали ремонтировать. Дом (формально их было несколько, но за десятки лет эти строения так приросли одно к другому, что можно было считать их одним домом) обстроили лесами и затянули грязно-белой плёнкой. Под этой плёнкой, словно в коконе, велись строительные работы, которые должны были до неузнаваемости преобразить старое здание. Тут же на двух столбиках висел плакат: “Реконструкцию ведёт...” и название организации.

Но почему-то именно в эти осенние дни работы в доме приостановились, и Анатолий счел это благоприятным для себя предзнаменованием, хотя вообще он не был суеверен. Но все

сложилось настолько для него удачно, все так подталкивало его к осуществлению навязчивого замысла, что он просто плыл по течению, не задумываясь, ведет ли его воля провидения или игра случая.

Вдоль дома, по тротуару, вёл проход из нестроганных досок. Доски плотно прилегали друг к другу, защищая редких прохожих от падающего строительного мусора. Проход тянулся на несколько десятков метров, и с улицы нельзя было увидеть, что происходит в этом деревянном туннеле.

Каждый вторник и пятницу, около пяти вечера, здесь проходил хорошо одетый человек лет сорока. Он оставлял машину всегда на одном и том же месте, на открытой стоянке, и углублялся в хитросплетение маленьких улочек, каждый раз следуя одним и тем же коротким маршрутом. По выходе из туннеля ему оставалось пересечь последнюю из таких улочек, в которую под прямым углом вливался переулок, и войти в подъезд жилого дома напротив.

Анатолия уже давно интересовали перемещения этого мужчины. Впрочем, зачем он бывает в этом районе, молодой человек не знал и знать не хотел. Больше всего его занимал факт регулярного появления выслеживаемого в деревянном туннеле.

У него было дело к хорошо одетому мужчине. Это дело следовало закончить два года назад, но так не случилось, потому что тот опирался на силу денег. Теперь молодой человек был даже рад этому, потому что ему представилась возможность завершить его по-своему.

Рабочий день Анатолия рано начинался и заканчивался рано, в пять. В пятницу обычно можно было уйти чуть раньше. Добраться же пешком до нужного переулочка занимало не больше пятнадцати минут. Он тщательно, не торопясь, собрался и вышел.

Дом, укрытый плёнкой, уже ждал его, молчаливый союзник. Юноша спокойно вошел внутрь через один из подъездов. Дощатая стенка скрыла от посторонних глаз этот маневр. Секунду постояв, он поднялся на два лестничных пролета, расстегнул куртку и вытащил из внутреннего кармана оружие.

Откуда у приличного молодого человека, сына учительницы, недавнего выпускника хорошего столичного вуза, а ныне системного администратора в небольшой конторе, взялся пистолет – это отдельная история, которая будет рассказана в своё время. Пока же примем как данность, что пистолет у него был. Ласкающим движением юноша погладил смертоносное дуло, убрал руку с оружием под куртку и спустился вниз.

Роковой момент приближался. Молодой человек стоял в дверях подъезда, ожидая. Он не пытался выглянуть, чтобы заранее увидеть свою жертву. Звук шагов разнесется по всему проходу, подав ему сигнал к действию. Это было идеальное место для засады. Сердце его билось ровно и радостно, как у охотника, ждущего добычу и уверенного в её появлении.

На всякий случай он пришел пораньше. Человек, которого он ждал, должен был появиться минут через пятнадцать. Но довольно скоро Анатолий услышал характерное гулкое постукивание – тот тоже пришел раньше обычного времени. Похвалив себя за предусмотрительность, молодой человек осторожно выглянул из-за дверного косяка и увидел, как его враг движется навстречу ему, уверенно ступая по грубым нестроганным доскам.

Юноша подпустил его совсем близко и только тогда вышел из своего укрытия, вынув из-под куртки руку с пистолетом.

Тот, другой, остановился, словно наткнувшись на невидимую стену, и вцепился взглядом в чёрное дуло.

– Что нужно? – спросил он довольно резко, похоже, даже не очень испугавшись. Он не был трусом.

– Поговорить, – вежливо ответил юноша, усмехнувшись уголком рта. – Зайдите в подъезд.

Он хотел уйти из туннеля, опасаясь, как бы сюда не забрёл случайный прохожий.

Другой повиновался и зашел внутрь. Анатолий двинулся за ним, метнув быстрые взгляды направо и налево, ещё раз убеждаясь, что их никто не видит. Справа никого не было. Слева, в переулке, стремительно промелькнул белый бок какой-то машины и исчез из вида.

Внизу в подъезде было темно.

– Выше, – сказал юноша.

Они поднялись на лестничную клетку второго этажа. Лестница была широкой, массивные дубовые перила поддерживали чугунные опоры. Три тяжёлые деревянные двери, окрашенные в тёмно-бордовый цвет, вели в бывшие квартиры и будущие офисы. Молодой человек встал у одной из этих дверей, не опуская пистолета.

– Так что тебе нужно? – уже мягче спросил другой. – Денег? Возьми.

Он вынул из кармана бумажник и бросил его к ногам своего преследователя. В глубине души он надеялся, что сейчас парень поднимет кожаный прямоугольник и сбежит.

Юноша отрицательно покачал головой.

– Не надо. Деньги я и так смогу забрать, только они мне не нужны.

– Чего ж тебе нужно? – спросил мужчина в третий раз.

– Убить тебя.

Мужчина сжал губы и невольно сделал шаг назад.

– Странный ты какой-то... – заметил он. – Кто тебя послал?

– Объясню, – молодой человек переступил с ноги на ногу. – Два года назад ты сбил девушку. Она умерла. Ты смог откупиться, тебе ничего не было тогда... Вспомнил меня?

Тень пробежала по лицу его собеседника.

– Вспомнил, – констатировал молодой человек.

– Ты её брат, – хмуро сказал мужчина. – Ну так не нарочно же я это сделал. Столько времени прошло...

Юноша засмеялся.

– Извини, раньше не было возможности.

– Это был несчастный случай, – произнес мужчина таким тоном, каким разговаривают с капризничаящими детьми и сумасшедшими.

– Даже если бы ты сбил её для развлечения, – сказал молодой человек почти ласково, – тебе бы все равно ничего не было. Ты думаешь, тебе можно все... Я не прав?

Рука с оружием поднялась немного выше. Палец покойно лежал на спусковом крючке. Здорово было держать пистолет...

В первый раз он увидел страх в глазах своего врага.

– Сколько раз за два года ты вспоминал об этом случае? – поинтересовался он.

– Вспоминал, конечно... – хрипло ответил тот, – часто...

Его кадык прыгнул: вверх-вниз.

– Врёшь, – сказал молодой человек. – Вспоминал бы, узнал бы меня сразу. Подними бумажник.

Его невольный собеседник пожал плечами. Он вновь овладел собой.

– Можешь не верить, но это правда.

Анатолий пропустил мимо ушей это замечание. Носком ботинка он толкнул кусок лакированной кожи, послав его на противоположный конец лестничной площадки. Мужчина покорно нагнулся. Анатолий следил за его движениями и думал, что выступает в роли орудия судьбы. Он даже вспомнил греческих богинь, старух, прядущих нить человеческой жизни, и произнес про себя их имена – Атропос, Клото и Лахезис. И вдруг у него появилось очень странное чувство.

Ему показалось, что власть его над этим человеком неизмеримо велика, что тот станет во всем повиноваться ему, даже если у него не будет пистолета. Он был настолько в этом уверен, что с трудом преодолел искушение отбросить оружие и посмотреть, что из этого выйдет. Между

противниками протянулась и заплясала электрическая дуга, Анатолий явственно ощущал это и дивился, почему её не видно. Пока между ними существовала такая связь, человек напротив был полностью подчинен ему. Он утратил собственную волю.

Наваждение длилось не больше минуты.

На верхней площадке послышался шорох. Оттуда спускалась чёрная кошка. Она пренебрежительно посмотрела на людей, прошла между ними и направилась вниз.

Самовлюблённое создание наткнулось на невидимую нить и порвало её. Необычное ощущение исчезло. Мужчина в упор посмотрел на своего преследователя, и во взгляде его прочиталась странная горечь.

– Судьей себя считаешь? – Он нервно сглотнул. – За сестру хочешь мстить? Да тебе плевать на неё! Тебе охота кого-то пристрелить, ты по природе убийца!

Серые глаза Анатолия сузились.

Мужчина понял, что обречён. В отчаянной попытке спасти свою жизнь он метнулся к юноше, пытаясь выбить у него пистолет.

Больше медлить было нельзя. Молодой человек спустил курок, и тело противника рухнуло на бок. Мощные стены старого дома погасили звук выстрела.

С минуту юноша смотрел на дело рук своих, ощущая, как происходит ломка в его сознании и становится правильным то, что запрещали законы божеские и человеческие. Открытые глаза его врага стали матовыми, словно фарфоровыми. Кровь вытекала из раны на груди, пачкая элегантно вельветовое пальто. Единый миг превратил дышащее живое существо в большую неподвижную куклу.

Анатолий почувствовал, что стремительно падает в бездну.

Разобьюсь? Взлечу?

В кармане убитого пронзительно запищал пейджер¹. Этот резкий звук вывел Анатолия из оцепенения. Пора было уходить.

Путь к отступлению он продумал заранее. Осторожно обойдя труп, молодой человек поднялся на верхний этаж. Здесь были открыты двери, ведущие в квартиры. Спohватившись, что все еще держит в руке пистолет, он убрал его во внутренний карман и застегнул куртку.

Дом был построен в конце девятнадцатого века. Он состоял из огромных многокомнатных квартир с широкими коридорами и высоченным потолком, украшенным по периметру лепным орнаментом. Эти помещения изначально были рассчитаны на жильцов, державших прислугу, и для прислуги имелся на лестнице чёрный ход. Позже, когда квартиры стали коммунальными, чёрный ход заколотили и не пользовались им. Но сейчас дверь, ведущая на узкую лестницу, была вновь открыта.

Молодой человек вошел в прихожую. Под ногами заскрипели старые широкие паркетины, уложенные ёлочкой. Не задерживаясь, не заглядывая в гулкие пустые комнаты, он прошел на кухню. Здесь он прислушался, проверяя, не забрел ли кто-нибудь в чёрный ход. Было тихо. Только из крана сочилась по капле вода и с тихим шлепаньем падала в раковину, вознамерившись образовать сталагмит.

Он вышел на лестницу, сбежал по ступенькам на первый этаж, толкнул плечом входную дверь. Она неохотно открылась, выпуская его. Это был самый опасный момент, его могли увидеть.

Но место тут было уединенное. Напротив тянулся длинный бетонный забор. Маленькая площадка между забором и старым домом даже не была заасфальтирована. Здесь устало раскачивались несколько высоких тополей, и дрожали на ветру обнаженные акации.

---

¹ Предшественник мобильного телефона, устройство для приёма текстовых сообщений.

Никого не встретив, молодой человек скользнул вдоль забора и свернул в первый же переулок. Здесь тоже было пустынно. Быстро, но не бегом, не привлекая внимания, он удалялся от места преступления. Постепенно Анатолий замедлил шаг, расслабился и пошёл неторопливо, рассеянно глядя по сторонам, словно самый благонадёжный и законопослушный член общества.

Впрочем, общество само было неблагонадёжным, незаконопослушным и растерянным.

Анатолий бесцельно брёл по переулкам. Ещё недавно великолепная симфония оттенков жёлтого цвета буйствовала над городом, но она уже подходила к завершению. Силуэты деревьев исхудали и потемнели. С чёрных тонких ветвей стекли медовые листья и застыли на земле янтарной массой.

Вокруг было малоллюдно. На всём лежал отпечаток заброшенности. Штукатурка на домах потрескалась, во дворах валялся хлам. Удивительно, сколь быстро дичает, ветшает и опускается созданное людьми, когда ломается в общем сознании некая невидимая пружина, и само это сознание рассыпается на отдельные атомы. Неспokoйное воображение Анатолия впитывало картины разрухи, преломляло их, перемальывало, ему мнилось, что вокруг остатки цивилизации, рухнувшей давным-давно, а не несколько лет назад. Что с того? Такова судьба всех цивилизаций. Где Египет? Где Рим? *Sic transit gloria mundi*.

Мне-то всё равно. Я сам по себе. Мне всё позволено.

Свернув в очередной переулок, Анатолий увидел автомобиль, припаркованный прямо на тротуаре. Ему пришлось сойти на проезжую часть. На дороге темнела в асфальте яма, в яме чёрным зеркалом покоилась стылая осенняя влага. Он легко перепрыгнул, поскользнулся, но удержался на ногах. С досадой покосился на машину и остановился.

Чем-то зацепил его этот автомобиль. Он стоял у самого забора, за которым открывался запущенный сквер. Ажурная чугунная решётка забора во многих местах была выворочена и погнута. Один пролет вообще отсутствовал. Скамейки в сквере разломаны и опрокинуты, фонари разбиты. На земле валялись поломанные сучья. Дорожки, некогда ухоженные, превратились сейчас в непролазную грязь.

В глубине сквера через эту грязь брела, опираясь на палку, древняя старуха, пережившая не одну разруху и возрождение. Спина её была согнута, ноги нетвёрдо ступали, но облик удивительным образом сохранял остатки былой элегантности. В упорстве, с которым она преодолевала трудную дорогу, чувствовался молчаливый вызов обстоятельствам.

Я существую. Я человек.

Анатолий возрождения не видел, и ему казалось, что для всех возможна только одна дорога – вниз. Вверх же – лишь для избранных.

Он внимательно рассматривал автомобиль.

Автомобиль был ослепительно белый, с виду стремительный, проворный, обтекаемых футуристических форм, предназначенный словно для полёта, а не для езды по дорогам. Над радиаторной решёткой красовался блестящий хромовый знак. После трагической смерти сестры Анатолий испытывал неприязнь к дорогим авто, но сейчас он не чувствовал раздражения, а словно бы уловил какой-то провал в памяти. Точно эта машина должна была иметь для него некое важное значение. Он стоял и пытался вспомнить.

Но непослушная мысль ускользала, таяла, как кусок снега в кулаке, Анатолий чувствовал, что ищет где-то на задворках сознания уже не воспоминание, а его производную, воспоминание о воспоминании. Все было тщетно. Он оторвался от разглядывания автомобиля и двинулся дальше.

Путь его теперь пролегал мимо Патриарших прудов. Сейчас, в этот промозглый осенний вечер, не было здесь ни поэта Ивана Бездомного, ни Михаила Александровича Берлиоза, да и не могло быть.

И потусторонние силы не встретились Анатолию, хотя он, в своём внутренне взбудораженном состоянии, и не прочь был потолковать с ними, поспорить, обсудить, прав он или нет.

Зато стоял здесь ларёк, отдалённый потомок будочки “Пиво и воды”. На полках поблёскивали в тусклом электрическом свете бутылки с алкоголем невероятных расцветок – от лимонно-жёлтой до пронзительно-синей. Сбоку красовалась литровая ёмкость со спиртом Royal.

Анатолий равнодушно скользнул взглядом по ларьку и не спеша пошёл в сторону Спиридоновки. Вокруг было пустынно, редкие встречные прохожие спешили домой.

Анатолий смотрел на них словно бы свысока. Он бросил вызов тому порядку, который сложился вокруг него, и частью которого он до сегодняшнего дня был. Это опьяняло, он понимал, что должен прогнать эту эйфорию, но пока не мог этого сделать.

“Вы не знаете, что я смог сделать, – думал он, поглядывая на прохожих и на светящиеся окна домов. – Вы побоялись бы, вы все боитесь, и нет закона, который защитил бы вас... А я теперь ничего не боюсь...”

Он вспоминал те трагические дни, когда нелепо погибла сестра, и только сейчас эти воспоминания не вызвали обычной острой боли. Это было чуть больше двух лет назад, в 1993 году, как раз когда оцепленный, но ещё сопротивляющийся парламент был опутан спиралями Бруно.

Анатолий тогда почти всё свободное время проводил у Белого дома. У него не было определённых политических убеждений, он просто искал ответов.

Вопросы возникали давно, исподволь. Долгие месяцы перед этим Анатолий постепенно убеждался в том, что все действия властей направлены на разрушение. Он смотрел телепередачи, чудовищно искажавшие реальность. Он читал статьи, наполненные ложью, двуличием и ненавистью к собственной стране. И не понимал.

Он не то что бы о чём-то сожалел. Жизнь, в которой “*homo homini lupus est*”², не слишком пугала его, скорее наоборот, привлекала, бросала вызов. Но он хотел понять. Общество явно действует во вред себе. Зачем? Почему это происходит?

Он знал, что большая часть людей, знакомых ему, была недовольна сложившимся положением дел. Но почему тогда никто не возражает?

Он не знал, что в этот странный период информационное пространство формировалось особым образом. Практически все разрешённые издания работали над созданием чрезвычайно тенденциозной, односторонней картины мира, тщательно выдаваемой за единственно верную. Пространство это было построено так, что возражения не то что бы становились невыносимыми, как в антиутопии Оруэлла, но просто в него не попадали, отсекались, а если кто с иной точкой зрения и умудрялся появиться в нём, то смотреть на такого человека допускалось лишь сквозь призму злобной насмешки. Зеркало прессы всегда отражает реальность криво, искажает пропорции, цвета и яркость, увеличивает малозначимое, уменьшает существенное, но в то время искажение превзошло все пределы.

И сколь бы много несогласных не было, они чувствовали себя одинокими в своём протесте, заглядывая в это зеркало и не видя в нём себя.

У Анатолия тогда не хватило бы ни знаний, ни кругозора, чтобы оценить изящество этого великолепного механизма подавления воли. Но любопытство не давало покоя, ему хотелось знать. Исследований на эти темы тогда не было, читать было нечего, поэтому всё приходилось додумывать самому. Он бродил вокруг Белого дома, разговаривая с людьми, думая и наблюдая.

---

² Человек человеку волк (лат.).

Практический курс геополитики, лабораторная работа №1... Только смерть сестры помешала ему оказаться в центре событий в момент кровавой развязки, 3 и 4 октября. Возможно, её гибель спасла ему жизнь. На трагический исторический фон беда его семьи легла крошечным незаметным мазком.

Но сложение собственного несчастья с несчастьем общества перевернуло душу Анатолия. Той осенью он ясно понял, что нет закона и справедливости, помимо тех, которые может установить он сам. Идею эту Анатолий воспринял сразу, спокойно, как-то безропотно, без мучительных раздумий и сопротивления. Он смирился с грузом ответственности, который лёг на его плечи, с несвойственной ему покорностью. И стал ждать.

Ждать пришлось два года. Совсем немного. И он осуществил задуманное.

Дойдя почти до конца Спиридоновки, он остановился и после секундного колебания резко повернул направо, в Гранатный переулочек. Ему захотелось бросить взгляд на места событий двухлетней давности.

По переулочкам он быстро добрался до Садово-Кудринской и спустился в переход. Внизу ютилась пара бездомных, страшных, оборванных, с мутными взглядами. Не обращая на них внимания, он прошёл мимо. По Баррикадной двинулся к зоопарку, потом снова нырнул в переход.

Ещё через несколько минут он уже смотрел на дом, вспоминая.

Тогда, в самом конце сентября, Анатолий с парой таких же студентов искал пути прохода сквозь оцепление. Много говорили о подземных коммуникациях, но этих ходов они не знали, и попытались исследовать путь поверху, через крыши.

Подъезд был открыт, они поднялись на последний этаж и выбрались наверх через чердачное окно. Накапывал мелкий дождь, покатые железные листы гудели под ногами, скользили, можно было ехать по ним, как по детской горке. Рискуя сорваться, молодые люди сползли до края крыши. Перед ними стоял символический, высотой меньше полуметра, тонкий металлический заборчик, дальше уходила вниз стена дома. Ни водосточной трубы, ничего. Обрыв.

Спуститься по этой стене без риска разбиться можно было только с альпинистским снаряжением. Возможно Анатолий, с присущим ему упрямством, и раздобыл бы это снаряжение, но парой дней позже несчастный случай с сестрой остановил его, а потом всё было уже кончено.

Сейчас на Дружинниковской улице было пустынно. Анатолий шёл мимо белого бетонного забора, огораживающего стадион. Здесь развернулся импровизированный мемориал. Красные и чёрные ленты на деревьях, на заборе фотографии погибших, их биографии, полузапрещённая пресса.

Анатолий приблизился, скользнул взглядом по подборке стихов на истрёпанном газетном листке. Было уже почти темно, но он всё же прочитал несколько строк.

*“Опять мы отходим, товарищ,
Опять проиграли мы бой,
Кровавое солнце позора
Заходит у нас за спиной”.*

Анатолий моргнул, взгляд скользнул ниже и выхватил середину стихотворения.

*“И, вынести срама не в силах,
Мне чудится в страшной ночи –
Встают мертвецы всей России,
Поют мертвецам трубачи.
Беззвучно играют их трубы,
Незримы от ног их следы,
Словами беззвучной команды*

Их ротные строят в ряды.”³

Анатолий никогда специально не изучал поэзию, но от природы чувствовал её. От простых чеканных рифм по спине пробежала дрожь. Он проглядел еще парочку столбцов разных авторов.

*“Тьма понадвинулась с севера,
Ночь – не бывает длинней,
В поле, костями усеяно,
Вышел пророк Еремей.
Ходит неслышной он поступью,
Посохом ищет земли.
Русские грустные косточки
Сплошь по земле легли.”⁴*

Взгляд остановился ещё на одном обрывке текста... Дожди намочили газету, часть слов уже не читалась.

*“...
Гляжу на платок твой узорный,
На сумрачный лик молодой.
Тот берег ..... озёрный
Смеётся над нашей бедой.
Тот берег уже – за граница,
Сбиваются льдины в затор
И трещина грозно змеится,
И надвое делит простор.”⁵*

Все стихи были полны до краёв горечью поражения. Но всё же за отчаянием и безысходностью таилась какая-то скрытая энергия, сжатая до предела пружина, и при малейшей возможности она неизбежно должна была развернуться – ибо законы физики нельзя нарушить, в отличие от всех прочих.

Но его личная пружина уже развернулась.

Он не обдумывал, хорошо ли поступил, будучи уверенным в правильности своего выбора. “Делай что должен, и будь что будет”. Анатолий чувствовал себя освобождённым от тяжёлой ноши, и вообще ни о чём серьёзно не думал, просто шёл по родному городу, чувствуя себя на этот вечер освобождённым от всех обязанностей и обязательств. Это было его время, принадлежащее лично ему, что не так уж часто бывает в жизни человеческой.

Он двинулся дальше, миновал стадион, прошёл по Горбатову мосту – маленькой каменной арке, давно позабывшей, как под ней струилась вода маленькой речки, многие годы заточённой в подземную трубу, и двинулся дальше по Конюшковской улице. Впереди виднелась набережная. На другой стороне реки красовалась одна из семи сталинских высоток – гостиница “Украина”. Монументальное здание казалось незыблемым, но Анатолий в свои двадцать с небольшим лет уже не верил в незыблемость. За шпилем метались клочья облаков, внося в открывшуюся глазам Анатолия картину какую-то грозную тревожность. Он поёжился от внезапного озноба, в первый раз с момента выстрела в старом доме.

---

³ Константин Симонов. Безымянное поле. Июль 1942.

⁴ Вероятно, Н.Н.Лисовой.

⁵ Неизвестный автор.

Творения рук человеческих хрупки, если их не оберегать и не поддерживать, они рано или поздно будут уничтожены людьми другой культуры, либо поглощены природой, не знающей сентиментальности. Он не хотел бы, чтобы такое случилось с тем, к чему он был привязан. Но разве возможно этого избежать?

Анатолий пересёк Краснопресненскую набережную и пошёл через Новоарбатский мост. Где-то посередине моста он обернулся. Освещённое здание бывшего парламента было обманчиво белым, но внутренним зрением он всегда видел его двухцветным, с чёрными верхними этажами. Стреляли в него как раз с того места, где он сейчас стоял. Правее маячила вторая высотка, очень похожая на “Украину”, да и на остальные пять их сестёр, но чуть плотнее, коренастее – жилой дом на Кудринской. А ещё правее распаивалась серо-синяя книжка московской мэрии.

С Новоарбатского моста Анатолий вышел на Кутузовский проспект, а оттуда минут через пять повернул налево, на Украинский бульвар.

Было уже совсем сумрачно. В лицо дул сырой ветер. Чёрные мокрые кусты шевелили ветвями-щупальцами. Фонари не горели. Анатолий споткнулся на разбитом асфальте, нога поехала по грязи, но он удержался на ногах и перескочил на твёрдую поверхность. Впереди, за кустами, мелькнула фигура, кто-то шёл в сторону Кутузовского. Анатолий сделал несколько шагов вперёд. Навстречу вынырнул человек в разорванной куртке, без шапки, с всклокоченными тёмными волосами и измождённым, дёргающимся лицом, оценивающе зыркнул на Анатолия и отступил в сторону. Анатолий тоже отклонился. Они не столкнулись, лишь притёрлись рукавами. Когда несколькими секундами позже молодой человек на всякий случай оглянулся, встречный уже растаял в сумраке.

Все эти детали не нарушали созерцательного настроения Анатолия. Он был вне своего времени и наблюдал за всем со стороны. Это было так странно. Да и шёл он больше по пустынным местам, а это располагало к погружению в размышления. Но его уединение вот-вот должно было нарушиться. Впереди лежала площадь Киевского Вокзала, и здесь кишела жизнь.

Уже давно вся территория площади являла собой один дикий рынок. Начиналась эта грязная барахолка сразу у Большой Дорогомиловской улицы, занимала всю площадь⁶, тянулась далеко вдоль железнодорожных путей. Продавали турецкие товары челночные торговцы, продавали что-то с рук люди, ранее никакого отношения к торговле не имевшие. Продавали китайские и индийские вещи неимоверно низкого качества, продавали шубы из меховых лоскутков, разваливающиеся через месяц, продавали яркие хлопковые тряпки, линяющие, с необработанными краями, продавали старые книги, продавали бусы из разноцветных, грубо обработанных камешков... продавали... продавали... О примерке речь не шла. Товар валялся на деревянных и картонных ящиках, кое у кого было подобие навесов.

Анатолий чуть задержался перед тем, как вступить в эту шумную толчею, закурил. Рядом обосновался дед-пенсионер, держащий перед собой яркую детскую курточку.

Мимо прошла молодая женщина, спросила цену. Услышав ответ, покачала головой и пошла дальше, утонула в толпе, точно в бурлящем водовороте.

– Ясно, никто не возьмёт, – раздражённо буркнул дед, негромко, но Анатолий расслышал и покачал головой. Действительно, вряд ли возьмёт. Торговля – не такое простое дело, нужно любить и уметь этим заниматься. А тут все вынуждены подрабатывать иной раз даже не продажей, а натуральным обменом.

Он постоял, сделал ещё несколько затяжек. Из хаоса рынка появилась другая женщина, постарше, в синем пуховике и розовом берете.

– Сколько? – она ткнула пальцем в куртку.

– Не скажу! – решительно заявил дед.

---

⁶ Сейчас на этом месте ТРЦ “Европейский”.

Обладательница розового берета даже опешила.

– Как так не скажете?

– Вы всё равно не купите, – пояснил продавец.

– А зачем же вы здесь стоите? – предполагаемая клиентка была явно заинтригована.

– Да отстаньте! – сердито отмахнулся дед. – Что привязались?

Дама в берете высказала весьма едкое, ироничное мнение о таком способе торговли, но дед всё же не выдал свою коммерческую тайну, и сделка не состоялась. Посмеивающийся Анатолий покинул место событий и углубился в толпу.

Через пару минут он чуть не столкнулся с цыганкой. Уже немолодая, в зелёном блестящем платке, из-под которого выбивались чёрные с проседью волосы, тщедушная, но подвижная и бойкая, она осклабилась, и во рту сверкнул золотой зуб.

– Погадаю, красавчик?

Анатолий резко отстранился.

– Давай судьбу скажу, – не отстала цыганка.

– Я её знаю, – бросил молодой человек. Цыганка не вызвала у него неприязни, но он порадовался, что пистолет и деньги во внутреннем кармане, а в боковом – лишь пара мелких монет.

– Погадаю, погадаю, – быстро приговаривала цыганка, блестя нахальными глазами.

Ему вдруг стало занято.

– Денег не дам, – сказал он. – Нету.

– Зачем деньги? Сегодня без денег всё скажу. Протяни руку.

Цыганка вглядывалась в его ладонь, бормоча приличествующие случаю пророчества, а рука её скользнула вдоль рукава Анатолия и опустилась в боковой карман его куртки. Он не стал препятствовать ей, зная, что там пусто.

“Интересно, – думал он, наблюдая за цыганкой, – как же они работают? Я же вижу, что она по карманам шарит. А другие – слепые, что ли?”

Цыганка внимательно исследовала карман, не торопясь и не скрываясь, почему-то уверенная, что её не остановят. Анатолий так же внимательно наблюдал за ней. Гадалка повела руку выше и коснулась спрятанного под курткой пистолета.

Вряд ли она могла догадаться, что это такое. Но Анатолий всё же отступил на шаг, и цыганка от неожиданности пошатнулась.

– Дальняя дорога тебя ждёт, – сообщила она напоследок. По её хитрому лицу невозможно было понять, разочарована она отсутствием добычи или же подобные мелочи её не задевают. Анатолий опустил руку в карман – монетки исчезли.

“Всё-таки зачем я это сделал? – подумал он рассеянно. – Странно позволять цыганке шарить по своим карманам, даже когда в них ничего нет”.

Неожиданно он ощутил, что ему среди людей сейчас неуютно.

Он точно являлся в этой толпе инородным телом, хоть и выглядел, как обычный человек. У него не было и тени страха, он был уверен в себе и сосредоточен, но все же опасался сделать глупость. Анатолий перестал быть таким, как все, стал существом иной породы, и при этом совершенно потерял представление о том, как следует себя вести. Малейшее движение могло выдать его, могло показать, что он – другой. С этим надо было что-то делать, привыкнуть как-то к этому.

“Хватит уж на сегодня впечатлений, – пробормотал он про себя. – Домой пора”.

Через несколько минут Анатолий спустился в метро и за час добрался до тихой улочки, где мы и увидели его впервые...

Таковы были события сегодняшнего дня. Молодой человек вспоминал их, одно за другим, но память то и дело отбрасывала его назад, к моменту, когда он приказал жертве подняться

бумажник. С этого мига до появления кошки на лестничной площадке происходило что-то очень странное, и вряд ли это было игрой воображения.

Заснул он быстро, но и во сне помнил о той минуте, и пытался разгадать её загадку. А потом, в самой середине ночи, в то время, когда в мир людей забредает всякая нежить, его посетило видение.

Ему пригрезилось бесконечное трёхмерное пространство, заполненное темнотой. Пространство не содержало ни одного твёрдого тела, зато его пересекали шесть фиолетовых лучей. Вдоль этих прямых распространялся свет, не рассеиваясь, то бледнея, то приобретая насыщенный оттенок, словно невыразимо далёкие его источники неравномерно пульсировали.

Несущие свет прямые располагались друг относительно друга таким образом, что при пересечении образовывали правильный тетраэдр. Эта небольшая пирамида уменьшалась и увеличивалась, ритмично меняя размер, так как обрисовавшие её лучи синхронно колебались параллельно самим себе. Такое подобие биения наводило на мысль о сердце, об усталом сердце пустоты.

Внутри пирамиды двигалось нечто белесое, бесформенное, бесплотное, более всего напоминавшее клочок тумана. У Анатолия было время хорошо разглядеть это существо. А это действительно было живое существо, не похожее ни на что, виденное им раньше.

Оно не могло выбраться за границы тетраэдра. Треугольные грани, окаймленные мерцающим фиолетовым контуром, были для него непреодолимой преградой. Существо приближалось к этим плоскостям и расплывалось на них, истончаясь. Потом оно отталкивалось и плавно перемещалось в центр пирамиды, сгущаясь в беловатый шар. Шар ненадолго замирал без движения. Затем он начинал подрагивать и выдвигать ложноножки, точно голодная амёба, быстро теряя сферическую форму.

Иногда в этом живом тумане мелькал образ юной женщины. Вырисовывалось прекрасное лицо, затем оно на глазах менялось, взрослело, ожесточалось, покрывалось морщинами. Даже в образе старухи женщина оставалась замечательно красивой, но во всех возрастах в выражении её черт было нечеловеческое, механистическое бессердечие. От её лица трудно было отвести взгляд, но она вызывала неприязнь.

Маска старухи распадалась на куски, и вновь в пирамиде шевелилась разреженная белёсая субстанция. Эти метаморфозы завораживали. Анатолий без конца мог бы наблюдать за ними, но заточенное существо само пробудило его от транса. Оно заговорило с ним.

– Освободи меня, освободи... Доверши начатое...

Он не сразу сложил в слова этот тихий шелест.

– Кто ты? – спросил он.

– Лахезис. Освободи меня, освободи-и-и...

– Нет... – пробормотал Анатолий оробело. Он не знал, что это за создание, но оно не вызвало у него доверия. Возможно, если бы женщина в пирамиде показалась ему доброй, он бы сразу ответил иначе.

– Ты получишь все, что захочешь, – уговаривало существо, назвавшее себя Лахезис. – Я знаю, что тебе нужно. Я помогу тебе.

– В обмен на что? – с иронией поинтересовался он, думая, что выказывает независимость суждений и смелость мысли, на деле же вступая на скользкий путь общения с неведомым существом, дав ему повод продолжать разговор.

– Ни на что. Только освободи меня. Ты уже начал, так продолжи.

Анатолий растерянно молчал.

– Планеты... – шептал бестелесный голос. – Планеты недостаточно сблизилась. И слова... Если бы ты произнёс слова... Выпусти меня, я научу, как.

– Нет, – упрямо повторил Анатолий. Но змейка любопытства проснулась в нём и уже поднимала точёную головку.

– Ты не понимаешь, от чего отказываешься, – прошептала Лахезис. – А у меня нет времени тебя убедить. Запиши, что я скажу.

Он открыл глаза и сел на кровати. В комнате было темно. Он щелкнул выключателем. Даже тусклый свет ночника показался неприятно ярким. Больше не было видно фиолетовой пирамиды, но шепот продолжал звучать.

– Пиши же! – настаивала Лахезис.

– Да погоди ты...

В полусне, пошатываясь, Анатолий подошел к столу, попробовал одну ручку – не пишет, другую – то же самое.

– А-а, – он с досадой махнул рукой и включил системный блок. Тихонько загудел компьютер.

Зевнув, молодой человек нажал кнопку на мониторе. По экрану бежали привычные белые строки. Подождав окончания загрузки, он сел за стол и запустил редактор.

– Давай, диктуй...

Пальцы забегали по клавиатуре. Он печатал вслепую, одновременно читая появлявшиеся слова, но не понимал их смысла. Диктующий голос звучал все слабее. Последние фразы Анатолий с трудом улавливал.

– Я исчезаю, – услышал он исполненный отчаяния шепот, и существо пропало. Посреди ночи он сидел в своей комнате один, перед работающим компьютером. Очень хотелось спать. Покачав головой, он сохранил набранный текст и выключил машину.

В шесть часов его разбудил будильник.

Анатолий легко поднялся. Сон сразу слетел с него, словно ощутив неуместность своего присутствия. Молодой человек быстро оделся. Есть не хотелось, но он все же заставил себя перехватить пару бутербродов.

Можно было приступить к главному.

Опустившись на колени, Анатолий извлек из-под дивана небольшой деревянный чемоданчик. Он случайно наткнулся на этот предмет несколько месяцев назад, проходя мимо свалки, и подобрал его. Чемоданчик был пуст. На внутренней стороне крышки имелась опись вещей, когда-то в нем хранившихся – телескопическая лупа, с десятков насадок к ней, кисточки, салфетки и прочая ерунда. Все это не было нужно Анатолию, зато чемоданчик очень подходил для его целей.

Он намеревался спрятать оружие.

Держать дома пистолет, из которого застрелил человека, неразумно, выбрасывать же его совсем было жалко. Анатолий заранее выбрал тайник для хранения своей опасной игрушки.

Собираясь, он вспомнил о странном ночном разговоре и нахмурился, пытаясь сообразить, состоялась ли беседа на самом деле, или это был сон. Впрочем, проверить было легко. Он снова включил компьютер.

И, к огромному своему удивлению, обнаружил файл с текстом, созданный этой ночью.

Явление Лахезис

*И знаю я: во мгле миров
Ты – злая, лающая Парка,
В лесу пугающая сов,
Меня лобзающая жарко.*

...

*И я безумствовал в ночи
С тысячелетнею старухой;*

*И пели лунные лучи
В мое расширенное ухо.
Андрей Белый
«Карма»*

Мы с рождения привыкли к трёхмерному пространству. Наши органы чувств не в состоянии воспринять большее число измерений, даже если допустить, что они действительно существуют. Как правило, человеческое воображение также неспособно представить что-то, помимо длины, ширины и высоты. Между тем то, что увидел ночью Анатолий, могло бы послужить косвенным свидетельством того, что пространственных измерений не три, а больше.

В Мультивселенной, в многомерных пространствах, располагаются трёхмерные миры, и их бесчисленное множество.

Физические законы в них могут быть различны. Но по странной прихоти природы встречаются, и весьма часто, миры-близнецы, абсолютно идентичные. Однако как бы ни были они похожи, они обычно абсолютно независимы друг от друга.

Иногда какое-либо невероятное стечение обстоятельств приводит к искривлению одного из трёхмерий в направлении, не имеющем названия в людских языках. Два параллельных мира соприкасаются. Это бывает нечасто, но гораздо реже начинаются контакты между их обитателями. Подобные связи всегда имеют удивительные последствия, чаще всего неприятные для обеих сторон.

Итак, в одном из трёхмерных миров, соседствующих с нашим, живет раса эребов.

Анатолий увидел крошечный кусочек их мира, показавшегося ему пустым и бесконечным. Это было обманчивое впечатление. Анатолий ошибся, что вполне естественно – их среда обитания была слишком непохожа на нашу.

Эребы жили в открытом космическом пространстве.

Планетарная система, где они обосновались, была очень похожа на Солнечную. Вокруг жёлтой звезды, которой эребы за миллиарды лет существования расы так и не удосужились дать название, вращалось семь планет. Первые три были земного типа, остальные – гиганты, подобные Юпитеру или Сатурну. Пространство между орбитами третьей и пятой планет наилучшим образом подходило для комфортного существования эребов.

Это почти совершенные создания, чистый интеллект, лишенный плоти, ибо едва ли можно назвать плотью ту газообразную субстанцию, из которой они состоят. Если бы земным ученым довелось исследовать эреба, они никогда не пришли бы к выводу, что перед ними – столь упорно и тщетно разыскиваемая внеземная жизнь, и были бы по-своему правы. В сущности, эреб – разум, нашедший себе пристанище в неживой материи. Тело его представляет собой пылевую туманность.

Еще точнее, такая туманность состоит из пылевой плазмы⁷, имеющей кристаллическую структуру.

Итак, в химический состав эребов не входят белковые соединения, но эребы умеют радоваться и огорчаться, и стремятся к тому, чтобы продлить существование своего 'я' как можно дольше, то есть им присущ инстинкт самосохранения. Поэтому заметим сразу, что будем применять по отношению к этим существам определение 'живые', хотя бы для удобства описания их нравов.

---

⁷ Ионизированный газ, содержащий частицы твёрдого вещества. Частицы могут образовывать правильные трёхмерные структуры, подобные кристаллической решётке.

Их век необыкновенно долог. Средняя продолжительность жизни эреба сопоставима с продолжительностью существования человеческого рода⁸. Им не приходится заботиться о хлебе насущном, ибо их звезда предоставляет им все необходимое. В этом они немного похожи на земные растения, но им не нужны вода и почва.

О происхождении своей расы они не имеют ни малейшего представления. Письменности у них нет, а устные предания чрезвычайно скупо повествуют о прошлом. К тому же эти предания очень быстро умирают, потому что эребы редко контактируют друг с другом.

По человеческим меркам каждый эреб – гениальный математик, физик и астроном. За долю секунды, не пользуясь никакими приборами, они рассчитывают орбиты малых планет и оценивают концентрацию частиц в исходящем от звезды потоке плазмы. Подобные вещи имеют для них самое серьезное значение.

Для эреба представляет большую опасность встреча с астероидом, которых в этом уголке космоса немало. В результате такого столкновения живая туманность погибает сразу. Крохотные пылинки, составлявшие ее, частично притягиваются к астероиду, остальные разлетаются в разные стороны. Иногда они образуют довольно крупные сгустки пылевой материи, но пройдут десятки, сотни или даже тысячи земных лет, прежде чем другой эреб наткнется на останки своего сородича, с интересом посмотрит на них и вольёт в собственное тело.

Скорее всего, эта находка станет для него не напоминанием о случившейся трагедии, а весьма радостным событием. Не всякая пылинка годна для формирования тела эреба. Эребы бродят по всему подвластному им огромному пространству, собирая такие частицы, и каждая из них является большой ценностью. Так что подобный каннибализм для представителей этой расы – дело вполне обычное и не подлежащее осуждению.

Очень рискованно для эреба попасть в сильное электромагнитное поле планеты или крупного спутника. От этого разрушается структура плазменно-пылевых кристаллов, из которых состоит организм этих существ. Нарушается обмен веществ, и живая туманность довольно быстро умирает.

Если покинуть окрестности планеты быстро, то у эреба остается шанс выжить. Но чаще всего борьба с магнитным полем продолжительна, и в этом случае эреб обречен на гибель. Иногда он так и не вырывается из этих пут и постепенно рассеивается в магнитосфере.

По отношению к своим сородичам средний эреб настроен холодно, если не сказать враждебно, подобно крупному хищнику-одиночке. Излучения звезды хватает на всех, но столь необходимых этим существам пылевых частиц не так уж много. Порою эребы даже начинают охотиться друг на друга.

В открытую они схватываются редко. В этом случае всегда побеждает сильнейший – тот, в котором больше материи. Он просто поглощает противника, словно амёба – частицу протоплазмы. Но эреб меньших размеров, проворный и подвижный, как правило, легко уходит от погони, избегая опасной встречи. Если же соперники примерно одинаковы, столкновение может погубить обоих, и они превратятся в обычное облако космической пыли.

Схватка двух и более эребов – очень красивое зрелище. Туманности, похожие на играющих привидений, танцуют в пустоте, принимая самые причудливые формы. Цель этого танца – заманить противника в ловушку, например, на орбиту астероида. Это очень трудно – ведь все они прекрасно осведомлены о движениях космических тел в их системе. Битва может длиться долго, очень долго, терпения эребам не занимать, у них впереди почти вечность. От этих боев они получают невероятное наслаждение, словно обезумевшие шахматисты, ставкой в игре которых служит жизнь. Смерть же они считают заслуженной карой за допущенный промах.

Эреб, с которым удалось поговорить Анатолию, попался в ловушку особого рода.

---

⁸ Около двух миллионов земных лет.

Эти существа бесполо, но для продолжения рода нужны все же две особи. Они сливаются друг с другом и интенсивно смешивают частицы своих тел, образуя единую туманность из пыли и плазмы. Туманность эта велика по своим размерам и чрезвычайно разрежена. Некоторое время (краткий миг по меркам эреба, а по человеческим – несколько десятилетий) она остается в таком состоянии, а потом начинает сжиматься. По достижении определенной степени плотности она распадается примерно на двенадцать частей, каждая из которых становится самостоятельным эребом.

Совершение подобного акта – величайшая редкость. Чувству следует быть обоюдным, то есть соединения должны пожелать оба участника. Однако после соития индивидуальность тех, кто подвергся слиянию, не восстанавливается. Любовь губит эреба, и отдаться страсти – значит, совершить самоубийство.

Безответных чувств у мыслящих туманностей не бывает. Если вдруг эреб встречает свою половину, он сразу осознает, что это именно она, и объединяется с ней в единое целое, не ведая колебаний. Подобные события заносились бы в летописи, если бы эребы их вели. Они бывают раза в два реже, чем естественная смерть, и раз в десять реже, чем смерть насильственная. Так поддерживается постоянная численность расы, колеблющаяся в пределах ста тысяч особей.

Этот отлаженный механизм не должен был давать сбоев. И все же сбой случился и сделал судьбу Лахезис столь необычной.

Она⁹ безмятежно дрейфовала в пространстве, не особенно заботясь о направлении. Это был безопасный район. Астероидов здесь крутилось мало – несколько крупных планеток неправильной формы, траектории которых были определены раз и навсегда. Лахезис приняла вид простыни – идеального квадрата, чрезвычайно тонкого, и всей плоскостью этого квадрата повернулась к звезде. Лавина квантов проходила сквозь Лахезис, пронизывала её насквозь, вызывая приятные щекочущие ощущения. Истончённое тело эреба подрагивало, словно парус, колеблемый ветром. Лахезис наслаждалась. Она чувствовала себя единственным живым и мыслящим существом во вселенной, и вселенная принадлежала ей. Её острый ум создавал в те минуты великолепную математическую поэму, к сожалению, навсегда для нас потерянную.

Эта идиллия закончилась резко и грубо. Лахезис уловила движение в пространстве невдалеке от себя, и тут же насторожилась. Края квадрата стремительно подвернулись, и через долю секунды живая туманность превратилось в сферу. Так она замерла, изучая окрестности, пытаясь выяснить, что же нарушило её блаженство.

К ней быстро приближался её сородич. Он находился уже близко, слишком близко. Этот эреб был гораздо крупнее Лахезис, и в открытой схватке она была бы поглощена им без остатка через несколько минут.

Взвесив свои шансы, Лахезис обратилась в бегство. Тело её сжалось, уплотнилось и слегка вытянулось. Пулей мчалась Лахезис сквозь бесконечный космос, а за нею неумолимо двигался её преследователь.

Она должна была бы легко скрыться от него, но другой эреб, как ни странно, не отставал. Он принял угревидную форму и скользил по её следу, как гигантская белая змея. Лахезис никогда бы не подумала, что такая крупная туманность может быть столь подвижна. Враг постепенно догонял ее. Она уже представляла, как её обволочет огромное облако, закрыв от неё свет, как будут разрываться связи между частицами, составляющими её тело, и медленно и мучительно будет гаснуть её разум, силой изгоняемый из материального пристанища...

Но вышло иначе.

---

⁹ Как и любой эреб, Лахезис не имела пола, но раз уж она принимала для общения с людьми облик женщины, будем считать ее женщиной.

Уже отчаявшись, Лахезис услышала, как преследователь обращается к ней.

– Остановись...

Это поразило ее. Эребы, самодостаточные создания, редко разговаривают друг с другом. А в этот миг, когда она выступала в роли жертвы, а враг её – в роли охотника, им и подавно было не о чем разговаривать.

Она не ответила и прибавила скорость, насколько возможно.

– Остановись...

Лахезис знала, что двигается вперед стремительно, и пояс астероидов уже близок. Тем не менее, она упорно продолжала бегство, надеясь, что преследователь, увлеченный погоней, позабудет об этой опасности и столкнется с одной из бесчисленных маленьких планеток. Это был её единственный шанс спастись.

Тем временем с другим эребом происходили удивительные метаморфозы. Он менял форму. Гигантский белый угорь становился короче, втягивал в себя хвост, уплотняя заднюю часть. Одновременно с этим он разинул пасть, грозящую проглотить Лахезис, и стал открывать её шире и шире. Отверстие это все увеличивалось, и та материя, которая прежде была хвостом угря, плавно перетекала вперед, отчего края отверстия утолщались. Теперь это был не угорь, это была невероятных размеров чаша. Преследователь сделал мощный рывок... Миг – и Лахезис была уже внутри этой чаши!

Со всех сторон окружила её белесая субстанция, и только впереди она могла ощутить присутствие звезд. Лахезис летела к ним, и чаша сопровождала ее. Как ни изворачивалась живая туманность – ей не удавалось вырваться из пленившего её сосуда.

Происходило что-то очень странное...

Наконец Лахезис свернулась, как ёж, и стала покачиваться из стороны в сторону, не касаясь стенок чаши.

– Ты самое прекрасное существо, которое мне доводилось видеть, – произнес другой эреб после долгого молчания.

– Не понимаю, – сказала Лахезис. – Убей меня или отпусти.

– Я собирался убить тебя и стать еще сильнее, чем я есть, но во время погони разглядел твою красоту...

– Не понимаю, – повторила Лахезис.

– Я желаю соединиться с тобой.

– Этого не может быть, – заявила Лахезис.

– Почему?

– Я не хочу этого, значит, и ты не можешь хотеть.

– Может быть, наоборот – я хочу этого, значит, и ты должна хотеть.

– Какая нелепость... – с досадой произнесла она. – Убей меня.

Прошло очень, очень много времени.

– Нет, – сказал другой эреб. – Я поступлю иначе.

Он заскользил куда-то в сторону, медленно и плавно, не выпуская Лахезис из своих объятий. В круглом отверстии над нею постепенно менялась звездная картина. Звезд было много – тысячи. Потом их стало мало – десятки. А потом они исчезли совсем, и вместо них появился уродливый, выщербленный, неровный бок миниатюрной планетки, бесформенной глыбы из льда и камня.

В этом месте он замер надолго. Словно паук, он плел сеть из электромагнитных полей, опутывая Лахезис этой сетью. Нематериальные, но прочные нити постепенно привязывали её к астероиду. Она была беспомощна и ждала. Одно неловкое движение – и другой эреб поглотил бы ее, даже сам того не желая. Лахезис испытала невыносимое облегчение, когда, наконец, его тело содрогнулось, и он исторг её из себя, будто земная женщина – младенца из матки.

Но радость её была преждевременной.

– Ты будешь ждать меня здесь, – заявил он уверенно, словно поставив точку в коротком рассказе. Развернулся и неторопливо потек прочь. Не поплыл, а именно потек, превратившись в длинное каплевидное облако, по поверхности которого пробегали частые колебания, подобные волнам.

Так началось заточение Лахезис. Она обращалась вокруг астероида на манер спутника. Это был первый случай в истории, когда эреба взяли в плен. Похититель сделал её тюрьму столь маленькой, что она не могла даже устроиться поудобнее. Лахезис была заперта в тесном пространстве, что причиняло ей невыносимые страдания. Субстанция, из которой она состояла, была сжата слишком плотно для нормального самочувствия эреба. Она без конца извивалась, отыскивая более удобную позу. Но двигаться было трудно, и через какое-то время тело её онемело, и живая туманность впала в полудрему.

Еще до того, как Лахезис охватило это оцепенение, она начала искать способ вырваться из плена. Её органы чувств, не похожие на человеческие, усердно исследовали пространство, отыскивая источники поля, удерживающего её здесь. Если бы удалось добраться до них, она могла бы разрушить свою тюрьму. Но похититель сумел так запутать свою сеть, что Лахезис никак не могла вычислить, за какую ниточку дернуть, чтобы освободиться.

Самым неприятным было то, что когда она погружалась в сон, то полностью теряла контроль над ситуацией. За это время её пути переплетались совсем по-другому, и когда она вдруг просыпалась, приходилось все начинать сызнова.

Обычно её будил один вопрос, все время один и тот же, долгие, долгие годы.

– Согласна?

– Нет, – отвечала Лахезис, содрогаясь при мысли о том, что может исчезнуть из этого мира навсегда. Тюремщик её не настаивал и уходил прочь. Она оставалась одна и начинала шарить вокруг, отчаянно, вслепую, надеясь обнаружить эти проклятые узлы, привязавшие её к астероиду. Постепенно сон возвращался назад, как Лахезис ни боролась с ним, и разум её вновь надолго опускался в чёрную пропасть небытия.

Но однажды ей удалось найти способ продлить своё бодрствование.

Поле, окружавшее её, было необычным. Эребы часто строили подобные капканы, чтобы уничтожить противника, но никогда – чтобы удержать его. Это была уникальная конструкция, гениальная выдумка преследователя Лахезис. Созданная им клетка была продумана до мелочей, и изящество замысла восхищало даже саму пленницу. Но все же он допустил одну странную ошибку.

В месте заточения Лахезис трёхмерие эребов искривилось в четвертом направлении, направлении, которого их органы чувств не могли воспринимать, так же как и человеческие. Образовалось нечто вроде воронки, сквозь горлышко которой Лахезис могла заглянуть в другое пространство, параллельное своему. Здесь жили люди.

Живая туманность особым образом поворачивалась в своей темнице, и перед ней открывалось чудесное окно. Разумеется, она не могла проникнуть сквозь это окно в чуждый ей мир, да эреб и не выжил бы здесь ни секунды. Зато Лахезис могла наблюдать¹⁰ и удивляться.

Сперва она даже предположить не могла, что здесь обитают разумные существа. Невероятная плотность материи поразила её и напугала. Разумеется, Лахезис знала, что тела бывают и твердыми, например, астероиды – это неизбежное зло... Но в этом месте, которое она сейчас наблюдала, находилось слишком много разных мелких предметов, и они медленно двигались по непредсказуемым траекториям. Единственное, что объединяло эти хаотичные движения – тела не пытались оторваться от поверхности планеты.

---

¹⁰ У Лахезис, конечно, не было ни зрения, ни слуха, ни осязания в нашем понимании. Органы чувств эреба принципиально отличны от человеческих, и каким наш мир представлялся ей, можно только гадать.

А Лахезис довольно быстро поняла, что перед ней именно планета, и это привело её в ужас – ведь для эреба приближение к подобному космическому телу означало верную гибель. Со временем она успокоилась, осознав, что опасности для неё нет, но тут её ждало новое невероятное открытие. Оказалось, что её органы чувств хорошо приспособлены для чтения мыслей этих беспорядочно перемещающихся предметов...

Они пытались мыслить!

Это явилось полной неожиданностью для Лахезис, и она содрогнулась от отвращения, потому что это было кощунственной насмешкой над самой сущностью разума. Разум должен оставаться свободным и не отягощенным плотью. Даже та разреженная субстанция, из которой состояли эребы, минимум материи, максимум чистого духа, – даже такое тело требовало забот и отвлекало от размышлений. Эти же существа вынуждены были так много думать об удовлетворении всевозможных потребностей своих тел, что ни на что другое у них просто не оставалось времени. Но все же они были способны к абстрактному мышлению. Лахезис очень долго следила за ними, и по прошествии некоторого времени её отвращение уменьшилось, и осталось лишь недоумение – оба этих чувства доселе были неизвестны эребам...

Ей были неприятны эти существа – люди, как они себя называли. Она уже переносила на них своё раздражение из-за затянувшегося плена. Лахезис начинало казаться, что именно они каким-то образом виновны в её бедах. Тюремщик появлялся нечасто, а люди – вот они, причем они были свободны, разумеется, в своем ограниченном мире. Они медленно ползали по поверхности родной планеты, придавленные силой тяжести, самодовольные и самоуверенные, искренне считающие себя венцом творения...

Случайно Лахезис обнаружила, что некоторые из них могут чувствовать её присутствие. Они начинали ощущать, что в их сознании, в их внутреннем мире пассивно, но уверенно расположилось инородное – нет, не тело, конечно, но далекий от их понимания разум. От этого они впадали в тоску и беспокойство. Их жалкий мыслительный аппарат пытался изгнать чужака. Такой подвиг был бы не по силам человеку, но на помощь приходила сама природа. Лахезис засыпала и теряла свою жертву.

Порой её вторжение в человеческие мысли вызывало не испуг, а иной отклик – любопытство или даже радость... её принимали за некое сверхъестественное существо – в общем-то, она им и являлась – и просили об исполнении желаний. Это случалось крайне редко – ведь человеку свойственно бояться потерять разум или душу, а общение с Лахезис явно угрожало и тому, и другому.

Это наивное стремление использовать её долго служило для Лахезис источником забавы, но однажды она выяснила, что контакт с людьми для неё очень важен. Пока человек был связан с ней мысленными узами, она бодрствовала. А чем дольше она бодрствовала, тем больше была вероятность отпереть проклятую клетку.

Открытие следовало за открытием. Соединив свой разум с разумом человеческим, Лахезис получала огромную власть в земном мире. Точнее сказать, власть получал человек, который соглашался допустить её в своё сознание. Он обретал способность влиять на себе подобных.

Степень этого влияния зависела только от него. Чем незауряднее был хозяин Лахезис, чем большей решительностью, чем большей силой воли он обладал, тем большее могущество он получал от неё. В умелых руках она могла стать оружием страшнее водородной бомбы. Но как ни странно, только один человек сумел воспользоваться всей её мощью...

Впрочем, об этом речь впереди...

Теперь Лахезис постоянно искала контакта с людьми. Их страх перед ней, страх, который она прежде воспринимала как должное, как естественный трепет перед высшим существом, стал для неё помехой. Существовала тысяча причин, по которым они отвергали ее, но основных было всего две.

Они думали, что сходят с ума. Следует отметить, что постоянное общение человеческого существа с Лахезис именно к этому результату и приводило.

Они думали, что с ними говорит дьявол, и боялись за свою душу.

Попытки Лахезис объяснить, кто она и откуда, редко имели успех, настолько редко, что она совсем оставила их. В сущности, не очень-то ей это было надо. Она легко вошла в роль демона, демона-искусителя, и ей было чем искушать. Теперь она являлась людям, которые сами желали встречи с ней.

После длительных исследований, то и дело прерываемых многолетним сном, Лахезис удалось разработать систему, удалось создать колокольчик, с помощью которого можно было разбудить ее. Действия, которые человеку надлежало для этого совершить, были весьма несложными. Лахезис настроила эту схему методом проб и ошибок, и сама не вполне понимала, почему она срабатывает. Но схема действовала. То тут, то там, в разные времена, в разных странах всплывали неведомо откуда условия пробуждения этого необычного демона. Сон живой туманности прерывался, и она заглядывала в мир людей, чтобы принести зло...

Лес

Ничего этого не было в тексте, светящемся на экране, и Анатолий, конечно, ничего не понял. Перед ним были... стихи. Анатолий читал, недоумевая.

Он не верил в потусторонние силы. Но чтобы его подсознание выкидывало такие штуки... тоже как-то сомнительно.

Я Лахезис, прядущая нить.
Человек, повтори мое имя.
Я сумею судьбу изменить,
Дать великую власть над другими.

Лишь решишь обратиться ко мне,
Брось сомненья, они бесполезны,
И на зов твой, покорна вполне,
Я приду из космической бездны.

Ничего не желая взамен,
Дорогие рассыплю дары я,
Отодвину и горе, и тлен,
Поднесу тебе царства земные.

Позови. Три условия есть,
Чтоб волною, едва уловимой,
Донеслась до меня твоя весть
И связала нас цепью незримой.

Время. Хватит минуты одной.
Не оставлю тебя без ответа
В час, когда образует с Луной
Строй единый шестая планета.

Место. Скройся от неба. Уйди
Ты в обитель из камня, где слово
Тихим эхом от стен отлетит,

Отразится от свода пустого.

Вещь. Предмет из металла бери,
Власть дающий. С рукой твоей слитый,
Разум, волю и силы мои
Он притянет, подобно магниту.

***

Три условия выполни ты,

...

Скрипнула дверь. Анатолий вздрогнул и обернулся, не дочитав последнюю строфу. Но там никого не было. Сквозняк.

Не повернувшись назад к экрану, он озадаченно сдвинул брови.

Он сам напечатал эти стихи ночью под диктовку умирающего шепота. Так странно.

Но не сейчас же об этом думать.

Он закрыл редактор. Затем потянулся и нажал кнопку на системном блоке. Выехал лоток. Привычным движением Анатолий метнул туда серебристую болванку¹¹. Жалко было диск для такого маленького файла, но оставлять его на машине он не хотел, и удалять тоже не хотел. Нужно было сохранить это свидетельство своего общения с потусторонним существом... или же свидетельство временного помрачения ума...

Через пять минут Анатолий стоял в прихожей, одеваясь. К стене коридора был прислонен пакет с деревянным ящичком, в котором уютно устроился пистолет. В том же ящичке лежал и диск.

Юноша подхватил пакет, вышел из квартиры и запер за собой дверь.

У подъезда зябла машина, старая, ещё дедова. То была третья модель “Жигулей”, поцарапанный светло-зелёный автомобиль с помятым крылом.

Анатолий сел в машину, положил пакет на заднее сиденье и завёл мотор. Довольно легко удалось заставить старый механизм покориться воле человека и поехать. Анатолий уже привык справляться с его капризами.

Было еще совсем темно, и жёлтый свет лился из фар и расплывался на мокром асфальте. ‘Тройка’ направлялась за город.

Анатолий бережно жал на педаль газа. Встречных автомобилей, да и попутных, почти не было. Изредка попадались тяжёлые фургоны и рейсовые автобусы. Потом вдруг пропали и они, и Анатолий оказался один посреди осеннего леса. Лес казался настроенным враждебно. К обочине подступали чёрные ели. Они жаждали коснуться сестёр на противоположной стороне дороги, обнять их колючими ветвями и повести под вой ветра мрачный хоровод. Но шоссе мешало их порыву, и они тосковали.

Анатолий сознательно бередил воображение, вызывая к жизни вампиров с острыми белыми зубами, сладкоголосых русалок, затягивающих странников в омуты, оборотней, теряющих человеческий облик и обрастающих серой шерстью. И все они ожили, вышли из могил и подошли к дороге, скрываясь среди чёрных елей. Молодой человек явственно ощущал их присутствие.

“Я вас не боюсь”, – думал он, улыбаясь, и колеса его старенькой машины крутились все быстрее, вращая под собой земной шар. – “Я сильнее вас”.

---

¹¹ Можно заключить, что действие этой главы происходит не в нашей ветке времени, где устройства для записи CD в домашних условиях получили распространение не раньше 1997 года. А возможность длительного хранения информации на таких носителях в неблагоприятных условиях вообще относится к области чистой фантастики.

Стало светлеть потихоньку. Таинственная осенняя ночь нехотя уступала место таинственному осеннему утру.

Частокол стволов по обе стороны шоссе казался непроходимым. Анатолий внимательно смотрел вперед, высматривая поворот, и все же чуть не прозевал его.

То была узкая грунтовая дорога. Она спускалась в низину и шла через лес, изгибаясь и петляя, словно горная тропа. Дорогу пересекали рваные полосы тумана.

С машиной здесь можно было застрять до весны, но Анатолий не собирался далеко заезжать. Он остановился за первым же поворотом, вышел из 'тройки', прихватив пакет, и запер ее.

Над вершинами деревьев кружились несколько чёрных птиц. В тусклом утреннем свете они показались ему крупнее обычных ворон. Периодически то одна, то другая издавала тоскливое, протяжное карканье. Не вслушиваясь в их крики, Анатолий направился вглубь леса.

Только сейчас молодой человек немного пожалел о том, что нет солнца, с ним было бы проще ориентироваться. Впрочем, заблудиться он не боялся, у него было прекрасное чувство направления. Он уверенно лавировал между стволами.

Идти надо было около двух часов. Лес, сперва очень густой, постепенно редел. Деревья становились ниже, появилось много высоких кустов, лишенных листвы. Лишь на тонких ветвях дикой яблони цепко держались оранжево-красные плоды, и подрагивали гроздья на рябинах.

Здесь уже бродила зима, бесшумно ступая старыми ногами в мягких валенках. Снежные крупинки, почти незаметные глазу, сыпались с серого неба, исполняя по дороге замысловатый танец, и укладывались одна за другой на землю, образуя ломкую белую корку.

Анатолий спускался по пологому склону, который закончился обрывом. Внизу, но не сразу под обрывом, а в нескольких сотнях метров от него, лежала река. В просветах между стволами её было прекрасно видно. Она была прямая, серая и неподвижная, точно полоса металла.

Река служила западной границей для довольно большой низменности, с остальных сторон окруженной крутыми холмами. На одном из этих холмов и стоял Анатолий. В низине находилась цель его путешествия.

Он стал слезать вниз, рискуя переломать кости. Из-под ног сыпалась глина. Увесистый пакет сильно мешал, и Анатолий подбодрил себя мыслью, что возвращаться он будет без него. По крайней мере, сегодня.

Крутизна закончилась столь же резко, как и началась. У самого подножия холма рос невысокий, но мощный дуб, его корни крепко обнимали склон и вонзались глубоко в почву, похожие на щупальца неведомого чудовища. Казалось, дуб вознамерился не дать обрушиться возвышавшейся над ним горе. Прижимая к себе пакет, Анатолий прошел по шероховатому мостику, образованному могучим корнем лесного Атланта, и спрыгнул на ровную землю.

Пройти оставалось совсем немного.

Между холмом и рекой, в зарослях высоких кустарников, скрывалась полуразрушенная постройка неизвестного назначения. Это был маленький бревенчатый сарай со сломанной крышей и сгнившим полом. Дверь висела на одной петле, проем, который она прежде прикрывала, мрачно чернел. Только бревна еще крепко держались друг за друга.

Анатолий узнал про избушку случайно, когда пару лет назад жил в деревне у одного приятеля. Однажды ему вздумалось поискать грибов. Лето было засушливым, и грибов ему не подалось, зато, после многочасового хождения, он нашел этот домик. Вернувшись в деревню, он пытался выяснить, кто и когда построил его, но местные ничего не помнили и ничего не могли ему сказать.

Анатолий полез в пакет, вытащил железный садовый совок и переступил порог.

Здесь не было ни одного окошка, и свет проникал через проломленную крышу. Деревянный пол рассыпался в чёрные щепки. Молодой человек прошел к задней стенке, где сохрани-

лось в относительной целости несколько досок, откинул их и стал копать совком неглубокую яму.

Через пятнадцать минут ящичек, упакованный в несколько слоев целлофана, был аккуратно присыпан землей. Анатолий вернул на место доски и медленно отряхивал руки, придирчиво рассматривая свой тайник. Если бы вдруг сюда забрел случайный прохожий, ему бы и в голову не пришло, что кто-то заходил в домик со времен Батыева нашествия.

Анатолий завернул совок в оставшийся прозрачный пакет, сунул его в карман и вышел. Предстоял долгий и утомительный путь обратно, вверх по склону.

Он уже выехал на шоссе, когда одна мысль неприятно поразила его.

Диск.

Файл записан на диск, в свойствах файла записано имя Анатолия Волохова. С утра, в спешке, он об этом не подумал.

Вот черт!

Анатолий занервничал, как бывало, когда досадное непредвиденное обстоятельство вторгалось в его планы. Времени на возвращение уже не было.

Между тем с неба сыпались снежинки, их были миллионы. Очень скоро они сложатся в глубокие сугробы, которые закроют все подступы к старому домику. Анатолий смотрел на падающий снег, и снег был его союзником.

После некоторого колебания он решил оставить все как есть. Тайник был надежен. Весной можно будет вернуться и забрать отсюда диск, да и оружие заодно. Пусть под рукой будет...

Недобрым словом помянув Лахезис, Анатолий прибавил скорость. И вдруг что-то метнулось под колеса его машины.

Это была небольшая чёрная собака. Откуда она взялась?

Резко, не успев осознать, что делает, молодой человек повернул руль. Машину повело. Колеса скользили по мокрому асфальту.

Он жал на педаль тормоза. Машина вылетела на обочину, её трясло и подбрасывало на выбоинах. Склон по правую сторону дороги был довольно крутой, и Анатолия вынесло прямо к этому склону. Два колеса без опоры повисли в воздухе, задержались так на один миг и рухнули вниз. Автомобиль покатился по откосу.

“Бедная мама...” – в последний момент ужаснулся Анатолий. Потом пришла другая мысль, исполненная досады.

“А ведь все могло быть иначе...”

Всерьёз испугаться за себя он не успел...

Глава 3. Штоколов

В истории всегда чудесны те мгновения, когда гений отдельного человека вступает в союз с гением эпохи, когда один человек проникается творческим устремлением своего времени. Стефан Цвейг, “Магеллан”.

Вырубка

10 апреля 2110 года.

В речной долине шла вырубка леса.

Несколько десятков человек, плохо одетых и измождённых, нестройно стучали топорами. Деревья одно за другим падали. Землю усеивали желтоватые щепки.

Рубщики были немногословны. В их вялых движениях ощущались усталость и безразличие к окружающему. Руки поднимались и опускались, железо вгрызалось в стволы, отнимая у застигнутых врасплох растений радость весеннего пробуждения.

Долина была поделена на участки, и каждым участком занималась бригада из пяти человек. Работа была нелёгкая и опасная, но на неё соглашались без разговоров. За труд платили продуктами, и платили хорошо.

После Великого Разрушения это было первое большое строительство, и никто из рабочих толком не знал, для чего оно затеяно. Ходили разные слухи.

Вековая береза с мучительным треском валилась в заросли черемухи. Люди отступили, наблюдая за её падением.

– Если он такой всемогущий, – негромко, но зло сказал один из рубщиков, – мог бы и технику пригнать сюда.

На него посмотрели с опаской. Прошла целая минута, уже казалось, что на его замечание никто не ответит.

– Он пригонит технику, Андрей, – произнес, наконец, другой. – Но это требует времени, а он хочет начать прямо сейчас.

– Для чего? – проворчал Андрей. – Куда такая спешка?

– Какое нам дело? – возразил третий. – Он дает нам возможность выжить. Больше ничего знать не надо.

– Нам ни до чего нет дела, – угрюмо заметил возмутитель спокойствия и замолчал.

– А кто он вообще такой, и что хочет здесь построить? – вдруг спросил самый молодой. Это был еще юноша, чуть за двадцать. Он немного отличался от остальных – присущие молодости жизнерадостность и любознательность еще были живы в нем.

Казалось, это простой и естественный вопрос, но на юношу тоже посмотрели с опаской. Ответил ему самый знающий, тот, кто объяснял, что доставка техники требует времени.

– Тарцини приехал откуда-то с востока, из Азии. Говорят, он создал новое учение, которое дает людям силы жить дальше, после того.... – он запнулся.

– А в чем сущность этого учения? – заинтересовался юноша.

– В стремлении к Логосу.

– А что такое Логос?

– Пока мы этого не знаем, – язвительно заметил самый недовольный, Андрей. – И что здесь строится, тоже не знаем.

Он обвел взглядом остальных.

– Что размечтались? До вечера еще полно дела. Вырубить надо эту черемуху!

Он указал на заросли.

Нехотя все принялись за работу. Вдруг заговорил пятый рубщик, как оказалось, сумасшедший. Сумасшедших было очень много в то время...

– Война не выполнила свою задачу, – произнес он хрипло. – Посмотрите на эти кусты. Почки облепили их, словно тля! Надо уничтожить жизнь на корню, освободить от неё несчастную планету. Именно в этом истинная цель Тарцини. Мы все должны помочь ему.

Он решительно взмахнул топором.

– Почему? – сердито спросил юноша. Сумасшедший не в первый раз начинал говорить о жизни как о язве на теле Земли, а юношу это ужасно злило. – Он ведь сам – живое существо. Зачем ему уничтожать самого себя?

Маленькие тусклые глазки сумасшедшего зыркнули на юношу, на миг в них появился блеск, но тут же они снова помутнели.

– Зачем? – переспросил он. – Потому что Тарцини мудр. Он знает, *что* есть зло в мире, и готов избавиться от зла. Что касается его самого... Возможно, он решил пожертвовать и собой, а может быть, он перевоплотится в мертвую материю. Может быть, он станет камнем? Или облаком?

Сумасшедший торжествующе засмеялся.

– Я этому не ве... – начал юноша. Резкий тычок под ребра оборвал его слова.

– Не заводи его, – прошипел Андрей. – А то как бы он сам не взялся уничтожать жизнь на корню. Начиная с тебя.

Юноша обиженно замолчал. Сумасшедший постоял, ожидая ответа, не дождался и отошел.

– Держись от него подальше, – посоветовал Андрей более миролюбиво. – И все будет в порядке. Ты понял?

– Понял, – буркнул молодой человек.

– Отойди на левый край и продолжай вырубать кусты.

Этой работе конца не было. Деревьев становилось все больше, на месте упавших, казалось ему, тут же вырастали новые. Он жалел гибнущие деревья, но их смерть давала ему возможность выжить, и он рубил как одержимый.

Впереди замаячил небольшой просвет. Юноша двинулся к этому просвету и через несколько десятков шагов наткнулся на разрушенную бревенчатую постройку.

Избушка развалилась, судя по всему, очень давно, еще до войны, но все равно стало грустно. Он медленно обошел полусгнившие деревянные останки. Завтра топоры дотянут просеку до этого места, и придется растаскивать груды старых бревен...

Он простоял здесь минут пять, пока не услышал голоса других рубщиков. Его звали. Юноша с трудом оторвался от созерцания печальной картины разрушения, словно там, под месивом из земли и гнилого дерева, был спрятан магнит, который притягивал его.

“Устал я... – тоскливо подумал он, возвращаясь. – Отдохнуть бы...”

Когда он закрывал глаза, то перед мысленным взором тут же начинало метаться трапециевидное серое лезвие топора. Щепки разлетались во все стороны, точно брызги фонтана. Юноша брел сквозь кусты и не мог вспомнить, когда он в последний раз видел фонтан, и видел ли вообще...

Он ничего не рассказал остальным о развалившейся избе. Завтра они на неё наткнутся, но на сегодняшнюю ночь это была его тайна. Смешная и глупая тайна – ведь им совершенно безразлично, есть ли там изба, нет ли... А вот ему почему-то казалось, что он нашел нечто важное и интересное. Но если бы они узнали о таких мыслях, то только высмеяли бы его...

Юноша, которого звали Григорий, и вообразить не мог, насколько важна его находка.

11 апреля 2110 года.

Следующее утро принесло сюрпризы.

Из-за горизонта, из-за холмов, поползли платформы, гружёные машинами. Они парили на высоте нескольких десятков метров над землей. На фоне безоблачного голубого неба силуэты механизмов вырисовывались необыкновенно четко.

Побросав свои древние орудия труда, рубщики следили за этой колонной. Всем им давно не приходилось любоваться столь совершенной техникой. Кое-кто и вообще никогда такой не встречал.

Григория поразило отсутствие людей на платформах. Совершенно самостоятельно машины плыли вперед. Затем передние неподвижно застыли в воздухе, поджидая остальных.

Платформы повисели минуты три рядышком, словно совещаюсь, а потом перестроились. Раньше они двигались вереницей, теперь же наступали фронтом. Юношу пробрала нервная дрожь.

Прямо к их группе направлялась одна из платформ, а на ней высился механизм, похожий на экскаватор. Подобравшись совсем близко, летательный аппарат снизился. Экскаватор заерзал на своем постаменте, словно разминаясь.

Григорий подумал, что не уверен в том, что видит перед собой всего лишь техническое устройство. Ярко-жёлтая махина двигалась с грацией и легкостью живого существа. Юноше необычайно понравилось это существо, хотя он почему-то стыдился признаться в этом даже самому себе.

Экскаватор ловко соскользнул с опоры и опустился на землю, покрытую прошлогодней пожухлой травой.

– Я прислан помочь вам разобрать завалы, – произнес мягкий, совсем человеческий голос.

Брёвна, ветки, щепки нагрузили воздушную платформу так, что она, казалось, даже просела. Экскаватор ловко орудовал ковшом, сгребая древесину. Юноша исподтишка наблюдал за ним, восхищаясь его мощностью, и в нем росло благоговение перед человеком, давшим ему возможность хотя бы полюбоваться этим чудом.

Между тем из-за холмов появился еще один летательный аппарат, по форме похожий на обычный наземный автомобиль. Никем не замеченный, он приближался к просеке.

Логос

В автомобиле находились два человека.

У одного из них были чёрные короткие прямые волосы и вытянутое грустное лицо. Оно было бледным, с узким длинным носом и тонкими губами. В близко посаженных карих глазах читалась давняя усталость. На щеке, чуть ниже скулы, то и дело подрагивала мышца.

Если бы он встал, то оказался бы довольно высоким, худым, но не сутулым. Но сейчас он сидел в машине, сложив руки на коленях, и смотрел на строительство, затеянное его спутником. Цель строительства, как, впрочем, и другие цели Тарцини, оставалась для него непонятной, и от этого неведения левая щека дергалась все чаще. Нервные пальцы, слишком тонкие для мужчины, приплясывали на серой ткани плаща.

Второй человек и был знаменитый Александр Тарцини, которого столь много и боязливо обсуждали.

Его считали выходцем из Азии, но почти ничего в его внешности не выдавало азиатского происхождения. Только кожа имела желтоватый оттенок, что было особенно заметно по сравнению с бледностью его соседа.

Глаза у него были не чёрные и не карие, как обычно у представителей монголоидной расы, а тёмно-серые, но разрез глаз действительно чуть скошенный. Непроницаемое лицо напоминало маску языческого идола. Взгляд его был точно рентгеновский аппарат, пронизывающий,

сверлящий, словно проникающий в самые потаённые мысли – под таким взглядом чувствуешь себя обнажившимся до костей.

В две тысячи сто десятом году ему было сорок три года. Его биография, точнее, та её часть, которая пришлась на довоенное время, навсегда осталась неизвестной. Говорили, что он был простым служащим в одном прибрежном дальневосточном городе, что семья его погибла во время цунами, вызванного подводным термоядерным взрывом – это было лишь маленькое звено в той страшной цепи катастроф, которые тогда потрясли планету... Говорили, именно эта личная трагедия перевернула его жизнь настолько, что он объявил себя первым служителем Логоса. Но все это только догадки и домыслы. Ведь никому не было известно даже настоящее имя Александра Тарцини – он поменял имя, когда создал своё учение или где-то позаимствовал его.

События, произошедшие в мире несколько лет назад, назвали Великим Разрушением. То был истинный бунт, бунт планеты против человека. Многочисленные военные конфликты, пришедшиеся на то время, действительно унесли много жизней, но природные катаклизмы оказались гораздо страшнее.

Во второй половине двадцать первого века стремительно повышался уровень Мирового океана – таяли полярные льды. Очертания континентов изменялись. Районы речных дельт, с древности плотно заселенные, уходили под воду. Старые города, расположенные на побережьях, становились непригодными для жизни. Миллионы людей, обременённых всевозможным скарбом, перебирались вглубь континентов. Сзади оставались высокие дома, маленькие коттеджи, заводские трубы, соборы, пагоды, памятники, портовые постройки и железные дороги. Все это, оставленное без присмотра, быстро разрушал буйный океанский ветер.

Человеческая цивилизация очень плохо перенесла новый Потоп. Начался голод и войны за пригодные для жизни территории. А потом Земля словно обезумела. Страшные катастрофы следовали одна за другой. В довершение всего, возникла эпидемия новой, неслыханной доселе болезни, так и не получившей названия. От неё умирали быстро и без мучений, но смертность была почти стопроцентной.

Впрочем, перечислять бедствия, обрушившиеся на род людской, нет необходимости. Стоит лишь упомянуть, что к 2108 году из двенадцати миллиардов населения планеты выжило меньше миллиарда.

И тогда все кончилось. Мор исчез бесследно, словно его и не бывало. Уцелевшие растерянно оглядывались. К тому моменту все уже смирились с мыслью о близкой гибели, и вдруг последовало загадочное, неизвестно чем вызванное помилование.

Александр Тарцини, новый мессия, приписал эту заслугу себе.

В середине апреля 2108 года он обратился к Логосу и умолял его пощадить остатки человечества. И Логос, квинтэссенция мудрости, внял ему. Он прекратил трясение почв, смирил бури и остановил воды потопа. Взамен же он повелел Тарцини оставить все дела (можно подумать, в тот безумный год у кого-то еще могли быть какие-то дела!) и нести миру новое учение.

Вот и сейчас Тарцини неторопливо рассуждал о Едином Разуме – Логосе. Говорил он по-русски. Это был язык его собеседника, но Марк так и не смог определить, родной ли он для говорившего. Он слышал, что Тарцини в совершенстве говорит еще на английском и китайском.

Тарцини порой бросал цепкие, изучающие взгляды на своего спутника. Он не упускал случая лишний раз изложить свою теорию, зная, что она сыра, неполна и противоречива. Растерянная толпа легко принимала её, поддавшись его личной страсти, пылкости и напору. Но этого было недостаточно, совсем недостаточно, и он знал это. На одних эмоциях далеко не уедешь. Теорию следовало заострить, заточить, убрать лишнее, для этого требовались думающие, строгие слушатели. Его нынешний собеседник, образованный и глубоко мыслящий, подо-

шёл бы на эту роль, хотя сейчас он явно не стремился играть роль благодарной аудитории, казался молчаливым и рассеянным. Но в какой-то момент что-то всё же зацепило его.

– И всё же слово “логос” означает нечто другое, – пробормотал он негромко, почти про себя.

– Ох уж эти слова! – хохотнул Тарцини. – Слишком они запылились по пути, да и поистерлись. Их надо бы как следует постирать. Вычистить. Вытряхнуть. Немного подкрасить. Избавить от десятков старых, дряхлых значений. Люди совершенно потеряли способность понимать друг друга, потому что под одним и тем же словом скрывается множество разных вещей. Зато существуют и другие вещи, которым не сопоставлено слово, и их нельзя назвать. Смешно, не так ли? Какой тогда вообще смысл в словах? Они только всё путают.

– Ну так отмените их. – Человек с чёрными волосами и бледным лицом устало потёр глаза ладонью. – Вы же полагаете, что и это можете? Вообще-то вы не одиноки в своём желании управлять словом и смыслом. Такое уже тысячу раз бывало. Вы стремитесь внести в мир нечто необыкновенное – но увы! Ничто не ново под Луной, простите за банальность. Мы обречены на повторение. И вам тоже из этой ловушки не выскочить...

Тарцини уверенно усмехнулся.

– Ну что ж, посмотрим. А что до смыслов – я вкладываю в слова тот смысл, который хочу. Так-то. И меня понимают. Пора стереть все словари, выкинуть все энциклопедии. И написать новые.

– И заполнить их теми же ошибками... – чуть слышно прошептал его спутник.

***

Трудно сказать, был ли прав Тарцини, говоря о понимании современниками его идеи Логоса. Вряд ли. Скорее всего, они просто искали опоры в рушащемся мире, искали того, кто скажет – я знаю! Мне ведом путь!

К началу двадцать второго века придумать принципиально новую мировоззренческую концепцию, которая не отметилась бы в истории ранее в той или иной форме, было, разумеется, совершенно невозможно. В течение многих сотен лет до этого одни и те же идеи перетекали из культуры в культуру, из эпохи в эпоху, иногда оставаясь неизменными, иногда искажаясь до неузнаваемости, скрещиваясь, смешиваясь, обретая новые названия. Порой они исчезали и зарождались вновь, что свидетельствовало... о чём? О бедности человеческого ума и воображения? О том, что новые поколения обречены вечно бродить по кругу, с радостью находя одни и те же игрушки, оставленные их предшественниками? О том, что ни одного настоящего шага вперёд не было сделано ещё с того момента, когда первый камень был положен в основание пирамиды Джосера? И даже раньше? Кто знает...

Как бы то ни было, не отличалась новизной и концепция Логоса. Да и последовательностью она тоже не отличалась. Много позже разные тексты, приписываемые Тарцини, противоречили друг другу и доставляли немало хлопот адептам учения.

Само красивое словечко ‘Логос’ использовалось ещё в древнегреческой философии. В шестом веке до нашей эры Гераклит называл так истинное слово, разум, правящий миром и пребывающий в каждой вещи. Потом термин ‘Логос’ стал кочевать по разным мировоззрениям, меняя значения, приобретая новые, но всё-таки везде он был словом, что неудивительно – по-гречески Логос и есть слово.

Добравшись до христианства, Логос получил новый смысл и стал Словом, обретшим плоть. Логос – слово Бога, Христос, сын Божий.

Но священная суть *слова* продолжала жить в этом понятии.

Тень этой сути сохранилась и в Логосе Тарцини, хотя вообще он словом не был. Он был ноосферой¹². Точнее, он был причудливым смешением двух совершенно разных концепций, объединенных одним термином, концепций Владимира Вернадского и Тейяра де Шардена.

Логос – единый планетарный разум, в который должны были объединиться все существа, обитающие на земле. Сейчас этот разум дремал, поэтому в мире происходили несправедливости и катастрофы. В некий миг, когда люди достигнут внутреннего совершенства, он должен проснуться, и тогда наступит мировая гармония. Тарцини назвал этот момент пробуждением Логоса¹³. Добиться пробуждения Логоса было непросто. Людям следовало – самим, без помощи потусторонних сил – преобразовать себя, отрешиться от жадности, зависти, ревности, иных отрицательных черт, и обратиться к созидательной любви и познанию мира. Никогда в истории соотношение между теми, кто был достоин приблизиться к Логосу и теми, кто тратил свою жизнь без цели и смысла, не достигало критического порога. И потому Логос спал и лишь изредка откликался на зов достойных, ищущих его...

Больше всего учение Тарцини походило на мировоззрение Шардена, только оно было упрощенным, без духовной составляющей. Всю ответственность за происходящее он возлагал на человека, и в этом смысле был ближе к Вернадскому. Но так и осталось неизвестным, был ли Тарцини как-то знаком с идеями этих выдающихся мыслителей или придумал свою теорию сам.

Уж Логос ли покровительствовал, или Тарцини сам оказался талантливым руководителем, или ему просто повезло – неизвестно, но влияние скромного служителя Единого Разума на людские умы распространялось стремительно. Он попал в нужное место в нужное время. Он создал грандиозное общество, поглотившее, подавившее, вобравшее в себя все мировые религии. Последователи его были на всех континентах. На подконтрольных ему территориях он творил, что хотел, ни перед кем не отчитываясь, объясняя все свои поступки велениями Логоса. Он не был намеренно жесток (по крайней мере, тогда), но не терпел неповиновения.

Своих последователей Тарцини назвал – отшельники. А всю свою организацию – Сфера. И в это он вкладывал вполне определённый смысл. Слово ‘отшельник’ символизировало личность, индивидуальность каждого человека. А ‘Сфера’ – единение, общность всех людей.

Личности объединялись в единое гармоничное целое, обогащали его, не теряя себя, не растворяясь во множестве. Вечный вопрос: что выше, личность или общество, терял смысл.

Сфера складывалась из отшельников. Отшельник был частью Сферы.

И когда Сфера станет совершенной, пробудится Логос.

***

Марк Амелин услышал о Тарцини и Логосе совсем недавно, как, впрочем, и все остальные.

Обстоятельства выдвинули его на руководящую роль в новом мире, и он пытался создать людям условия, годные для сносного существования. Он достиг некоторых успехов, но появление Тарцини угрожало с трудом обретенному шаткому равновесию. Слишком шаткому.

Марку не слишком ему нравилось заниматься тем, чем он сейчас занимался. Там, в прошлой жизни, он не был ни политиком, ни общественным деятелем. Марк был членом Исполнительного комитета ВОЗ¹⁴ и получил известность во время борьбы с эпидемией, борьбы не слишком успешной, но упорной.

---

¹² Термин ‘ноосфера’ впервые использован французским математиком Эдуардом Леруа.

¹³ Подобие “точки Омега” у Шардена.

¹⁴ Всемирная организация здравоохранения.

Он, один из немногих, почти наверняка знал о происхождении этого вируса, знал некую биологическую лабораторию на тихоокеанском побережье, разрушенную землетрясением... Вообще в ходе безуспешных попыток разработать вакцину ему пришлось узнать многие вещи, ранее представлявшие собой государственные тайны. А сейчас это было уже неважно. Не существовало ни государств, ни лабораторий, ни организации здравоохранения, ни всего привычного жизненного уклада, и тайны никого не интересовали.

Но в глубине души Марк признавался себе, что распространение учения о Логосе тоже представляется ему эпидемией.

Сегодняшняя встреча была попыткой договориться. Марк чувствовал безнадежность этого предприятия. Силы противника слишком превосходили его собственные и приближались быстро и неумолимо. И все же он пытался сопротивляться.

Сохраняя безмятежное спокойствие, Тарцини управлял летательным аппаратом. Чуткая машина слушалась каждого его движения.

Марк же нервничал, слушая рассуждения Тарцини на философские темы. Он был уверен, что рано или поздно беседа примет более конкретное и неприятное направление. Так оно и случилось.

Описав благословенное будущее после пробуждения Логоса, Тарцини сменил тему.

– И всё же не понимаю я вас, – заговорил он низким уверенным голосом. – Вы не пускаете на свою землю отшельников. Почему? Какой от них может быть вред?

– Не все готовы обратиться в вашу веру, – Марк криво улыбнулся, давая понять, что это шутка.

– Это не вера, – Тарцини пожал широкими плечами. – Логос – не бог.

– А похож. – Марк не удержался от ядовитого замечания, впрочем, тут же пожалев о своём выпаде.

– Нисколько, – спокойно возразил Тарцини. – Бог подобен горизонту, он по мере приближения к нему удаляется. Вспомните, человек всю свою историю стремился к нему, а тот ускользал. Сперва боги селились на высоких горах, потом на небесах, потом перебрались за грань Большого Взрыва, где их трудно побеспокоить. А Логос – здесь, мы сами его создаём.

И потом, вы что ж, боитесь, что несколько безобидных бродячих проповедников так настроят ваших приверженцев, что они отшатнутся от вас?

Несколько! Да их тысячи! Марку довелось недавно заглянуть на совет отшельников, и многолюдность и организованность этого сборища неприятно поразила его.

– Позвольте людям самим выбрать, нужен им Логос или нет, – неторопливо продолжал Тарцини.

“Выбирать самим... – раздраженно подумал Марк. – На какой выбор способны люди, угнетённые нескончаемыми бедствиями? Отшельники столь сладкоречивы. Они расскажут о счастье единения с Логосом, о всеобщем братстве, о разумной планете, предупреждающей все желания. Кому не понравится эта красивая сказка? Но они не скажут, что мы станем провинцией империи Тарцини, и будем отдавать отшельникам всё, что они пожелают, пока этот их Логос не проснется...”

Сам он весьма сомневался в возможности этого события.

– Что здесь строят? – Марк неловко сменил тему разговора. Потом он спохватился, что не следовало задавать этого вопроса. Тарцини вряд ли намерен перед ним отчитываться, и сейчас даст это понять в самой отвратительной лицемерной форме.

Но Тарцини лишь внимательно посмотрел вниз, словно проверяя, насколько продвинулись работы за время их беседы.

– Это Обитель Разума, – сообщил он.

– Что? – глупо переспросил Марк и снова выругал себя за это. Надо было промолчать. Или не надо? А может быть, служитель Логоса нарочно привез его сюда, чтобы показать это грандиозное для их времени строительство? Зачем?

– Обитель Разума – архив знаний, накопленных человечеством, – любезно пояснил Тарцини. Люди открыли много тайн природы, но использовали их во зло, и чуть не погибли из-за этого. Все эти знания будут храниться здесь, и пока человек не станет мудрее, двери Обители будут закрыты.

Марк настороженно взглянул на Тарцини.

– А почему здесь? Ведь это пока самая граница зоны вашего влияния. Почему выбрано именно это место?

Его собеседник усмехнулся.

– Во-первых, как вы удачно заметили, ‘пока’. Во-вторых, эта долина идеально подходит для моих систем защиты. Сюда даже комар не влетит без моего ведома. И потом, мне нравится здесь. Разве этого не достаточно?

– Это очень большая работа, – заметил Марк, стараясь не раздражаться из-за ‘пока’. Если Тарцини вздумалось создать здесь научный центр, в этом нет ничего страшного, правда?

– Грандиозная! – живо согласился Тарцини. – Никакие научные разработки на планете не будут проводиться без ведома служителей Логоса.

– А если кто-нибудь придумает вечный двигатель, и вам не сообщит? – спросил Марк без особого интереса, просто чтобы поддержать разговор. Его занимали более насущные проблемы.

Тарцини искоса взглянул на него, бросив управление. Машину закружило на месте.

– Того я уничтожу, – холодно сказал он. – И это возвращает нас к началу нашего разговора, Марк. Вы мне мешаете.

Марк откинулся на спинку кресла. На его лице резко обозначились вертикальные морщины, шедшие от крыльев носа к уголкам узкого рта. Взгляд устремился в пространство, словно Марк смотрел в будущее и видел там беду.

– А вы хотите, чтобы все безоговорочно вам поклонились? – устало спросил Амелин. Он был плохим дипломатом.

Тарцини вспыхнул.

– Я хочу, чтобы вы не запирались от остального мира! – с негодованием воскликнул он. – Я хочу, чтобы вы выслушали слово Логоса, прежде чем отвергнуть его. Я хочу, чтобы не исчезли отшельники, пришедшие на ваши земли. Нежелание понять своего соседа едва не погубило род людской – вы забыли об этом?

Он говорил и говорил, словно видел перед собой благодарную аудиторию. Однако Марк безучастно слушал обличающий голос, слегка завидуя умению собеседника все поставить с ног на голову. Ведь это он, Тарцини, шел к Марку с угрозами. Он хотел прибрать к рукам новые земли. Он навязывал потрясённому миру новое божество, Логоса, плод своего изворотливого ума. Но в этой пламенной речи Марк Амелин представал злодеем, мешающим возрождению человечества, и ему, как ни странно, не приходило в голову, какие возражения противопоставить этим яростным, возмущённым фразам. Тарцини виртуозно владел словом.

“Хорошо, что мы одни”, – подумал Марк.

– Мы одни, – сказал он. Это было его единственным ответом. Он слишком устал, чтобы упражняться в казуистике.

Тарцини поднял одну бровь и неожиданно усмехнулся.

– Ну и что?

– Отшельники смогут беспрепятственно перемещаться по нашей территории, я обещаю это, – медленно, обдумывая каждое слово, заговорил Марк. – Все желающие услышат слово

Единого Разума. Но мы не готовы к слиянию с ним... пока. Присоединение нашего государства к вашей... – он запнулся, выбирая слово, – империи было бы преждевременным.

– Ну, если уж вы решили говорить напрямик... – Тарцини посмотрел вниз, на обширные земли, которые уже принадлежали ему. – Вы знаете, что я легко могу истребить все население этого, с позволения сказать, государства?

– Знаю. – У Марка дернулась щека. – Но вы этого не сделаете.

– Почему же?

– Потому что смертей было достаточно, – сказал Марк. – Да и зачем? Вы ведь получите, что хотели. Служители Логоса обращают в свою веру тысячи людей, стоит им только появиться.

На лице Тарцини появилось заинтересованное выражение.

– Так вы это понимаете? Тогда зачем вам так нужна эта фиктивная независимость, а, Марк? Неужели вы хотите обеспечить собственное будущее? Вы меня разочаровываете. Как будет называться ваша должность? Президент? Король? Смешно, Марк!

– Император, я думаю, – задумчиво сказал Марк Амелин. И невпопад добавил, – Георгий его зовут.

– Это еще кто? – удивился Тарцини.

– Один застенчивый юноша. Кажется, его можно считать прямым потомком некоего известного властвующего ранее рода. Я действительно собираюсь объявить его императором.

Марк услышал иронический смешок Тарцини.

– Ну и у вас романтическая фантазия, Марк. Священную Римскую Империю воссоздать не хотите? А он что, правда чего-то там потомок? Габсбургов, вероятно? Или Романовых?

Марк равнодушно пожал плечами.

– Да какая разница. Может, и не так это. Но вышло, что появилась возможность это обыграть. Молодой человек был не слишком рад этой перспективе, но его убедили. Всё ведь рухнуло. Необходимо дать людям какое-то правление, дать закон. Это следует сделать быстро, а игры в выборы сейчас потеряли смысл, не интересны они никому.

– А вы станете первым министром? – осведомился Тарцини.

– Не знаю, – безучастно проговорил Марк. – Возможно, но если я вам не угоден, то могу устраниваться. И с радостью.

Тарцини раздраженно скривил рот.

– С вами не соскучишься. Тогда зачем вы этого добиваетесь, вы мне можете объяснить?

– Могу, – спокойно сказал Марк. – Дело в том, что я боюсь вашего Логоса. Вы хотите создать мир, в котором не будет других ценностей, кроме него. Любовь, мудрость, красота, вода, пища и свет солнца – все это Логос. Грядущие поколения станут его рабами. А если его не существует? – Он быстро взглянул на Тарцини. Сам-то он был уверен в этом, но все же сделал эту оговорку, опасаясь вспышки гнева своего собеседника. – Пройдет тридцать, сорок, пятьдесят лет – кто станет управлять людьми от его имени?

– А вы заглядываете далеко вперед, – заметил Тарцини почти с одобрением. – Хотя я надеюсь разрешить это небольшое затруднение. Ну что ж, хотите новую Римскую империю, ну и хорошо. Во избежание новых кровопролитий я готов удовлетворить вашу прихоть. Но с одним условием. Я сыграю роль папы римского.

Марк посмотрел на Тарцини, непонимающе и настороженно.

– Этот молодой человек, как его...? – Тарцини прищёлкнул пальцами.

– Георгий, – напомнил Марк.

– ... получит корону из моих рук. Так будет лучше и для меня, и для вас. Люди увидят, что разногласия между нами улажены.

– И когда? – пробормотал Марк.

– Осенью. Скажем, в конце сентября.

Это предложение показалось Марку ловушкой, хотя он был здесь именно затем, чтобы договориться об этом символическом шаге. Столь странное предложение выбило его из колеи. С трудом ему удалось произнести скупые слова благодарности.

– Не стоит, – прервал его Тарцини и взглянул на Марка с неожиданным дружелюбием, даже сочувствием. – Будет у вас король, царь, император, не будет... Это очень мало значит для меня. Он мне не помешает.

Эта фраза, точно меткая стрела, нашла цель в броне, которой окружил себя Марк, готовясь к этому разговору. Хладнокровие изменило ему. Зрение на миг помутилось от бессильной ярости. Сердце затрепыхалось в грудной клетке, не находя себе места. Тарцини говорил правду, и все ухищрения Марка, по сути, были лишены смысла. Хозяевами мира становились служители Логоса.

Если Тарцини и заметил состояние своего спутника, то не подал вида. Впрочем, его внимание привлекло происходящее на земле. Машина снижалась.

Находка

Там, внизу, не прекращалась работа. Появление техники многократно ускорило ее. Рубщики быстро добрались до разрушившейся избушки. Ковш экскаватора уже вонзался в эти останки, словно клюв стервятника в мертвое тело. На воздушную платформу сыпались щепки, бревна, полусгнившие доски и комья земли.

Вдруг в груде мусора мелькнул ядовито-фиолетовый, неестественный цвет. Никто, кроме Григория, не обратил на это внимания. Неожиданно для него самого любопытство подтолкнуло его вперед, и он выхватил пакет прямо из ковша, испачкав руки в глине.

– Зачем ты это взял? – сердито спросил старший.

– Просто хочу взглянуть... – руки юноши проворно распаковывали деревянный ящичек. Ему не терпелось узнать, что в нем, и он боялся, как бы ему не запретили это сделать. В ящичке же заключалось нечто важное, юноша в этом не сомневался.

Но старший больше ничего не сказал, лишь укоризненно покачал головой. Григорий откинул крышку.

Внутри был пистолет и плоская квадратная коробочка.

Пистолет больше заинтересовал Григория. Он взял его и стал рассматривать, чувствуя себя центром всеобщего внимания – все вокруг него столпились. Оружие несколько не пострадало от долгого пребывания в тайнике. Оно было столь же тяжёлым, чёрным, матово поблескивающим и готовым убивать, как и больше ста лет назад, когда Анатолий положил его сюда.

Летающая машина была уже совсем близко, и двое наверху, пока никем не замеченные, тоже смотрели на оружие, на деревянный чемоданчик и пластмассовую коробочку. Ни они, ни кто-либо из столпившихся на земле не произнесли ни слова. Всех словно заорожила эта необычная находка.

Только один человек никакого интереса к ящичку не проявил. То был сумасшедший. Он вообще сегодня вел себя странно, словно его психическое состояние ухудшилось со вчерашнего дня. Работать он бросил совершенно, бесцельно бродил по вырубке, оживленно жестикулируя и гримасничая. Рубщики все утро искоса поглядывали на сумасшедшего, опасаясь, как бы чего не выкинул. Инструменты у него забрали.

Но именно сейчас, на какое-то короткое время, все про него забыли, и вспомнили лишь тогда, когда раздался дикий крик, сопровождаемый грохотом падающего дерева.

Дуб, уже подпиленный, стоял в отдалении. Позднее так и не смогли вспомнить, по чьему недосмотру его не свалили сразу. Он стоял так день, а может быть, и дольше, и вот наконец рухнул, придавив человека своей тяжестью.

С помощью экскаватора его удалось довольно быстро вытащить. Сумасшедший бился и хрипел. Из рта текла кровь.

Люди бессильно смотрели на него. Помочь они не могли.

И тут, наконец, прозвучал голос с небес.

– Кладите его в машину.

Голос был властным и звучным.

Аэромобиль Тарцини повис на высоте нескольких сантиметров над землей. Впрочем ни хозяин, ни Марк Амелин, не слишком довольный таким поворотом событий, оттуда не вышли.

– Сиденье испачкается, – брякнул Андрей.

Тарцини обратил на дерзкого тяжёлый взор, и юноша, стоявший рядом, почти задохнулся от волнения.

– Ну, это не твоя забота. Действуйте.

Сумасшедшего стали неловко укладывать на заднее сиденье. Все суетились и мешали друг другу.

Молодой человек чуть отошел назад, и вдруг Тарцини поманил его к себе.

– Ты поедешь с нами, – распорядился он.

– Я? – изумился Григорий. На самом деле произнести столь сложный звук ему не удалось, и получилось что-то вроде “и-а”.

– Да, да, – Тарцини чуть заметно усмехнулся. – И захвати то, что ты нашёл.

Кто-то услужливо сунул в безвольные руки юноши чемоданчик, кто-то подтолкнул его к двери машины. Присутствие Тарцини тяготило рубщиков. Он не собирался пугать их, но это неожиданное появление живого бога всех встревожило, и им хотелось сейчас одного – чтобы он исчез. Конечно, позже они будут вспоминать, как лично видели Тарцини, и кто при этом что сказал, или подумал, или сделал, и как спокойно и мужественно вёл себя каждый из них. Но это будет потом, сейчас же им было крайне неудобно, и рубщики торопились избавиться от Тарцини. Ради этой цели все были готовы пожертвовать своим товарищем. Впрочем, и особенной дружбы между ними не было.

Тарцини наблюдал за этой суетой, и на его не улыбочивом лице было выражение насмешки, которая определенно присутствовала, но проявлялась непонятно в чем – то ли в поблёскивании глаз, то ли в капризном изгибе резко очерченных губ, то ли в чуть заметном движении бровей...

Эта первая поездка на аэромобиле показалась юноше кошмаром. Земля съезжилась в большой пёстрый лоскут далеко внизу. Рядом хрипел сумасшедший. Григорий жалел и боялся его. Кровь раненого перепачкала и одежду юноши, и ему казалось, рубашку уже пора выжимать, чтобы избавиться от этой страшной красной влаги.

Когда машина пошла на снижение, сумасшедший больше не шевелился.

Они прилетели во временную резиденцию Тарцини. Здесь было много серебристых, точно отлитых из металла, строений. Резкие углы отсутствовали, дома имели эллипсоидную, сферическую, в крайнем случае, цилиндрическую форму. Постройки связывала сложная сеть дорожек, покрытых разноцветной плиткой. На одну из таких дорожек и опустился аэромобиль.

Тарцини вышел из машины, обошел её и внимательно посмотрел на окровавленное тело.

– Не успели, – констатировал он. – Впрочем, я так и думал.

Марк Амелин тоже выбрался наружу. В душе он был раздражён. Он не сомневался, что Тарцини затеял всю эту возню с перевозкой раненого, чтобы продемонстрировать ему, Марку, собственное благородство и самоотверженность.

– Я оставлю вас, с вашего позволения, – произнес он и намеревался уходить.

– Подождите, – остановил его Тарцини. – Вам нисколько не интересна находка этого молодого человека? Я слышал, вы любите старое оружие.

Он резко распахнул заднюю дверцу, так что юноша чуть не выпал.

– Выходи.

Юноша замешкался. Тарцини забрал у него деревянный чемоданчик и вновь раскрыл его.

– Очень любопытно, – пробормотал он.

Григорий, наконец, вылез из машины и стоял рядом, не зная, куда девать руки. В конце концов он спрятал их за спину. Тарцини все изучал содержимое ящичка. Марк тоже подошел ближе, и смотрел на пистолет – он действительно интересовался старинным оружием, хотя и не предполагал, что Тарцини известно об этом его увлечении. Еще одно свидетельство всезнания и всемогущества Логоса...

– А ведь это твой клад, – Тарцини обратился к Григорию. – Что ты намерен с ним сделать?

– Я не знаю, – растерянно ответил юноша. – Я даже не думал, что он мой.

– Ну ведь ты же нашел его. – Тарцини положил ящичек на крышу автомобиля и крутил в руках пластмассовую коробочку с диском, не обращая внимания на то, что на заднем сиденье его машины удобно расположился мертвец и рассматривал живых из-под полуоткрытых век.

– Я готов отдать это вам, если вы примете, – сказал Григорий, набравшись смелости.

– Благодарю, – служитель Логоса открыл коробочку и разглядывал блестящий круг. – Как, ты сказал, тебя зовут?

Юноша еще ничего об этом не говорил, но не стал уточнять.

– Григорий. Григорий Штоколов.

– Хорошо, – кивнул Тарцини. – Я о тебе подумаю.

Он повернулся к Марку.

– Знаете, Марк, перед тем, как вы покинете нас, я хотел бы подарить вам это оружие на память о нашей сегодняшней встрече. Это прекрасный экземпляр для вашей коллекции.

Амелин взял пистолет. Не за рукоять, а за дуло.

– Вы очень добры. – Рукоятью он провел по левой ладони. Сталь была невероятно чёрной на фоне его белых пальцев. – Вы позволите уйти? Меня ждут дела.

– Конечно, идите, – Тарцини был сама любезность. Марк ушел, а служитель Логоса провожал его взглядом, пока тот не завернул за дом. Григорий стоял рядом, затаив дыхание. Окровавленная одежда неприятно липла к телу, но ненадолго юноша забыл об этом. Он думал о своем будущем, и сердце его трепетало.

А будущее уже поджидало за поворотом, и сегодняшний день был для него очень важен. В этот знаменательный день Марк Амелин окончательно убедился, что дело его проиграно, Григорий Штоколов навсегда покинул невеселое сообщество рубщиков, а Александр Тарцини прикоснулся к собственной смерти...

Глава 4. Тредецим

Можно, пожалуйста, сказать, что назначение человека как бы заключается в том, чтобы уничтожить свой род, предварительно сделав земной шар непригодным для обитания.

Жан Батист Ламарк.

18 апреля 2190 года.

Ярослав Искатель

Их было одиннадцать.

Вообще-то их было тринадцать (двенадцать плюс глава Сферы), но двое отсутствовали.

Тринадцать – натуральное нечётное число, простое число, делящееся только на себя и на единицу. Чёртова дюжина, некогда пользовавшаяся недоброй славой.

Теперь об этих суевериях позабыли.

Эти люди управляли Сферой. Их так и называли – Тринадцать или Тредецим¹⁵. Они должны были быть ядром Сферы, её центром, точкой, к которой стремилось всё.

Они сидели в просторном светлом помещении, пожалуй, слишком просторном для такой маленькой группы.

Посередине помещения стоял стол кольцевидной формы, и собравшиеся расположились вокруг него. Стол был чёрным, и стулья тоже были чёрными, жесткими, с прямыми спинками. Стены этого небольшого зала, словно для контраста, имели нежный, кремовый, сливочный цвет. По стенам висели картины – геометрические абстракции, белые листы в строгих тонких рамах, и на белом были изображены в разных ракурсах предметы удивительных форм, предметы, которые нельзя втиснуть в трёхмерное пространство, как ни старайся. Справа и слева в зал вливался свет сквозь широкие окна, за которыми замерла в неподвижности вечнозелёная тропическая растительность.

Было очень раннее утро.

Собравшиеся были молчаливы и не улыбки. Они слушали выступавшего. Ни одна жилка не подрагивала на этих лицах – казалось, даже глаза перестали моргать. Ни одна складка не колыхалась на этих одеждах – а одеты они все были одинаково, в тёмно-серые балахоны, подобные монашеским. Согласно уставу Сферы, написанному Александром Тарцини, именно такую аскетическую форму следовало носить служителям Логоса.

Говоривший стоял, опершись сжатыми кулаками о край стола. Грубой веревке – поясу отшельника – с трудом удалось охватить его располневшую фигуру. Странное, словно надутое изнутри лицо поражало нездоровой белизной. Брови и ресницы выщвели и были почти незаметны. Редкие седоватые, чуть вьющиеся волосы прилипли к голове, мокрой от пота. Говорил он медленно и не слишком громко, но стояла такая тишина, что даже в самом дальнем уголке зала было слышно каждое слово.

– Близится пришествие Логоса. Возможно, остались недели, возможно, дни или часы до его властного вторжения в нашу жизнь. Нетерпение наше растёт. Но пусть каждый из нас задаст себе вопрос: достоин ли я? Ведь это великое счастье, которого тысячи лет ожидало человечество.

Произносить речь ему было трудно, он заметно задыхался. Его сосед слева чуть приподнялся, взял один из стоявших на столе гранёных стаканов, налил в него воды из стеклянного кувшина и поставил перед оратором. Тот прервался на минуту и сделал глоток. Поверхность жидкости в стакане казалась серебряной, словно на воде лежала фольга, и эта фольга мелко дрожала.

---

¹⁵ Искаж. лат. – ‘тринадцать’ (tredecim), ударение на второй слог.

Сосед справа внимательно изучал матовую поверхность стола.

Это был человек лет сорока, с узким и длинным лицом, на котором застыло неприятное, недоброе выражение. Подбородок перерезала вертикальная морщина, похожая на восклицательный знак. Короткие волосы красивого тёмно-каштанового оттенка чуть поредели на затылке. Губы были тонкими и бледными, щеки глубоко ввалились. Говорили что Бернгард – таково было его имя – слишком изнуряет себя аскетическим образом жизни. Белки глаз – мутные, с голубоватым отливом – казались неестественными, а сам взгляд был внимательным, неодобрительным.

Руки Бернгард положил на стол, сцепив пальцы в замок. Он был расслаблен и напряжён одновременно. Сейчас, когда мудрейший говорил, можно было передохнуть, но все же каждую минуту он ждал неприятностей и готовился доставлять их сам.

Уголок рта Бернгарда неприятно шевельнулся. Сейчас он думал об одном человеке – о том, кто сидел слева от оратора. О Ярославe Искателе...

Искатель с легкостью мог бы угадать мысли Бернгарда, если бы захотел, но именно в данный момент интриги в Сфере не занимали его. Он был озабочен другими делами, и эти заботы клали свой отпечаток на его лицо. Ярослав чуть заметно хмурился, и этого было достаточно для того, чтобы заставить быстрее биться сердца под грубыми серыми плащами.

Уже почти двадцать лет Ярослав Искатель фактически руководил жизнью планеты. Всей планеты, кроме Сферы...

Это был картинно красивый старик. На самом деле не так уж он был и стар, возраст его только приближался к семидесяти, но каким-то образом ему удалось внушить окружающим мысль о собственной древности, мысль о том, что он представляет собой некую неизменную часть бытия, этакий стержень, на котором держится все мироустройство... Внешность Ярослава была замечательна. Он обладал вдохновенным лицом волхва или пророка, лицом человека, отвернувшегося от соблазнов и навсегда отдавшего творчеству или религии. В его густых седых волосах еще проглядывала чернота. Из-под белых бровей смотрели на собравшихся тёмно-серые глаза, пронизательно и сурово. Годы не согнули его спины, он сидел очень прямо, не касаясь спинки стула, и спокойно встречал чужие взгляды – восхищенные или смущенные, исполненные надежды, иногда – неприязни, а порой и ненависти. Ярослав знал, какое впечатление производит на других, и умело пользовался этим.

Он мог бы наслаждаться тем положением в Сфере, которого ему удалось достичь за долгие годы служения Логосу, но Искателя это давно не радовало. Его тяготили тяжёлые думы.

“О чем мне следовало бы говорить? – ворчал он про себя, остановив взор на одной из картин. – О том, что не рискну высказать даже я, а остальные не осмеливаются и подумать...”

О том, что человечество пришло, наконец, в тупик, и этот тупик станет последним.

В этом направлении человек двигался упорно, с настойчивостью и находчивостью, свойственными представителям этого вида. Большую часть истории пришлось пройти ощупью, в темноте, но к двадцатому столетию факел науки засиял сто крат ярче прежнего, осветил новые горизонты, нехоженые тропы, и возможно стало выбирать дорогу в будущее с открытыми глазами.

По мнению Ярослава, была выбрана наихудшая.

Он, разумеется, произносил эту страстную речь только мысленно, но незаметно для себя впал в привычный возвышенный стиль, изобилующий метафорами, хотя вначале намеревался лишь обрисовать положение дел, ясно и немногословно. Привычка к игре в слова была настолько сильна, что даже самому себе он не мог ничего сказать, не употребив всех этих изящных оборотов.

Вопросы, которые сейчас обдумывал Ярослав, должны были встать во всей остроте еще восемьдесят лет назад, сразу после Великого Разрушения, но тогда в дело вмешался гений Александра Тарцини. Ему удалось разрешить основные трудности, казавшиеся тогда непре-

одолимыми. Он наладил бесперебойное производство продовольствия и нашел выход из энергетического кризиса. Восстановить на планете с истощёнными ресурсами промышленность, какой она была до Разрушения, даже ему оказалось не под силу, да он, кстати, не очень и пытался, не нужна она ему была. У него было другое в запасе.

Он покрыл Землю сетью телепортационных устройств.

Обычный телепорт выглядел как кабина с раздвижными дверями, похожая на лифтовую, и надо заметить, Ярославу гораздо реже приходилось пользоваться лифтом, чем телепортом. Эти кабины стояли повсюду, словно в прежние годы автобусные остановки в городах, да и выполняли они ту же функцию. Вошел внутрь, набрал нужный номер и переместился, куда надо. Просто и удобно.

Транспортная проблема была решена раз и навсегда.

Как ни странно, Ярослав Искатель не слишком любил этот способ передвижения, жизни без телепортов, разумеется, не мыслил, но не любил.

Было в этих устройствах что-то противоестественное. Точнее, не что-то, а все в них было противоестественным. Секрет их производства Тарцини хранил в глубокой тайне, и сейчас, вероятно, ни один человек на планете не мог сказать, как же они все-таки работают...

Некоторые люди, войдя в телепорт, испытывали краткое удушье и иллюзию зависания в пустоте. У большинства не было этих неприятных ощущений, не было их и у Ярослава, но его беспокоило другое: *что делать, если эти штуки начнут ломаться?*

Телепорты считались у отшельников даром Логоса, изучать их было строго запрещено, однако Ярослав все же организовал проведение некоторых секретных исследований. Даже при его положении в Сфере это было опасно, к тому же и риск-то не оправдался. Ему удалось разыскать людей, причастных к внедрению сети телепортов, тогда некоторые из них были ещё живы, возможно, кто-то жив и сейчас. Но так и не удалось составить цельное впечатление – как это работает?

Вообще недостаток знающих специалистов сказывался буквально во всем. После смерти Тарцини двери Обители Разума захлопнулись, а миром стали управлять люди невежественные и суеверные. Они извратили идею о Логосе, низвели его до уровня божества и стали ему поклоняться. В свободное время они плели интриги и уничтожали друг друга.

Вы слышите? Это я о вас говорю.

Он отпил воды из своего стакана, а мысль его двигалась дальше, обличая и негодуя, и все молча.

Научную деятельность они запрещали, ибо именно наука была признана злом, явившимся причиной Великого Разрушения. Лучшие из них ожидали со дня на день прихода Логоса и не думали о будущем. Худшие – подобно ему самому, кстати – враждовали между собой и тоже о нем не думали. Между тем механизм жизнеобеспечения, отлаженный Тарцини, еще работал, но уже начинал давать сбои.

Помимо телепортов, которые неизменно работали, хоть и каким-то мистическим способом, Ярослава Искателя беспокоила энергетика. Тарцини семьдесят лет назад сделал ставку на ядерную энергию – другие виды топлива были давно исчерпаны, но урана осталось в избытке, а управляемый термоядерный синтез – эту мечту физиков – на тот момент было слишком сложно поддерживать. Ярослав когда-то слышал, что Тарцини как раз собирался продолжить работы в этой области, и может быть у него и получилось бы, как получалось все, за что он ни брался... Но его убили раньше.

Небольшие поселения – а они все сейчас были небольшие – обеспечивались энергией от ядерных батарей, периодически заменяемых. Батареи эти были постоянной головной болью Ярослава. Следует еще раз отдать должное Тарцини – он сумел так организовать самый сложный процесс производства уранового топлива, что в течение десятилетий все происходило почти

автоматически. Но необходимость вмешательства в налаженную систему неумолимо близилась – сроки эксплуатации ключевых узлов подходили к концу. И не было знающих людей, чтобы сопроводить этот производственный цикл.

Ярослав тревожился. Он хорошо это понимал, но люди, которые сидели рядом с ним, сочли бы эту мысль кощунственной. Они полагали, что все, созданное Тарцини, будет работать вечно, и им остается только спокойно ждать пришествия Логоса. Ярослав и сам когда-то так думал. Однако однажды терпение его иссякло...

Ярослав стал отшельником очень давно, так давно, что ему иногда казалось, будто он с самого рождения посвящен Логосу. Но это, конечно, было не так. Идеей слияния с Единым Разумом его увлек человек, который стоял сейчас справа от него.

Василий.

Оба они были очень молоды.

Василий уже являлся тогда стойким приверженцем этого учения. Он был фанатично предан Логосу и заражал окружающих своим энтузиазмом. Это и произошло с Ярославом.

В те годы, в юности, он мало верил в себя и предпочитал полагаться на слова других. Ему казалось, он слишком мало знает. Вначале это действительно было так.

Он стал тенью Василия. Он слепо выполнял его поручения. Василий поднимался все выше – его вела слепая любовь к Логосу, – и Ярослав следовал за ним. Когда он вдруг обрел самостоятельность суждений, а случилось это неожиданно для него самого, оба были уже на головокругительной высоте.

Сколько Ярослав себя помнил, отшельники всегда ожидали пробуждения Логоса, и всегда знали точную дату этого события. Назначенный день приближался и наступал, Логос не просыпался, и тут же находился мудрец, который находил ошибку в расчетах и вычислял новую дату. Это продолжалось до тех пор, пока Василий, уже став главой Сферы, не запретил подобные изыскания, объявив, что ограниченный человеческий ум не в состоянии точно определить день столь великого события, а разочарование, которое постигает служителей Логоса в случае ошибки, слишком велико.

Но когда был наложен этот запрет, Ярослав уже давно утратил интерес к Логосу.

В один из тех долгих дней трепетного ожидания он, как обычно, уединился в своем жилище, чтобы встретить священное явление Единого Разума. В размышлениях незаметно прошло время. К вечеру Ярослав вышел на крыльцо своего дома и посмотрел вокруг.

А это был удивительный сентябрьский вечер. Не чувствовалось ни малейшего дуновения даже самого легкого ветерка. Небо затянуло облаками, они имели ровный нежно-серый цвет, и Ярославу казалось, он находится внутри гигантской полой жемчужины. Освещение в жемчужине было необычным, солнечные лучи, обычно прямые и быстрые, расплылись и смешались в однородную массу, и все на земле тонуло в этой массе. Ярослав вдыхал золотистую субстанцию, и ему казалось, она отличается от обычного воздуха... Она пьянила его, все тело становилось легким-легким, и еще немного – он сумел бы взлететь...

Может быть, это и есть Логос?

Тут один ловкий бесёнок толкнул Ярослава под локоть.

– В который раз ты ждешь пробуждения Логоса, а? – кривляясь, спросил бесёнок.

Ярослав отмахнулся, но тот все лез и лез. Только чтобы отвязаться от него, Ярослав под считал.

– В пятый, – сказал он вслух.

Бесёнок хихикнул и исчез. А Ярослав подсчитал еще раз. Действительно, в пятый. Его настроение не испортилось, но перестало быть торжественным. Он сел на крыльцо и любовался великолепием осеннего леса, пока не стемнело.

Когда Ярослав вернулся в дом, он твердо знал, что Логос никогда не проснётся. Его нет.

Как ни странно, это открытие не огорчило Ярослава. Наоборот, он почувствовал прилив сил, словно с него спали многолетние оковы. Вероятно, в глубине души он был уже готов к этому. Новые горизонты открылись перед ним.

Так вот и случилось, что один из главных адептов учения о Логосе сам в это учение ни на грош не верил. Ярослав, конечно, даже не заикнулся о переломе, который произошел в нём. Напротив, он еще ревностнее стал следить за строгим исполнением суровых обычаев Сферы. Помимо этого, он попросил отдать в его ведение хозяйственную деятельность. Доселе это занятие считалось у отшельников чуть ли не наказанием, и инициатива Ярослава была воспринята, как невероятное самопожертвование. Еще бы – думать о низменных насущных потребностях простых смертных, вместо того, чтобы предаваться возвышенным мечтам о встрече с Логосом. Василий даже пытался отговорить его, но Ярослав был непреклонен.

В те времена он и заработал прозвище Искатель. Это значило – тот, кто ищет себе трудов. Ярославу в глубине души нравилось прозвище, хотя он предпочитал понимать его по-другому. Он – искатель спасения для всех, искатель выхода, и цель его благородна. Так он думал в редкие минуты расслабления, эта романтическая трактовка бодрила его, хотя он никогда бы никому не признался в подобных мыслях.

Цель эта оправдывала и многие средства, которые порой приходилось применять Ярославу.

Ему было просто со старым поколением отшельников. Они, конечно, не проводили свои дни в размышлениях и самосовершенствовании, как то велел Тарцини, они жили совсем иной жизнью, интригуя друг против друга, заключая союзы, заключая сделки и совершая всевозможные нарушения устава Сферы. Но в одном они все же были едины – они свято верили в грядущее явление Логоса. Однако времена поменялись, и в Сфере появились новые люди.

Бернгард.

Ярослав сразу догадался, что этого человека мало интересуют Единый Разум. Сперва это обрадовало его. Уже давно он искал себе в Сфере сторонников, *настоящих* сторонников, а ими должны были стать не те, кто занят вечным поиском Логоса. Но ему потребовалось немного времени, чтобы с грустью понять, что Бернгард никогда не будет его союзником. Слишком велика оказалась разница между ними.

Ярослав Искатель утратил веру, потому что разум его, изодранный долгими размышлениями, *уже* не нуждался в ней, в этой поддержке извне, которая помогает неокрепшему человеческому духу выстоять в борьбе с жизнью. Бернгард же и не приобретал веру, потому что *ещё* не нуждался в ней, у него был столь прагматичный склад ума, что он никогда и не задумывался о тех отвлечённых, непонятных, пугающих вещах, заставляющих людей искать опоры в философии или религии.

Искатель продолжал внимательно наблюдать за Бернгардом и довольно скоро убедился, что этот последний стремится только к одной цели, и ему не просто не по дороге с ним, Ярославом, но и более того, они – враги. Он сам, приближенное лицо главы Сферы, является досадной помехой для этого нового хищника.

Бернгард добивался главенствующего положения в Сфере, а его энергия и напористость привлекли к нему многих сторонников. Расчет Бернгарда был прост. Василий болен, ему недолго осталось. После этого, а лучше еще раньше, нужно сделать одно – столкнуть Ярослава.

Но это оказалось не так-то просто. Совсем не так просто, как ожидал того Бернгард, который пришел из ниоткуда, и за несколько лет успел занять столь заметное положение в Сфере, не встречая особого сопротивления.

Искатель понял намерения Бернгарда, вероятно, даже раньше, чем противник успел сформулировать в уме, в чем же заключается его главная задача, и кто его главный враг. Яро-

слав был умен, хитёр и умудрён опытом. Он с успехом отражал атаки своего молодого соперника, но ему тоже до сих пор не удалось избавиться от него.

А он очень хотел от него избавиться...

Голосование

Василий закончил говорить и сел. Ярослав не смотрел на него, но слышал, как он тяжело дышит. В сущности, глава Сферы ничего и не сказал, ничего нового, ничего сколько-нибудь важного. Но только два человека в зале имели дерзость признаться в этом хотя бы самим себе.

Сейчас отшельникам предстояло обсудить несколько вопросов, не очень важных для истинных слуг Логоса, постоянно размышляющих о будущем планеты. Но все же каждый из этих вопросов решал по крайней мере одну судьбу, а некоторые – и очень много судеб.

Сперва в зал ввели нарушителя устава...

Запинаясь, словно стыдясь того, что должен был сказать, отшельник по имени Матиас излагал обвинение. Такая уж у него была обязанность, хотя он и не лучшим образом подходил для её выполнения, потому что слегка заикался.

Сущность обвинения сводилась к тому, что некий Герберт, молодой человек, только-только ставший отшельником, повстречав людей, знавших его до вступления в Сферу, стал похвальному могуществом слуг Логоса, а чтобы окончательно убедить своих знакомых, он свалил наземь несколько деревьев, срезав их лучом из ручного лазера, редкого инструмента, доверенного ему для какой-то работы.

Подобное нарушение дисциплины было серьёзным проступком, подлежащим тяжёлому наказанию. Впрочем, если бы кто-нибудь из присутствующих высказался в пользу обвиняемого, приговор мог бы быть смягчен, но никто этого не сделал. Только у одного человека губы чуть приоткрылись, но потом снова сомкнулись.

Это была женщина и сидела она прямо напротив Ярослава. Он знал её очень давно, почти столько же, сколько Василия. Её звали Линда, и она недолюбливала Ярослава с юности, так уж сложились их отношения.

Когда-то Линда могла считаться красавицей. Даже сейчас, в старости, она оставалась по своему красива, но лицо её стало суровым, а взгляд – жёстким.

Все же она была готова сжалиться над Гербертом, но в последний момент передумала.

“Дорого обошлась мальчишке эта похвальба”, – равнодушно подумал Ярослав, поднимая руку вместе со всеми. Впрочем, сам он не считал подобную кару – ссылку на Остров Забвения – такой страшной, как это было принято считать. Но молодой человек, потрясенный, упал в обморок, что само по себе тоже было проступком, потому что у отшельников самообладание считалось одной из основных добродетелей... Его унесли.

Вторым пунктом повестки оказался как раз этот самый Остров.

Когда-то он имел название, а теперь это стал просто Остров. С заглавной буквы.

Это был маленький клочок суши, расположенный в тропических широтах. Большую часть территории Острова занимал полуразрушенный город. Сто лет назад очертания береговой линии были совсем другими, и на Острове, кроме города, имелись и плодородные земли, которые несколько десятков лет назад ушли под воду. Была затоплена и примерно четверть городских кварталов. Там, под многоуровневыми эстакадами, где прежде шныряли созданные человеческим разумом механизмы из металла, стекла и резины, теперь охотились друг на друга молчаливые морские создания. Рыбы облюбовали нижние этажи зданий, а верхние еще высились над океаном, словно памятник людскому самомнению.

Отшельники использовали это место для ссылки неугодных или просто преступников.

Прежде сюда плавали на кораблях и летали на самолетах, а теперь дорога на Остров существовала только одна – через телепорт, охраняемый слугами Логоса. Обречённых на забвение привозили сюда и предоставляли собственной судьбе. Вопреки оптимистическому

мнению Ярослава, они обычно очень скоро погибали. Жизнь на Острове была страшной, и у выхода местного телепорта следовало начертать ту фразу, которую некогда прочитал Данте над воротами ада.

Служители Логоса, которые в какой-то степени всё-таки присматривали за Островом, поощряли здесь производство и употребление наркотиков. Люди, прибывшие на эту землю, быстро втягивались в самоубийственное занятие, но таким, можно сказать, везло. Другие попадали на плантации наркотических растений в качестве рабов. Их одиссея заканчивалась еще быстрее...

Кое-кому удавалось удачно вписаться в сумбурную и лишённую надежды на лучшее будущее жизнь Острова. Эти люди тоже вставали на путь производства дурмана, опасный, но сулящий большие выгоды. Так они могли продержаться некоторое время, пока конкуренты не избавлялись от них. Закона на Острове не существовало.

Почти все необходимое – продукты, одежда и остальное – доставлялось извне и распределялось служителями Логоса. Точнее, они завозили все это, а распределение доверяли wybranым им местным жителям. В сердце города редко рисковали забираться даже отшельники.

Когда Ярослав оставил мечты о Логосе и предпочел заняться практическим делом, он стал извлекать кое-какую пользу из Острова. Основными своими достижениями он считал организацию здесь производства лекарственных препаратов, и создание небольшого целлюлозно-бумажного завода. В городе было довольно много его осведомителей, причем они даже не знали, на кого работают.

Внешне Ярослав никак не проявлял интереса к Острову. Если бы то, что он делал там, вскрылось, его не спасли бы никакие прежние заслуги перед Сферой. Весь процесс производства на планете был спланирован Тарцини, то есть непосредственно Логосом, и любое вмешательство в него стало бы величайшим святотатством.

Но до Ярослава никто в него не вмешивался...

Бернгард, недавно вошедший в число тринадцати руководителей Сферы, стремился выделиться даже здесь, хотя, казалось бы, он уже занял столь высокое положение, что дальше некуда, пока Василий жив и в здравом уме. Но честолюбие его было неумным, и он то и дело выдвигал новые идеи. Вот и сегодня собрание должно было обсудить целых три его предложения – одно из них по поводу Острова.

“Слишком уж он прыток и тороплив для отшельника, – ворчал про себя Ярослав. – Пора бы и остальным обратить на это внимание. Спят они, что ли? Дальше собственного носа не видят”.

Он продолжал размышлять, не обращая внимания на длинную речь, и прислушался к словам Бернгарда, только когда тот уже заканчивал.

– На Острове Забвения обитают те, кто навеки изгнан из общества, – говорил Бернгард. – Совершенные ими преступления тяготеют над ними и лишают их надежды стать частицей Единого Разума. Так достойны ли жизни эти создания? Более того, не является ли жизнь для них непрерывным источником страданий? Мы считаем, что будет гуманнее уничтожить их, тем самым избавив от мучений и угрызений совести.

Нет, я не призываю истребить их физически... Выполнение этой задачи было бы слишком тяжким бременем для нас. Я предлагаю лишь полностью разорвать связь с Островом! Нам следует перестать отправлять туда продукты, медикаменты и одежду.

“Медикаменты уже давно они нам отправляют, а не мы им, по крайней мере, некоторые”, – подумал Ярослав, но, естественно, промолчал. Бернгард же выдержал паузу и продолжил:

– Мы закроем эту кормушку, и через несколько месяцев язва исчезнет. Они сами истребят друг друга, они уподобятся змее, пожирающей собственный хвост!

“Ничего не скажу, – думал Ярослав. – Пусть за меня говорят другие. Не сумасшедшие же они, в конце концов”.

В зале зашелестел многоголосый шепот. Началось обсуждение.

Сперва Матиас, обвинитель по должности, а по сути, наверное, самый добродушный из присутствующих, долго и нудно объяснял, что подобное деяние бесчеловечно.

– А куда девать новых изгнанников из общества? – в первый раз нарушила молчание Линда.

Бернгард обратил к ней невыразительное лицо.

– А нужны ли новые изгнанники? – ответил он вопросом на вопрос.

– Мысль ясна. – Линда сплела тонкие сухие пальцы в замок над столом и больше ничего не добавила.

Слово взял Иннокентий, маленький человечек с густыми сердитыми бровями и громким пронзительным голосом. И тут стало интересно.

– Во-первых, как уже сказал Матиас, это было бы слишком жестоко, – заявил Иннокентий. – Но дело даже не в этом. Это было бы слишком опасно.

– В чем же опасность? – надменно спросил Бернгард.

– Они могут найти другой способ выбраться с Острова. Оттуда не столь далеко до ближайшего берега.

– На чем же они выберутся? – осведомился кто-то. – Вплыв?

– Почему? Ведь в городе некогда был морской порт. Вдруг там найдется парочка судов, которые еще могут плавать?

Ярослав усмехнулся. Он точно знал, что их там нет, но идея показалась ему забавной.

– Чепуха! – безапелляционно сказал Бернгард.

– Возможно. Однако исключить этот вариант нельзя. Доведенные до отчаяния люди на многое способны.

– Они ни на что не способны! – выкрикнул прежний голос. То был один из двух приверженцев Бернгарда, Ярослав не определил, кто именно.

Василий, казалось, задремавший, вдруг поднял руку, требуя тишины. Гудение в зале смолкло.

– Даже если бы собрание решило принять это предложение, – он говорил все также медленно, но на этот раз его слушали все, – мы не смогли бы осуществить его. Вы забываете о телепорте. Он установлен на этом месте тем, кто был мудрее нас, и мы не можем ни перенести его оттуда, ни уничтожить.

Ярослав прикрыл глаза, чтобы скрыть их злорадный блеск. Он и сам знал об этом, только молчал. Сегодня ему еще придется спорить с Бернгардом, так что Искатель просто выжидал, кто первый вспомнит об этом маленьком препятствии – телепорте. Однако он никак не ожидал, что это будет Василий.

– Если мы уйдем с Острова, его обитатели доберутся до телепорта, рано или поздно, – закончил Василий. – Вот и все, что я хотел сказать.

Обсуждение было завершено.

Бернгард раздраженно хрустнул пальцами.

Ярослав не сделал никакого жеста, но в глубине души он был удовлетворен. Эта глупая и опасная затея провалена, да и Бернгард выставлен не в лучшем свете. Не слишком он умён, всё-таки... Не предусмотреть такую простую вещь...

Но если Бернгард глуп, как ему удалось так выдвинуться? Почему он сам, Ярослав, ничего не может с ним сделать? Почему любая чушь, слетающая с его уст, выслушивается всеми с неизменным вниманием и серьёзно обсуждается?

Ярослав не знал ответов на эти вопросы.

Собрание еще не закончилось. Следующий пункт был не менее важен, чем предыдущий, и на этот раз Ярослав не был так уверен в благополучном для себя исходе. Он заговорил, впервые за все это время. Его низкий и властный голос заполнил помещение, изгнав из него все прочие звуки.

– Сейчас мы начнем обсуждать предложение Бернгарда о сокращении числа специалистов, обслуживающих объекты ядерной энергетики. Этот вопрос представляется мне довольно существенным, и я предлагаю приобщить к голосованию мнение тех, кто находится сейчас на Острове.

Там всегда находилось по крайней мере двадцать членов Сферы, из них один или два – из числа тринадцати старших. Но мера, предложенная Ярославом, была по меркам отшельников чрезвычайной. По традиции, они опрашивали тех, кто нес дежурство на Острове, только в крайне важных случаях.

Ярослав-то знал, что делает – эти двое отсутствующих были его явными сторонниками. Но обычай, увы, оказался не на его стороне...

Зал вдохнул и не выдохнул. Замер.

Василий недоуменно посмотрел на Ярослава.

– Да ведь это совсем несущественно, – произнес он. – Всего лишь формальный, чисто технический вопрос. Ну хорошо, давайте проголосуем...

Зал высказался против. Девять против трёх.

Ярослав не удивился.

Бернгард в сердце своем радовался, точно злой ребенок. Наконец-то ему удалось задеть патриарха. Это не получалось у него уже очень давно...

Слово было за ним.

Это была козырная карта Бернгарда. Уже давно среди части отшельников бытовало мнение, что следует полностью отказаться от использования ядерной энергии. Они считали, что устройства для её получения чужды природе планеты, и не исключено, что именно из-за них задерживается долгожданное пробуждение Логоса.

Им обычно возражали, что реакторы созданы по распоряжению Тарцини, а уж он-то никак не мог делать что-либо, противоречащее воле Единого Разума.

Спор этот продолжался уже несколько лет. Бернгард выдвинул идею, как примирить несогласные стороны, предложив отходить от этого способа получения тепла и света не сразу, а постепенно, для начала уменьшив количество персонала, обслуживающего реакторы. Раза, скажем, в два.

Ярослав понимал, что это безумие.

Нехватка знающих людей и сейчас пугала его, подобное же решение еще уменьшит их количество. Настанет день, когда их не останется вообще. Пройдет еще несколько десятилетий, и человечество навсегда опустится во мрак. Во мрак забвения.

Его воображение рисовало мрачные картины.

Зато другие, похоже, были довольны тем, что наступит конец этому долгому препирательству. Ярослав, разумеется, выступил против, но даже его авторитета оказалось недостаточно, его аргументы были слишком разумны, а такие не всегда действуют. Решение оказалось не его в пользу. Шесть против пяти. Хотя глава Сферы и не поддержал предложение Бернгарда, его голос считался за два только в случае равного разделения.

Линда тоже не приняла предложения, но это не помогло.

А вот если бы были те двое, оказалось бы шесть против семи. Ярослав с досадой покачал головой, и встретил взгляд сидевшего рядом Василия.

Василий смотрел на Ярослава с тёплой улыбкой, и видя такую улыбку, легко можно было понять, почему сотни людей в течение многих лет поддавались его обаянию. И даже сейчас Ярослав вспомнил, что когда-то их воодушевляли одни и те же чувства, и даже когда эти чув-

ства у него самого иссякли (что поделаешь!), он не перестал любить этого человека и уважать его.

– Мы уже не молоды, друг мой, – прошептал Василий. – Наши слова – вчерашний день. А Бернгард молод, будущее в его руках. Пусть делает, как считает нужным.

Тёплая волна, на миг затопившая сердце Ярослава, зашипев, испарилась.

“Это, может, твои слова – вчерашний день, – угрюмо подумал он, отводя взгляд от обезображенного болезнью лица Василия. – А я еще поборюсь, пожалуй”.

Все дальнейшее было несущественно. Нет, это было, конечно, важно для Сферы, но Ярослав не считал внутренние дела Сферы такими уж значимыми, и почти не встревал в них.

Его внимание привлекло лишь обсуждение совершенно безобидного случая. Какой-то парень, помощник на лесопилке, вдруг возымел необычный интерес к истории, начал в одиночку бродить по древним поселениям, и искать там обрывки старинных текстов.

Обычно подобные люди подавались в отшельники и тем удовлетворяли своё любопытство, но этот новоявленный исследователь таких намерений пока не выражал. Эта история и открылась-то совершенно случайно – молодой человек набросал какие-то заметки для себя, и они попались на глаза одному отшельнику, который почему-то счёл разумным доложить об этом выше. В сущности, ерунда полная, но Бернгард считал, что в записях присутствуют параллели с современностью, не слишком хорошо характеризующие служителей Логоса, и требовал отправить автора на Остров. Выслуживался, что ли, в очередной раз?

Ярославу было наплевать и на заметки, и на их автора, но, раздражённый своим проигрышем, он захотел взять реванш хотя бы в этом пустяке. Он произнес речь, которая его самого удивила. Он подробно разобрал текст, который в глаза не видел, и убедительно доказал, что никаких параллелей там нет. Он сообщил, что литература оскудела талантами (это было правдой, и не только литература), а создатель сего произведения – о чём же оно, кстати? – безусловно, талантлив, и надлежит направить этот поток к морю, но не иссушать его. Он заявил, что стоит настоятельно порекомендовать этому, как его, Марату Иволгину, что ли, написать биографию Александра Тарцини. И, наконец, он сказал, что дело создания жизнеописания Тарцини настолько важно, что требует постоянного контроля одного из них, и предложил возложить это ответственное задание на плечи Бернгарда.

Василий поставил вопрос на голосование, и предложение Ярослава прошло на ура. Только это не слишком улучшило его настроения.

О, если бы он мог предвидеть, к каким последствиям приведёт эта мальчишеская выходка!

Глава 5. Задание

21 апреля 2190 года.

Инга

Двери телепорта раздвинулись, и Марат Иволгин спрыгнул на землю.

Навстречу Марату, не торопясь, шли по узкой дорожке два человека, мужчина и женщина.

Женщина, вернее, девушка, – ей было не больше двадцати пяти лет – казалась очень хорошенькой. Это была миниатюрная блондинка, одетая скромно, но очень опрятно. Длинное, до середины щиколотки, платье, ладно облегалo её фигуру. Грудь, к которой неизбежно притягивался взор мужчины, была небольшой, округлой, упругой даже на вид. Густые светлые волосы девушка заплела в косу, но из строгой прически выбились непослушные прядки, и из-за этого их обладательница выглядела ещё моложе, чем была на самом деле – этакой юной шалуньей. Она улыбалась, и всё в ней буквально светилось от этой улыбки, и глаза, и зубы, и эти золотистые пряди, пронизанные солнцем.

Мужчина был гораздо старше, он годился в отцы своей спутнице, и не просто годился, а действительно был её отцом. Герман обожал свою дочь, и она отвечала ему взаимностью. Они шли рядышком, тихо разговаривая, мужчина опирался на сучковатую палку, девушка теребила в руках перекинутую через плечо косу, и Марат невольно улыбнулся, видя, как этим двоим хорошо вместе.

Но, честно говоря, по ряду причин он предпочел бы их не встречать, особенно её. Впрочем, деваться здесь было некуда, отец и дочь уже увидели его, и оставалось только поздороваться.

– Здравствуй, дядя Герман. Здравствуй, Инга.

– Здравствуй, Марат, – сказали они почти хором.

– Куда это вы собрались? – поинтересовался он шутливым тоном. Он испытывал некоторое смущение и старался скрыть его.

– Инга за покупками. А я её провожаю. Солнышко какое сегодня!

– Да, – согласился Марат.

– Попробую достать ткани, надо сшить чехлы на подушки, – сказала Инга с деловитой уверенностью, но певучим, нежным голоском. – И скатерть тоже нужна.

У неё был голос, точно колокольчик. Герман с любовью посмотрел на дочь.

– Удачи, – пожелал Марат.

– Надеюсь, мне повезёт, – весело сказала Инга. – Зайдешь посмотреть?

– Позовёте – зайду.

– Конечно. – Она рассмеялась, словно зашебетала маленькая птичка. – Приходи в любое время. У нас еще остались соленья с прошлой осени. Ты помнишь, я боялась, их не хватит на зиму?

Марат ничего не помнил, но согласился.

– Так вот еще полно осталось, представляешь! – Она торжествующе взглянула на мужчин.

– Ты молодец, – сказал Герман.

– А ты далеко? – спросил Марат.

– Не-ет, конечно, недалеко. В соседний город.

Хотя транспортная проблема была решена радикально, и человек мог в любой момент попасть в любое место на планете, почему-то немногие сейчас пользовались этим преимуществом. Большинство жителей Земли предпочитало не покидать своего климатического пояса, и вообще не путешествовать далеко от дома.

– Я поеду. Пока, папа.

– Пока.

– Ой, Марат, можно тебя на минуточку...

Она взяла его за руку и потянула к телепорту.

“Ну вот...”, – обречённо подумал молодой человек.

– Послушай, Марат, – Инга стала очень серьёзной, и это ей не шло, – ты ничего не слышал... ну о нём?

Она заглядывала ему в лицо, а Марат избегал её взгляда. Жалко ему её было. И стыдно почему-то. Хотя он-то здесь при чём? Не он же бросил её беременной...

– Нет, – сказал он, – я про твоего бывшего мужа ничего не знаю.

Она опустила золотистую головку. Ресницы часто-часто заморгали, и сердце у Марата перевернулось.

– Хватит тебе, – ласково сказал он, тронув её за мягкое плечо. – Больше года прошло.

– Да, – Инга согласно кивнула. – Ладно. Спасибо тебе, Марат.

Она помахала отцу рукой и скрылась в кабине телепорта.

Марат нагнал Германа и пошел рядом с ним. Сейчас, когда присутствие дочери не поддерживало его, спутник Марата казался почти стариком, хотя лет ему было не так уж много. Он ссутулился и опустил голову, внимательно глядя на дорогу. Его палка мерно постукивала по мелким камешкам.

Марату не хотелось вступать в разговор. Он понимал, что любая тема будет только предлогом, чтобы не обсуждать ту, запретную. Но и молчание тяготило его.

– Тепло сегодня, – наконец, произнес он, чтобы хоть как-то сгладить эту мучительную неловкость. Он ожидал, что Герман радостно ухватится за эту возможность заглушить неприятные мысли пустым разговором, но ошибся.

– Ты мне скажи, – сказал Герман, не глядя на Марата, – о чем она тебя спрашивала?

– А то вы не знаете? – Марат хмыкнул. – О Даниеле, конечно.

“Лучше бы я молчал”, – подумал он. Его невинное замечание о погоде неожиданно оказалось тем маленьким камешком, падение которого вызывает лавину.

– Да, – Герман вздохнул. – Она никак не забудет его.

Марат ничего не сказал. Волею судьбы он оказался доверенным лицом для всех участников той драмы годичной давности, и эта роль ему порядком надоела. Он многократно обсуждал все эти вопросы, и не собирался начинать сначала – на этот раз с отцом Инги.

Но именно таковы были намерения Германа.

– Марат.

– Да.

– Ты должен знать. Что у них случилось? Инга никогда не рассказывала мне об этом, хоть я и спрашивал ее. Она говорит, что не понимает... Но ведь этого не может быть? – Он удрученно покачал головой. – Меня очень печалит, что она стала такой скрытной. Это совсем не похоже на мою девочку.

– Ну, по этому поводу можете не расстраиваться. – Марат пожал плечами. – Инга вам ничего не рассказывает, потому что ей нечего рассказывать. Он просто ушёл и все. Без объяснений.

– Но почему? – недоумённо спросил Герман. – Что в Инге не так?

– Да это не в ней не так, это в нём не так... – вздохнул Марат. – Я вам уже говорил. Инге пора бы найти другого.

Старик словно не слышал его. Он размышлял вслух.

– Я бы понял, если бы он ушел к другой женщине... Женщина у него есть?

– Тогда не было. Сейчас – не знаю. Да вряд ли...

Герман остановился и в упор посмотрел на молодого человека.

– Поговори с ним, Марат, – попросил он. – Может, он бы вернулся?

Марат отрицательно покачал головой. Огорчать дядю Германа было жалко, но он не собирался опять становиться посредником в этих переговорах, лишенных смысла.

– Нет.

– Было бы хорошо, если бы его удалось уговорить.

– Во-первых, мы его уже уговаривали, и он не вернулся. Во-вторых, вам-то Даниель нужен? Вы что, не помните, как он обошелся с Ингой?

– Помню, конечно... Ну мало ли что в жизни бывает...

– Ничего себе – бывает! – резко сказал Марат. – Насколько мне известно, он бросил Ингу, когда она была беременна, и после того как она родила мёртвого ребенка, он ни разу не удосужился появиться здесь. Я не прав?

Всепрощение Марат еще мог понять. Он не мог понять, как можно продолжать надеяться на то, что человек может перемениться.

– Инге нужен муж, – настаивал Герман. – Мы бы все забыли, понимаешь?

– Тогда вы уж лучше с ним сами говорите, – сказал Марат возможно мягче.

От последней встречи с Даниелем у Марата остался тяжёлый осадок. Он тогда разыскал его по просьбе Инги, которая еще была беременна. Конечно, Даниель и не подумал вернуться, выслушав увещания Марата, и было сказано с обеих сторон слишком много резких, едких слов, вспоминать которые не хотелось.

В ответ на дерзость Марата старик только печально улыбнулся.

– Меня-то он точно не послушал бы... А ведь он нравился мне, знаешь. Ты если вдруг его увидишь, все же скажи при случае, что Инга все простила и ждет его. Ладно?

– Ладно, – сказал Марат. Пообещать это было просто, встречаться с Даниелем он не собирался.

Они дошли до того места, где тропинка разветвлялась, и Марат с облегчением сообразил, что их пути расходятся. Герман протянул руку, прощаясь.

– До свидания, Марат. Эх, лучше бы Инга за тебя замуж вышла...

– Теперь ничего не поделаешь, – заметил молодой человек философски.

Герман ушел. Марат же снова задумался о том, как не повезло Инге.

Красавица. Ласковая, нежная. Прекрасная хозяйка, любящая дочь.

Потом мысль его сделала зигзаг, и из глубин памяти выплыли блестящие, беспокойные глаза Даниеля...

– С самого начала думал, что из этого ничего путного не выйдет, – тихо пробормотал Марат, прислушиваясь к удаляющемуся стуку палки Германа, и вытащил из кармана мятую самокрутку. Он был рад тому, что наконец остался один. Не хотелось ему сейчас думать о чужих неприятностях, тем более таких, в которых и помочь-то никак нельзя...

Отшельник

Однако, через пару минут выяснилось, что он не один...

– Я пришел, чтобы поговорить с вами...

Марат вздрогнул от неожиданности. Глуховатый голос прозвучал словно из ниоткуда. Он резко обернулся – за спиной, в нескольких шагах от него, стоял человек. Солнечный свет ударил в глаза Марата, и он не мог разглядеть его лица.

Марат мог бы поклясться, что минуту назад здесь никого не было.

Человек шагнул вперед. Марат прикрыл глаза ладонью и понял, что к нему подходит отшельник. Всего лишь отшельник...

Марату это не понравилось.

Отшельники редко с кем-то общаются, а если уж начнут говорить, то добра не жди. А этот поджидал именно его. Зачем, а?

– Слушаю вас, – спокойно сказал он, незаметно разглядывая служителя Логоса.

Отшельник был одет в серое рубище, перевязанное на талии потрепанной толстой веревкой. Лицо у него было серьезное, худое, с бескровными губами. Он почти не моргал и сверлил Марата тусклым взглядом. Марат чувствовал себя неуютно под этим взглядом, но тут уж ничего не поделаешь. Мелькнула непрощенная мысль о том, как непохоже это суровое лицо на добродушную физиономию дяди Германа.

Он терпеливо дожидался ответа отшельника. Тот выдерживал паузу, словно размышляя, но Марат все же думал, что он делает это намеренно, тянет время, чтобы вывести собеседника из равновесия.

– Вы любите литературу? – наконец, произнёс отшельник.

Вопрос был совершенно неожиданным для Марата, и он растерянно развёл руками.

– Не знаю. Я с литературой мало знаком. Работаю на лесопилке помощником.

А что ещё он мог ответить?

– Мы считаем, что любите, – сообщил отшельник.

Марат хотел ответить: “Вам виднее”, но удержался.

– Это вы писали? – поинтересовался его собеседник, вытащив из кармана несколько измятых листков.

Марат растерялся ещё больше.

– Можно взглянуть? – спросил он зачем-то, хотя узнал листки с первого взгляда.

– Сколько угодно, – равнодушно ответил отшельник.

Марат взял в руки листки. Можно было сразу догадаться, на что намекает отшельник – но с другой стороны, зачем ему эти каракули?

– Получилось так, – заметил отшельник, – что эти записки были замечены руководством Сферы.

Марат удивлённо поднял брови.

– Они того не стоят, – пробормотал он и вернул бумаги собеседнику. – Да, это я писал для развлечения. Я думал, этого вообще никто не видел, да и кому это может быть интересно?

– Не содержит ли этот текст некоторых намеков на современность, как вы думаете?

– Нет, – ответил Марат. – Мне бы это и в голову не пришло.

Но он почувствовал, что руки неприятно холодеют.

– Ну что же, это был мой личный вопрос, – заметил отшельник. – Цель моего визита иная. Я уполномочен предложить вам написать биографический роман.

Марат опешил.

– Какой же? – медленно спросил он.

Отшельник поднял уголки губ, изобразив улыбку. Улыбка получилась неприятной.

– Некоторые из числа тринадцати... – вдруг он перебил сам себя. – Вы не догадываетесь, кто?

– Нет, конечно, – сказал Марат резче, чем следовало. Отшельник запугивал его, а он все не мог понять, чего ему надо.

– Так вот, некоторые из числа тринадцати столь высоко оценили ваш талант, что предлагают вам создать жизнеописание Александра Тарцини.

Молодой человек посмотрел в лицо отшельника, встретив этот оценивающий, сверлящий взгляд, и понял, что не ослышался.

– Я? – спросил он мгновенно пересохшими губами. – Но почему?

– Так решило собрание.

Марат тряхнул головой. Отшельник разглядывал его, словно подопытное насекомое. Ждал чего-то.

– Послушайте, – медленно проговорил Марат. – Наверно, я чего-то не улавливаю. Обычный человек не может писать такую книгу. Это может делать только служитель Логоса, имеющий специальные знания. Сами посудите – ну что я в этом понимаю? Кто я такой?

В первый раз в глазах отшельника промелькнуло живое чувство.

– Знаете, вот и я хотел бы знать, кто вы такой.

– Это невозможно, – Марат заговорил медленно, взвешивая каждое слово. – Данные о прошлом Тарцини скудны и противоречивы. Живых свидетелей уже не осталось. Письменных источников нет. Нам известны лишь легенды, которые довольно фантастичны и в разных переказах расходятся во многих деталях. Мы не знаем, как Тарцини стал тем... тем, кем он стал. Это неподъёмная задача. Для меня, во всяком случае. Нет, вы, наверно, шутите.

Отшельник не отвечал.

– И потом, – вспомнил Марат, – у меня есть работа. У меня договорённость с лесопилкой. Там нет другого помощника.

Беспомощная отговорка, конечно.

Отшельник покачал головой.

– Неубедительно. Вы что, отказываетесь исполнить просьбу тринадцати? Разумеется, у вас есть на это право.

Тон был безразличный, даже скучающий, но чувствовалось, что попытка воспользоваться этим правом может обойтись очень дорого.

Следовало хоть ненадолго избавиться от отшельника и собраться с мыслями. Неужели никак нельзя отделаться от этого самоубийственного задания?

– Не отказываюсь... – нехотя сказал Марат.

Отшельник кивнул.

– Вот и ладно. Вопрос с лесопилкой мы решим. Я еще зайду. Через неделю. Думайте.

Он ушел, не прощаясь. Там, где он только что стоял, на сырой земле остался глубокий, резкий след.

Марат повернулся и пошел прочь. Тропинка пружинила под ногами. Левое веко вдруг задергалось, он машинально дотронулся до него и остановился, пытаясь успокоиться. Дорогу преградило поваленное зимней бурей дерево. Марат сел на него и закурил.

Закат был красив и тревожен. Чёрные грозовые тучи заволокли небо у горизонта. Солнце из дальней дали бросало на них поток лучей, они фильтровали его и пропускали на землю лишь красные, цвета артериальной крови. Широкая алая полоса тянулась над тёмным далеким лесом, а обрывки туч напоздали на неё, угрожая сдвинуться и поглотить свет навсегда.

Марату слышалась торжественная пугающая музыка, и по спине бежал холодок.

Ему вспомнился римский император Тиберий, про которого он имел глупость написать.

Марат провел с ним много дней, изучая слова и поступки этого странного, жестокого человека. По сути, это был неприятный тип, но пришлось так долго общаться с ним, что он успел проникнуться к нему если не симпатией, то сочувствием. В благодарность Тиберий, похоже, втянул его в историю...

Марат прикрыл глаза, и безо всякого усилия с его стороны перед его умственным взором возник каменистый берег, круто уходящий в море. У обрыва стоял человек в тоге. Он был еще довольно молод, лет тридцати пяти или чуть больше, и был бы красив, если бы не угрюмое выражение и недобрый взгляд.

К острову плыл корабль. Человек равнодушно следил за ним, ни страха, ни тревожного ожидания не отражалось на его лице, но Марату было известно, что он испытывает именно эти чувства. Просто Тиберий, пасынок всемогущего императора Августа, находящийся в ссылке на Родосе, привык скрывать их, даже когда оставался один.

Корабль вез долгожданное разрешение вернуться в Рим, но Тиберий не знал этого, он смотрел на море сузившимися глазами, и на долю секунды его черты исказила причудливая смесь отчаяния, надежды и бессильной злобы. Впрочем, все это почти мгновенно исчезло. Он покорно склонил голову и, медленно ступая, скрылся за скалой.

Воображение Марата часто рисовало подобные яркие картины. Он не знал, похож ли его Тиберий на настоящего, и знать не хотел. Все это казалось ему игрой ума, скрашивающей пресную и однообразную жизнь. Это и было игрой, пока в лучах закатного солнца не нарисовался резкий силуэт отшельника... Э-эх...

Он шел через город. Точнее, это был не город, а небольшое поселение, которое, правда, могло похвалиться аж двумя телепортами. Здания стояли невысокие, высотой в три-четыре этажа, довольно обшарпанные. Покрытие улиц потрескалось.

Здесь было очень пустынно. Могло показаться, люди покинули городок.

Темнело. То ли тучи осуществили свой мрачный замысел и слизали с небесного купола полосу солнечной крови, то ли само солнце устало с ними спорить и бессильно сползло за горизонт.

Марат пришел домой.

– Кис, кис, кис, – позвал он.

Никто не отозвался. Марат повесил куртку на крючок и вошел в единственную комнату.

Обстановка была спартанской. Мебели в комнате было мало. Узкий диван, стол с одним выдвигаемым ящиком, небольшой шкаф, пара стульев. Слева был небольшой закуток – кухня.

Аристотель

Аристотель развалился на диване, покрытом мягким пледом. Он лежал на спине, вытянув задние лапы и согнув передние. Жёлтые глаза были полуприкрыты, на морде застыло умильное выражение восторга перед собственным совершенством.

– А, ты здесь, – устало сказал Марат. – Чего не отзываешься?

Аристотель приоткрыл один глаз и посмотрел на Марата. Потом завалился на бок и потянулся всеми четырьмя лапами, выпустив когти.

Марат взял кота на руки и сел на диван. Аристотель замурлыкал, вытягивая белоснежную шейку.

– Что не отзываешься? – повторил Марат, почесав кота за ухом.

– Занят был, – соизволил, наконец, отозваться Аристотель. Его неведомые создатели наделили его довольно приятным человеческим голосом.

– Чем же? – хмыкнул Марат.

– Я отдыхал и размышлял. А ты мне помешал, как всегда. Вы, люди, вообще шумные и бестолковые существа.

– Хорошо, а где ты был вчера? Ты мне был нужен позарез, я тебя обыскался...

– Мур-р-р, мур-р-р... А еще за ухом... А шейку... А, ты чего-то спросил?

– Я спрашиваю, где ты был вчера?

– Ходил по делам.

– Каким еще делам?

– Ну по своим кошачьим делам. Мышки там всякие, котэссы, опять же... Я же не спрашиваю, когда ты где-то шляешься... Мур-р-р...

Трудно иметь дело с котом, наделенным интеллектом и даром речи... Несколько лет назад необычное и рискованное приключение свело Марата с этим странным существом, и он уже привык к разумности кота, но так и не перестал удивляться его нахальству.

Аристотель вдруг выпустил острые когти прямо в колено Марата. Марат спихнул его на пол. Кот нахохлился на ковре, поджав под себя лапы, и стал похожим на сфинкса.

– И зачем только мне понадобилось притащить тебя с Острова? – спросил Марат.

Аристотель не ответил.

– Ты мог бы дома появляться, хоть изредка. А то когда ты понадобишься, тебя не доищешься. И вообще, нечего уходить далеко, слышишь?

Кот гордо молчал.

– Аристотель!

– Конечно, – обиженно заныл кот, – ты можешь болтаться где угодно и сколько угодно, а я должен сидеть и ждать, как дурак, а если мне вздумается пойти прогуляться, то, по-твоему, я должен бросить все мышинные норки, и песни, и бежать со всех ног, потому что тебе вздумалось, например, узнать расстояние до Луны? Мне такое разделение труда не нравится.

– Кормить не буду, – пригрозил Марат.

– Плевать я хотел на твою кормежку. Ты мне картошку даёшь. Мне! Да я лучше мышку съем.

Он облизнулся, показав маленькие белые клыки, и ушел под диван.

Марат протянул руку и взял со стола самокрутку. Много он стал курить в последнее время...

До сегодняшнего дня он чувствовал странную опустошённость. Римская империя еще не отпускала его, не давала обратиться мыслями к чему-то другому, но работа была закончена. Ничего не изменишь, не добавишь... Ум работал вхолостую. Выдуманный Маратом мир зажил своей самостоятельной жизнью и больше не пускал собственного создателя в свои пределы. Он показывал теперь Марату – как и всем прочим, кому случайно попались бы под руку те листки – только яркую и пёструю раскраску: мраморные пиршественные залы, белые тоги, перья павлина, трупы казненных в водах Тибра, бесчисленные римские легионы, смуглокожие ливийские рабыни, жестокость, безумие, раскаяние и страх... Но ведь там было еще что-то... Но что? И было ли?

Служители Логоса сочли, что было... Марат привлек их внимание, и ему теперь не спрятаться от них, словно несчастной мыши от Аристотеля. Братся за предложенное отшельником задание он не хотел. Шансов выполнить его, не попав после на Остров, а то и куда-нибудь похуже, было не больше, чем шансов не упасть у человека, пересекающего по ниточке стокилометровую пропасть.

Вот если бы случилось что-нибудь, чтобы они про него забыли...

Он потер лоб ладонью. Нет. Отшельники могут что-то забыть разве что в случае пробуждения Логоса. Даже если человек со сверлящим взглядом и не явится через неделю, то он, Марат, будет вечно ожидать его появления. Месяц. Год. Десять лет. Жизнь станет крошечным атомом, никакого Острова не надо. И дернуло же его ввязаться в это, работал бы спокойно, горя бы не знал... Он невесело усмехнулся.

– Мя-у! – Кот прыгнул на стол и мякнул, сделав ударение на слогe ‘у’. – Давай еду.

– Ты хотел питаться мышами, – рассеянно заметил Марат.

– Имей совесть, – кот, казалось, вздохнул. – Я, конечно, могу, только эти твари, знаешь, не сами ко мне в пасть прыгают. А ведь я могу тебе понадобиться, – льстиво добавил он.

Марат молча смотрел в пол, не поддержав обычную перебранку. Аристотель почувал неладное.

– Эй, Марат! Чего-то случилось?

– Случилось, – кивнул Марат. – Неприятности у меня.

– Какие еще неприятности? – настороженно поинтересовался Аристотель.

Марат рассказал про отшельника. Кот молча слушал. Его янтарные глаза светились в полумраке.

– Ну что я могу сказать, – на этот раз он действительно вздохнул, то есть издал звук, похожий на вздох, что, очевидно, должно было подчеркнуть его огорчение. – Ты понимаешь,

я всего лишь кошка. Я даже не могу дать тебе совет, потому что не знаю, что натолкнуло их на такое решение.

Он не упомянул о том, что советовал Марату никогда ничего не записывать, и Марат был за это благодарен.

И Виктор говорил, что нечего умничать. Все умные люди... нет, Аристотель не человек... Все умные существа это говорили. Надо было слушать.

– Но тебе придется согласиться, – продолжал Аристотель. – Отказаться ты не можешь, придется тянуть время.

– А чего тянуть-то? – спросил Марат обречённо.

– Ну мало ли что может случиться... Как в той притче – или шах умрет, или этот ишак...

– Ты еще скажи, Логос проснется... – подсказал Марат.

– Да, – без насмешки подтвердил Аристотель, – или Логос проснется. А там видно будет.

Марат снова закурил. Только сейчас он заметил, что уже совсем темно. Впрочем, кот не нуждался в свете, а ему самому сейчас нравился этот ночной мрак, ему хотелось раствориться в нем, навсегда скрыться от отшельников, да и от себя самого...

Глава 6. Ярослав Искатель

Бернгард

29 апреля 2190 года.

Ровно через восемь дней Бернгард стоял в берёзовой роще, перед маленьким бревенчатым домом. Над его головой тихонько переговаривались клейкие юные листья. Весенняя земля под ногами была влажной, живой и упругой. Под белой кожей деревьев почти зримо струился берёзовый сок.

Десять минут назад он вышел из телепорта, установленного в поле за рощей. Телепорт окружала высоченная, не меньше четырёх метров, каменная ограда. Внутри не было ничего, кроме кабины. В ограде была узкая дубовая дверь, ведущая в маленькое проходное помещение, в котором днём и ночью сидели отшельники из охраны Ярослава.

Они измеряли появившегося ненавязчивыми взглядами, здоровались и вежливо указывали на выход.

Когда посетитель выбирался наружу, склонившись немного, чтобы не удариться о низкую притолоку, он видел десяток неказистых на вид, но просторных и удобных домов.

Жили здесь отшельники, преданные Ярославу, вели своё хозяйство, выращивали овощи, пасли коров. Встречались среди них и женщины, немногословные, работающие, спокойные, часто красивые.

Отшельники теоретически придерживались свободных взглядов на отношения между мужчиной и женщиной, – единение в Логосе и так далее – но на практике почему-то удобнее всего оказалось создавать самые обычные семейные пары. Хотя бывали и исключения.

Главной службой обитателей маленького посёлка была охрана телепорта.

Была ещё одна особенность у этого телепорта. Он принимал не более одного посетителя за полчаса.

Ярослав не охранял свой дом. Он лишь закрыл подступы к нему.

Так достигалось желанное уединение Ярослава Искателя. Зверей он не опасался. Люди же могли попасть к нему только через тщательно охраняемые врата.

Местечко это окружали непроходимые болота. Добраться сюда иным путём было невозможно. А вот можно ли отсюда выбраться – знал сейчас только Ярослав.

Бернгард ждал.

Он знал, что по пятам за ним шёл один из сторожей, и знал, что его выпустят отсюда, только если Ярослав кивнёт этому сторожу после его ухода.

Обычные меры предосторожности.

Дверь заскрипела жалобно и протяжно, и на пороге появился Ярослав. Теперь за его спиной виднелась внутренняя обстановка его обители, самая простая. Он всегда жил очень скромно, как и подобало истинному служителю Логоса.

– Чему я обязан удовольствием видеть тебя, Бернгард? – спросил Ярослав, не сходя с крыльца и глядя на своего посетителя снизу вверх.

– Он согласился, – без предисловий сообщил Бернгард.

– Подожди, – Ярослав чуть заметно поморщился. – Кто согласился и на что?

Появление Бернгарда здесь действительно удивило его и, как он с неудовольствием отметил, напугало. А о своем дурацком предложении на общей встрече Ярослав, отягощённый многими заботами, совершенно забыл.

– Марат Иволгин согласился взяться за составление жизнеописания Тарцини, – пояснил Бернгард.

– Вот как? – Ярослав, наконец, вспомнил, о чем идет речь. – Но ты не обязан отчитываться передо мной, Бернгард. Расскажешь об этом на следующем встрече.

– Я полагал, тебе будет интересно узнать. Ведь это была твоя идея.

– Если это одобрили Тринадцать, уже неважно, чья это идея, – заметил Ярослав. – Но тем не менее, спасибо. Мне приятно было это услышать.

– Вот как? – спросил теперь Бернгард. Что-то все-таки в нем было, в Марате Иволгине, что привлекло к нему внимание Ярослава и побудило старика выдвинуть его, ничтожную пешку на их шахматной доске... Бернгард уже вторую неделю разгадывал эту маленькую бессмысленную головоломку и не находил решения, что все сильнее его раздражало.

На этот раз хваленая интуиция подвела отшельника, он тянул пустышку. Ярослав бы очень смеялся, если бы знал об этом, только он этого не знал, поэтому был насторожен и счел за благо сразу переложить всю ответственность на Тредецим. Неизвестно, чего можно ждать от Бернгарда, что у него в рукаве спрятано...

– Еще раз благодарю, за то что ты выбрал время, и сам пришел сообщить мне, старику... Но не стоит больше утруждать себя, право. Я все узнаю на встрече.

– Тогда я прощаюсь с тобой, – Бернгард почтительно наклонил голову.

– Да, иди. Рад был тебя увидеть.

Бернгард уходил, еще более убежденный в том, что у старого интригана есть какие-то хитрые планы, связанные с Маратом. Ярослав даже не поинтересовался подробностями их беседы – следовательно, они ему и так известны. О, Логос, что же он задумал, что, что? Неприятные мысли омрачали и без того неприветливое лицо Бернгарда.

Линда

Апрельский ветер пробежал мимо, играя только что вылезшими из земли травинками. Пригревало. Планета Земля поворачивала к теплу замёрзший бок.

Ярослав присел на крыльцо. Этот коротенький разговор привел его в недоумение. Странно все как-то... Бернгард, вместо того, чтобы отложить это глупейшее дело в долгий ящик, кидается его выполнять, а потом еще приходит лично отчитываться. Трудно все-таки иметь дело с человеком, который столь непредсказуем...

Над рощей низко-низко висели пухленькие облака, казавшиеся ненастоящими, подвешенными на ниточках. Так и толкнул бы это упругое облако, чтобы оно закачалось. Ярослав сохранил в себе способность радоваться простым вещам, когда их замечал.

Правда, что он не претендовал на роль вождя или пророка, меняющего лик Земли. Он был истинным отшельником когда-то, он стремился лишь к покою и гармонии, и это стремление долго-долго вело его извилистыми тропами и привело к маленькой, затерянной в лесах лачуге, из которой было так удобно дергать за невидимые нити, управляя чужими судьбами. Иногда ему казалось, что это игра, а иногда – что тяжкая повинность.

Неожиданное посещение Бернгарда отвлекло его от работы. Ярослав поразмыслил немного о делах и уже хотел вернуться в дом, но сегодня, похоже, у него был день визитов. За стволами берёз замелькало тёмное одеяние отшельника, и Ярослав остался сидеть, поджидая нового гостя.

Это была Линда. Она шла медленно, и Искатель, узнав её, поднялся ей навстречу.

– Здравствуй, Линда.

– Здравствуй, Ярослав. – Она натянуто улыбнулась, и рябь морщинок побежала от уголков губ. – Вот, решила зайти к тебе. Но ведь я сегодня у тебя не первый гость?

– Да, здесь только что был Бернгард, – небрежно сказал Ярослав.

– Знаю. Разминулась с ним у телепорта. Я его видела. А он меня – нет.

Ярослав поднял брови, ловко имитируя удивление.

– Я отошла в сторону. Не хочу с ним встречаться. Ох, Ярослав, Ярослав... – она уселась на крыльцо, с которого он только что встал, и откинула капюшон. Её седые волосы были гладко зачесаны назад и собраны в пучок. В лице ее, очень красивом, не осталось ничего женственного – слишком велика была власть, которой она многие годы пользовалась. – Что нам делать, Ярослав?

– О чем ты?

– О нём, конечно. О Бернгарде.

– Не понимаю я тебя, Линда, – безмятежно сказал Ярослав. – Он всего лишь один из тринадцати, как и мы с тобой. Почему с ним надо что-то делать?

– Будь же ты откровенен хоть раз в жизни! – резко сказала Линда. – Он хочет большего, чем быть одним из тринадцати, и ты прекрасно это знаешь.

Она была вспыльчива от природы, хотя и научилась это скрывать. Но сейчас она не сочла нужным прятать свой гнев.

– Откуда же мне знать это, – кротко возразил Ярослав. – Цель каждого из нас, как тебе известно, стать достойным встречи с Логосом. А это трудное дело, которое не оставляет времени на то, чтобы заглядывать в чужие души. Если Бернгард замышляет зло, пусть это останется на его совести.

– Ясно, – произнесла Линда. У неё стал такой неестественно спокойный вид, словно ей отказали в чрезвычайно важной просьбе, и отказ этот окончательный, а если бы он и не был окончательный, то гордость не позволила бы просить повторно. – Тогда я уйду, Ярослав. Уж извини, что потревожила тебя.

Она начала вставать, и, казалось, ей это тяжело, ведь она была уже старая женщина, старше Ярослава.

– Подожди, Линда, – Ярослав укоризненно покачал головой, но заговорил другим тоном. – Ты слишком торопишься.

Он опустился рядом с ней, с удовлетворением отметив, что для него не составляет труда выполнить это простое движение, и продолжал.

– Мы знакомы больше сорока лет, и за эти годы, насколько я помню, ни разу не говорили прямо. Почему ты пришла *с этим* ко мне, Линда? Мы никогда не чувствовали друг к другу симпатии, так?

Она вздохнула.

– Ты не совсем прав. Действительно, прежде у меня имелись причины испытывать к тебе неприязнь. Но это было много лет назад. А ты все помнишь. Ты злопамятен, Ярослав.

Ярослав пожал плечами.

– Сперва ты меня ненавидела, потом ты была ко мне глубоко равнодушна, а сейчас, на старости лет, ты являешься и сразу требуешь от меня откровенности и отчёта о моих планах. Не странно ли это?

– Нет, – сказала Линда. – Мы с тобой в одной лодке, и лодка вот-вот потонет. Знаешь, почему ты так не нравился мне в молодости?

– Догадываюсь. Но это было глупо.

– Мне всегда было наплевать на ваш Логос и его пробуждение. Я стала его служительницей только из-за Василия. Видишь ли, я любила его.

– Знаю.

– Да, ты все знаешь. Мне казалось, это ты втягиваешь его в это увлечение Логосом. Он уходил от меня, и мне пришлось пойти за ним, но он так ни разу и не посмотрел на меня, как на женщину. И я винила во всем этом именно тебя. Конечно, это была ошибка... Он сам выбрал такой путь.

Ярослав улыбнулся.

– Да, и я сто раз пытался сказать тебе об этом. А ведь все было как раз наоборот. Это он увлёк меня учением о Едином Разуме.

– Какое это теперь имеет значение? Василий умирает.

Ярослав внутренне вздрогнул. Он и сам знал, что кончина Василия близка, и он видел много смертей, и он уже давно не испытывал ни к кому душевной привязанности – но все же эта потеря будет тяжела для него. Старый отшельник в первый раз осознал это.

Линда же тысячу раз проговаривала про себя эту речь, и тяжёлые слова слетели с её губ, как нечто само собой разумеющееся. Она даже не остановилась на них.

– Поэтому я и пришла поговорить с тобой насчет Бернгарда. Нельзя, чтобы он стал главой Сферы.

– Ты так считаешь? – рассеянно спросил Ярослав, еще переживая её предыдущую фразу.

– Он сумасшедший. Он погубит все, что сделано Тарцини, и не создаст нового. Более того, он приблизит род людской к исчезновению. Ты слышал, например, о его коллекции?

– Вот об этом почему-то не слышал. Что это?

– Он коллекционирует орудия пытки.

– Любопытно. И что?

– Он испытывает их. На людях.

– Забавно.

– Да нет ничего забавного. – Она брезгливо поморщилась. – Он утверждает, в узком кругу, конечно, что страдание приближает людей к совершенству. Но я сейчас не об этом. Видишь ли, я за тобой много лет наблюдаю.

– Право, – произнёс Ярослав, – я польщён.

– Все те, кто был неугоден тебе, исчезали с нашего горизонта по тем или иным причинам. Кто-то сам выходил из Тредецима, кого-то ссылали на Остров за грубые нарушения устава, кто-то погибал при загадочных обстоятельствах. Описать подробности?

– Все мы немного сумасшедшие, правда? – Она в упор смотрела на него, и он спокойно встретил её взгляд. – Линда, да зачем мне эти подробности?

– Что ты собираешься делать с Бернгардом?

– Не знаю, – беззаботно сказал Ярослав. – Вот ты не полагаешься на Логоса, а зря. Он всегда был ко мне благосклонен.

– Я хочу, чтобы ты знал, Ярослав, – она чуть склонилась к нему, – в этом деле я тебе помогу всем, чем только можно. Ты можешь полностью на меня рассчитывать.

– Спасибо. Буду иметь в виду.

Они помолчали. Потом Линда поднялась и встала, опираясь на перила.

– Как плохо быть старой, Ярослав, – вздохнула она. – Ну что же, ухожу я, а ты помни...

– Я провожу тебя.

Он шёл рядом и думал, как можно воспользоваться неожиданной благосклонностью Линды, воспользоваться именно сейчас, пока тонкая нить доверия связывает их души. Когда они встретятся в следующий раз, этой нити может и не быть.

– Линда.

– Да, Ярослав?

– Линда, ты старше меня. Ты должна помнить время, когда была открыта Обитель Разума.

Она вскинула склонённую голову. Брови – изящные полукружия – с удивлением поднялись, отчего лицо её словно помолодело.

– Тебе есть дело и до Обители?

– Мне до всего дело, – коротко сказал Ярослав.

– Понимаю. – Она поджала губы и на минуту задумалась. – Видишь ли, насколько я могу судить, Обитель никогда не была открыта. Она являлась постоянной резиденцией Тарцини, и

он допускал туда тех, кого считал нужным. Когда же он был убит... ну ты знаешь, что произошло в ту ночь. Все мы это знаем.

– Да, конечно.

– Вероятно, сработала какая-то система защиты, которую он не успел отладить. Вряд ли он предполагал умереть так скоро. Но как бы там ни было, теперь Обитель Разума со всеми её сокровищами и чудесами для нас потеряна. – Линда печально улыбнулась. – Не правда ли, это похоже на заколдованный замок?

– И ты не слышала, чтобы кто-то входил туда?

– Слышала в юности, но не слышала, чтобы кто-то возвращался оттуда. Я даже знала тогда номер телепорта, и, кажется, до сих пор его помню. Но приближаться к Обители смертельно опасно. – Она остановилась, выравнивая затрудненное дыхание. Даже этот короткий переход – от жилища Ярослава к телепорту – был тяжёл для неё. – Зачем ты спрашиваешь меня о том, что тебе и самому отлично известно?

– Просто мне интересно поговорить об этом, – задумчиво ответил Ярослав.

– Вряд ли я могла бы навести тебя на какие-то соображения. Тогда я была совсем девочкой и не помышляла о служении Логосу. Только потом, когда я встретила Василия... – Линда вдруг перебила сама себя. Это было её привычкой еще с молодости – не заканчивать мысль. Она часто так делала.

– Представляешь, Ярослав, я так его любила, я сделала столько глупостей из-за него, а вот теперь я совсем забыла, как это – любить? Поступки свои помню, а вот что заставляло меня их совершать – нет. Странно, да? Я сломала свою жизнь, и ради чего?

– Почему ты сломала свою жизнь? – недоумённо спросил Ярослав. – Твоя жизнь удалась. Ты достигла самых высоких вершин, которые в нашем мире есть, а что побудило тебя выбрать такую дорогу, не имеет значения.

– Да? – Смех Линды прозвучал резко и пронзительно. – Может, я совсем другого хотела? У меня нет семьи, у меня нет детей, у меня нет ни одной близкой души, молодость моя прошла, красота увяла, теперь у меня есть одно – Логос, в которого я не верю.

– У тебя есть власть, – сказал Ярослав.

– Да, – она кивнула головой, – это у меня пока еще есть. И у тебя тоже.

Ее глаза, блестящие и влажные, как у молодой девушки, заглянули в его, тёмно-серые, непроницаемые.

– Мы не должны отдать *это* Бернгарду!

Ее страстный шёпот весь остаток дня звучал в ушах Ярослава. Ведь он вовсе не был так уверен в себе, как старался казаться. Он строил планы, он перебирал способы погубить своего врага, и был твердо убежден, что Бернгард в эту минуту тоже строит планы и перебирает способы. Им двоим не хватало места на такой маленькой планете.

О, Логос, необходимо избавиться от Бернгарда до того, как умрет Василий...

Глава 7. Открытие Марата

Скитания

Май 2190 года

Ярослав, разумеется, ни разу не задумался о том, в какие неприятности он втравил некоего Марата Иволгина, и даже не запомнил имя злополучного любителя римской истории. Он занимался своими делами, и простые смертные имели для него не больше значения, чем для идущего лесною тропой человека – ползающие под ногами муравьи. Вроде и не хотел его давить, но вот попался он под сапог, ну и ладно. Всех муравьёв не обойдешь.

А неприятности у Марата действительно начались.

Он теперь знал имя отшельника, давшего ему задание – Бернгард. Этот человек входил в Тредецим. От одного осознания этого факта голова кругом шла.

Ему предоставили доступ к архивам отшельников, раскиданным по планете. Он побывал в них, и окончательно осознал невыполнимость навязанной ему задачи. Требовалось, как ему объяснили, не только предоставить жизнеописание Тарцини, что было бы еще полбеды, но и изложить его философские воззрения – что заняло бы у Марата в лучшем случае лет десять.

– Думаю, мы не так часто будем встречаться, – скучающе заметил Бернгард. – Вы будете еженедельно отдавать результат в главный архив, его передадут мне. Если потребуется, я вас вызову. Помните – никаких вымыслов. Каждое слово должно быть подтверждено источниками. Полный текст должен быть готов к концу лета.

– Послушайте, – не выдержал Марат, – меня точно ни с кем не путают? У меня нет никакой подготовки для этого, понимаете? Я знаю о Тарцини и Логосе ровно столько, сколько в школе преподают, не больше.

Отшельник пожал плечами.

– Всё удастся при благосклонности Логоса. Ведь выбор же почему-то пал на вас.

Чей выбор? Марат ничего не понимал, но молчал.

Он злил Бернгарда. Отшельник изучал Марата со всех сторон, просвечивал его рентгеновскими лучами, пробовал на зуб и сознательно требовал от молодого человека невозможного. Он искал хоть какое-нибудь звено, связывающее Марата с всемогущим Ярославом, не обнаруживал его и приходил в раздражение.

– По-моему, не нужна ему эта проклятая биография, – говорил Марат Аристотелю. – Тут что-то другое. Знаешь, а я, честно говоря, боюсь узнать лишнее. Тарцини-то был обыкновенный человек, а не живой бог, как отшельники рассказывают.

– Ну, не обыкновенный, но безусловно он был человек, – заметил кот. – А что тогда нужно Бернгарду?

– Ну не знаю я, понимаешь, не-зна-ю!

Кот сворачивался в мохнатый шар.

***

Архивы представляли собой скопления бумажной литературы, слабо упорядоченные. Они носили разные поэтические названия: Мраморный архив, Небесный архив, Осенний архив и ещё десятка полтора.

Время шло своим чередом. Марат вникал в жизнь Тарцини, попутно делая заметки. Уставал гораздо больше, чем на лесопилке.

Бернгард был недоволен. Он больше не появлялся сам, но отшельники, смотревшие за архивами, передавали Марату замечания.

– Мне поручили вам передать, что от вас ждут большего.

– Я предупреждал...

Его никто не слушал. Эти зрители архива были ещё более удалены от мира, чем те отшельники, которых ему приходилось видеть раньше. Он словно не существовал для них. Они смотрели на него, точно сквозь стекло.

– Я слышал, что прежде литература бывала не только на бумаге, а ещё на каких-то экранах, что ли? – спросил как-то Марат у одного из них, не очень рассчитывая на ответ.

– Были, – не приветливо сказал тот. – Но это всё давно утрачено. А книги остались.

Как-то Марат зашёл к Виктору.

– Ну что, доволен? – саркастически спросил тот.

– Не особенно.

– Говорил я тебе, осторожней надо быть, – вздохнул Виктор. – И я вот теперь без напарника.

В северном полушарии Земли царствовала поздняя весна. Аристотель днём спал на ковре, как-то умудряясь занять своей небольшой особой весь пол, ночью шатался где-то. В открытое окно доносились утробные боевые клики.

– Как ты так можешь? – укоризненно спрашивал Марат у несколько потрепанного, но весьма довольного кота. – Ты же разумное существо. Неужели нельзя договориться?

– Оставь эти проповеди для своих друзей-отшельников, – нагло посоветовал кот. – И вообще отцепись. Я спать хочу.

Он поворачивался спиной к Марату и потягивался.

Порой, окончательно устав от архивной пыли, Марат уходил и бесцельно бродил по окрестностям. В весеннем лесу было сыро и просторно. Ледяная корка, покрывавшая землю пару недель назад, съезжилась и сползла в овраги. Потемневший жёсткий снег лежал в низинах, уже смирившийся со своим поражением. Под ногами валялись чёрные влажные сучья, прелые листья, из-под всего этого боязливо выпускала тонкие стрелки трава. На открытых местах она уже была хозяйкой, а в лесу только осматривалась.

Марат в эти короткие прогулки не особенно задумывался над тем, куда идёт. Он вообще старался не думать. Но однажды это бессмысленное блуждание завело его слишком далеко.

В тот день он зашел в телепорт и набрал там случайный номер. То есть, не совсем случайный, с таким расчетом, чтобы попасть недалеко. Оказаться в другом климатическом поясе Марату не хотелось, его тянуло именно в этот пустой весенний лес, и чтобы вокруг ни души не было.

Местность, куда его перенесло, полностью соответствовала его требованиям – глушь, полное безлюдье и ни одного строения. Было даже непонятно, зачем здесь поставили телепорт. Солнце катилось на запад, и Марат пошёл за ним.

И заблудился.

Надо сказать, он совершенно потерял осторожность. Молодой человек постоянно думал о Бернгарде, и ему казалось, неприятности могут быть только от него, а для всех прочих бед он неуязвим. В общем, Марат полностью уверовал в правоту старинной поговорки “Кому суждено быть повешенным, тот не утонет”, и совершенно напрасно.

Когда солнце сошло на край неба, он окончательно утратил представление о том, где находится, и где может быть телепорт.

Марат пошел наудачу и через некоторое время выбрался на опушку. У леса росли крошечные – чуть выше колена – ели, дальше начиналось поле, а в поле, в нескольких сотнях метров от того места, где он стоял, виднелись из низины крыши каких-то строений. Он побрёл в их сторону.

Но здесь уже давно никто не жил.

Это были полуразвалившиеся избы, покинутые много десятилетий назад. Они были столь стары, что ни одна из них уже не производила тягостного впечатления брошенного дома, потому что вряд ли их можно было считать за дома. Большинство уже рухнуло, лишь три-четыре еще держались.

Когда-то это были хорошие избы, сложенные из мощных брёвен. Сейчас брёвна были рассыпаны, и между обломками кирпичей от печных труб стройно шумела молодая берёзовая роща. Поселок строился из леса, а теперь лес поглощал его.

Марат вошел в одну из изб, лучше всего сохранившуюся. Доски, которыми стены были обшиты изнутри, почти везде отвалились, крыша была проломлена, вероятно, зимой, под тяжестью снега, и пол чердака тоже. Сквозь отверстие проникали последние вечерние лучи – на пыльном полу лежал золотой коврик. Но само строение было мертво – от него остался один скелет: бревенчатые стены, чудом держащиеся балки перекрытий, пересекающиеся там, где следовало быть потолку.

Эта анатомия дома почему-то произвела на Марата впечатление чего-то непристойного, от чего следует отвернуться. Он вышел из избы, осторожно спустился, каждую секунду ожидая, что одна из ступенек подломится под ногой, и двинулся вглубь поселка, по бывшей улице.

Между тем солнце уже коснулось горизонта, и на его светлый лик напоззла облачная вуаль.

Марат шел медленно, соображая, что делать дальше. Разум твердил ему, что он попал в крайне неприятную историю, которая может кончиться плохо. Он находится в неизвестном месте, вдали от людей и средств сообщения, еды в этом лесу не найдешь, ближайший телепорт он не отыскал, другого может и не быть, случись с ним что-нибудь здесь, скажем, сломай он ногу, споткнувшись о старый пень – и через несколько недель местное зверье растащит его кости. Но вопреки этим здравым соображениям настроение у Марата было самым лучшим за последние несколько недель – уж Бернгарда-то поблизости нет, это точно!

Его внимание привлек какой-то округлый светлый предмет, валявшийся среди полу-сгнивших досок. Марат наклонился и толкнул его рукой.

Это был человеческий череп...

Он быстро отдернул руку.

Череп перевернулся на затылок и закачался. Нижней челюсти не было, в верхней торчало несколько белых зубов. Марат присел на корточки, взял череп, поставил на трухлявое бревно рядом с собой и взглянул ему в глаза. Точнее, в глазницы...

Казалось, жуткая находка недобро ухмыляется.

Марат усилием воли подавил нервную дрожь. Не укусит же он, в самом деле... Мягким движением молодой человек коснулся желтовато-серой кости. Она была холодной и удивительно твёрдой. Не верилось, что этот предмет когда-то облекала живая человеческая плоть.

Череп, видимо, пролежал здесь много лет, пока не был потревожен шагами Марата. Марат почувствовал смущение.

– Извини, – пробормотал он, обращаясь к черепу.

Череп молчал.

Погода портилась, из-за леса выплывали сизые тучи. Острой веткой Марат копал яму под корнями старой березы. Земля была чёрной и податливой.

Ветка наткнулась на что-то твёрдое и сломалась. Марат выгреб землю из ямы, обнаружил продолговатый округлый камень и покачал его рукой. Камень пару минут упирался, потом подался и пошел вверх, оставив вместо себя пустоту.

Марат опустил череп в яму. Он предполагал, что остальные кости валяются под обломками дома, но не имел охоты искать их. Ему хотелось побыстрее покинуть это сумрачное место. Приближался дождь, и Марат предпочитал встретить его в лесу, нежели здесь, среди развалин

и человеческих останков. Он бы и этот череп оставил непохороненным, если бы не странное чувство смутной вины перед ним.

В небе робко засветилась первая звезда и тут же исчезла. Раскатисто прозвучал далекий гром, и в воздухе запахло электричеством.

Марат засыпал маленькую могилу, положил сверху камень и с сознанием выполненного долга пошел к лесу, но не к тому месту, откуда увидел посёлок, а в прямо противоположную сторону. Первые капли пролились, когда он был уже под деревьями. Дождь вырвался из туч мощным потоком, радостный, ликующий, обрушился вниз, пронзая все на своем пути, заплясал в молодой листве. В тёмном небе, там, где следовало быть Волопасу и Северной Короне, сверкнула необычайной красоты молния. Она висела там удивительно долго, секунды три или четыре, а потом небо затряслось и с грохотом раскололось.

Вода захлестала еще яростней, как будто электрический разряд действительно повредил небесный купол, оставив в нем трещины. За первой молнией последовала другая, а затем третья – все озарялось чудесным, фантастическим светом. Марат стоял на опушке, прижавшись спиной к дереву, и это зрелище буйства стихий опьяняло его. Беспричинная, бесконечная радость переполнила его сердце, он смеялся вместе с грозой, он слушал её и разговаривал с ней, а гроза тем временем все швырялась и швырялась молниями, словно весёлый молодой бог.

Но все кончается, кончилось и это. Ночь Марат провел лучше, чем можно было бы ожидать. Несколько часов он шел по краю леса, пока одежда на нем не высохла, а потом нашел относительно сухое место, где и проспал до утра. Когда он поднялся, было уже довольно поздно. Хотелось есть.

Марат впервые серьезно задумался над своим положением. В той глуши, где он находился, можно и не найти телепорт. Перспектива остаться в лесу сейчас не казалась ему такой привлекательной. Слишком велика была вероятность умереть с голоду, да и хищники здесь должны были водиться.

Преодолев минутную растерянность, он двинулся в том направлении, которое выбрал вчера, наугад. Больше ничего ему не оставалось.

Вскоре лес остался у него за спиной, и начались холмы. Он долго петлял между ними. Наконец, дорогу преградила цепь довольно крутых холмов, поросших кустарником. Обойти их было нельзя, Марат тихо выругался и полез наверх.

Вершина холма была плоской, словно срезанной, высокой растительности здесь не было, и с этой естественной обзорной площадки открывался великолепный вид.

Он смотрел на небольшую долину, с трёх сторон окруженную холмами. С четвёртой стороны протекала довольно широкая река, сейчас в ней отражалось небо, и вода была ослепительно голубой.

В долине росли жёлтые цветы. Отсюда, сверху, казалось, что это ковер неправильной формы, сшитый из тысячи маленьких лоскутков. Нигде еще не появились цветы, а здесь их было больше, чем травы.

Через жёлто-зелёные луга вела дорога, огибая частые перелески. Дорога была тёмно-серой, довольно широкой и абсолютно пустой. Она начиналась у подножия холма, ближайшего к тому, на котором стоял сейчас Марат.

А выше, на склоне – о, Логос! – он увидел знакомый прямоугольный параллелепипед из серебристого металла... Телепорт!

Марат торопливо спускался вниз, словно боясь, как бы неведомая сила не похитила заветную кабину за то короткое время, пока он её не видит. Ему срочно требовалось прикоснуться к ней, поверить, что это действительно телепорт, что он все-таки нашёл его. Он пробрался сквозь густые заросли кустов, пересек цветущий луг и вышел на дорогу. Чёрное покрытие пружинило под ногами. Марат шел быстро, почти бежал, и через пару минут добрался до конца дороги. Или начала?

Отсюда вела навверх узкая дорожка, выложенная шершавой красноватой плиткой. По ней молодой человек поднялся на площадку, где стояла кабина...

Это и правда был телепорт, и он работал.

Марат сел на камень и закурил, впервые за сегодняшний день. Становилось жарко. Он расстегнул куртку.

Сейчас, когда в любую минуту можно было вернуться домой, в нем заговорило любопытство, и молодой человек задумался, куда же он попал? Вокруг не было ни души. Между тем дорога в долине смотрелась так, словно её проложили вчера – в покрытии он не заметил ни единой трещины. Эта дорога вела к реке, а у реки стояло единственное здание.

Оно было очень большим – ему редко приходилось видеть такие постройки. Вид его показался Марату странным. Здание выглядело как огромная груда серо-голубых тетраэдров и немного напоминало айсберг.

Марат долго разглядывал его. В нем совершенно отсутствовала симметрия. Главная башня в правой части здания наклонилась над рекой, словно естественная скала. В левой части было еще несколько башен, поменьше, но столь же бесформенных.

Строение казалось весьма причудливым, но не уродливым. На него было приятно смотреть, как приятно смотреть на облака, на лес или на горы. И Марат смотрел, пока не заметил, что удивительное сооружение меняет цвет.

Грани тетраэдров, из которых, похоже, оно было собрано, утратили серый оттенок и стали ярко-голубыми. Кроме этого, они начали отражать свет, словно зеркала. Здание засверкало, как крупнейший бриллиант.

Марат наблюдал за этой метаморфозой, чувствуя, как холодеет его кровь. Недокуренная самокрутка выскользнула из пальцев.

Он понял наконец, *куда* привел его извилистый путь между холмами...

Обитель Разума!

Марат знал о резиденции Тарцини почти столько же, сколько Ярослав и Линда. В этом-то они были равны... Жуткие рассказы об Обители передавались шепотом, но не было в мире человека, который не слышал бы их. Их ходило много, этих слухов, и давно уже никто не пытался их проверить. С детства Марат твердо усвоил одно – *человек, ступивший на землю Обители, умирает*. Умирает страшно.

Дорога, по которой он прошел, вела именно к Обители...

Он сжал кулаки, и ногти впились в ладони. Стало больно.

– Но я жив... – пробормотал он. – Почему?

Ответом ему было лишь чириканье маленькой зелёной птички. Она бойко прыгала у его ног, подбирая что-то с земли. Птичка совсем не боялась человека. За свою коротенькую жизнь она ещё ни разу не встречала людей.

Судьба, конечно, потешилась, приведя Марата именно сюда. Она, должно быть, хохотала сейчас в своем дворце, и её залихватистый смех вселял священный трепет в душу человека, и человек терял власть над собственным будущим...

Между тем птичка весело поскакала вниз, не замечая Марата. Она двигалась в ту сторону, откуда он пришел, пока не добралась до лежащего рядом с тропой валуна. Валун был огромный, гладкий, розовый, с серыми и прозрачными вкраплениями. Марат прежде не обратил на него внимания, его интересовал сперва телепорт, а потом – здание у реки. Птичка миновала валун и скрылась за ним. Слышалось лишь её радостное, ликующее чириканье.

И тут Марат совершил самый отчаянный поступок в своей жизни.

Обитель Разума

“... его букет составлен из странных цветов с металлическим оттенком, с головокружительным запахом, – венчик которых, вместо росы, содержит едкие слезы или капли aqua toffana...”

“...иные цветы и не растут на чёрной и насыщенной гниющими веществами почве, какова почва кладбища старчески-хилых цивилизаций, где среди вредных миазмов разлагаются трупы прошлых веков...”

Теофиль Готье, “Шарль Бодлер”

Он вернулся в долину. Спускаясь вниз, он ясно сознавал, что совершает кощунство. Но все вокруг казалось самым обычным. Ничто не замечало его появления, ничто не нападало на него. Он видел прежний очаровательный пейзаж: луг, сверкающее высокое небо, голубая река внизу. Справа от дороги темнел еловый лес.

По этой чёрной дороге Марат пошел в сторону Обители. Здание, кстати, опять изменило цвет и стало обыкновенным, серым.

У него не было никаких неприятных ощущений. Если бы не память о тех мрачных историях, что он слышал с рождения, он бы даже сказал, что ему здесь нравится.

“Она заманивает меня”, – мелькнула страшная мысль. Марат остановился, и ледяная дрожь поползла по спине, несмотря на жару. На миг ему представилось, как над Обителью встает призрак хозяина этого места, Александра Тарцини. Он осматривает свои владения и видит инородную песчинку, Марата. И тогда он приближается, прямо по воздуху, сперва медленно, а потом быстрее и быстрее, рассматривая пришельца мёртвыми безумными глазами, и спрашивает...

– Чего ты хочешь?

Голос этот был вполне реален, и прозвучал он за спиной Марата.

Марат резко обернулся. Перед ним стоял старик и внимательно рассматривал его.

Сердце застыло где-то в горле, потом медленно и неохотно поползло на своё место. Марат не знал, кто этот человек, но в любом случае он был существом из плоти и крови. С губ слетел вздох облегчения.

– Как же вы меня напугали! – откровенно сказал Марат.

Старик едва заметно усмехнулся. Казалось, искренность пришельца ему понравилась.

– Так чего ты хочешь? – повторил он уже мягче.

Марат покачал головой.

– Да ничего, в сущности. Я здесь случайно.

– Случайностей не бывает, – возразил старик. – Особенно здесь.

Марат задумался, разглядывая своего собеседника. Он был гораздо старше, чем показался в первый момент. Марат не мог хотя бы примерно предположить, сколько ему лет. Лицо его покрывали столь глубокие морщины, что не было смысла даже пытаться представить, как оно выглядело в молодости. Седые волосы окружали голову подобием нимба. Белки глаз отличали желтизной. Кожа была иссушенной, словно прошлогодние листья в солнечном апреле, на руках проступали синеватые вены.

Несмотря на все это, старик не казался немощным. Держался он прямо и уверенно, и в его жестах и голосе ощущалась изрядная доля властности. Одет он был необычно, словно случайно вышел из другой эпохи. На нём был строгий тёмно-серый костюм, потрёпанный и словно бы запылившийся. Таких сейчас не носили, неуместны они были. В руке старик держал чёрный кожаный портфель, довольно большой и, вероятно, тяжёлый.

Ничего пугающего в его облике не было, но появился он столь неожиданно, что Марат смотрел на него с опаской. Молодой человек не слишком бы удивился, если бы старик у него на глазах превратился сейчас в чёрный и едкий дым и, клубясь, полетел к высокому чистому

небу. Или же, наоборот, провалился сквозь землю, оставив наверху лишь портфель, а потом с досадой высунул из-под земли руку, схватил портфель и спрятался обратно. И зашипел при этом недовольно – крш-мш-мш...

Но ничего подобного старик не сделал, он спокойно ожидал ответной реплики Марата, будто экзаменатор – ответа студента. Молчание затягивалось.

– Мне нужно написать биографию Александра Тарцини, – опрометчиво брякнул Марат. Сказал – и сам испугался своих слов.

Старик холодно посмотрел ему в лицо.

– Тарцини мёртв, молодой человек. Не шутите с его памятью.

– Я не шучу.

– Мёртвый он не менее опасен, чем живой, по крайней мере, там.

Он поднял свободную руку и медленным жестом указал на Обитель.

Налетел тёплый ветер и принес с собой запах цветов с поля. Этот аромат, который Марат почувствовал только сейчас, удивительным образом казался и привлекательным, и отталкивающим одновременно.

– Я не шучу, – повторил Марат. – Мне нужно написать биографию Александра Тарцини. У меня такое задание.

– От кого?

– От отшельников, – ответил Марат.

Его собеседник смотрел на него с явным удивлением.

– Почему такое задание дали вам?

Марат рассказал про Тиберию.

– А-а... – понимающе протянул старик и несколько раз кивнул головой. – А хоть написано-то хорошо было?

– Вам это интересно?

– Пожалуй.

А лёгкий ветер то прилетал, то улетал, гоняя вокруг волны манящего цветочного запаха. Колыхались еловые лапы, по листьям лип и берез, не переставая, скакали солнечные блики. Хотелось сойти с дороги и с головой окунуться в море дурмана... Невысокие травы перешептывались, жёлтые колокольчики цветов явственно звенели. Когда он услышал этот звон?

– Это мутация, – заявил старик, проследив за направлением взгляда Марата.

– Какая мутация? – недоуменно переспросил Марат.

– Да кто её знает? Рядом с этими цветами вам стоять не стоит. Ближе подойдете – отравитесь. Пойдёмте, молодой человек.

Он двинулся в сторону Обители. Марат пошел рядом, пытаясь вспомнить название этих цветов. Оно ускользало, оно было неуловимо, а его следовало бы знать, потому что именно оно являлось ключом к происходящему...

О, Логос, о чем я думаю?

Старик снова заговорил.

– Да, похоже, не нравится вам это задание.

– Я этого не говорил, – сказал Марат.

– Говорили или нет, а всё равно не нравится. Иначе вас не было бы здесь.

– Вы много знаете, – заметил Марат. Ему не хотелось вступать в бесполезный спор.

– Да, – согласно кивнул старик, – я много знаю.

Он замолчал, искоса поглядывая на Марата. Взгляд его стал странно отрешённым. Губы задвигались, беззвучно шепча какие-то слова. Казалось, он рассчитывал что-то в уме.

– Кто вы? – спросил Марат.

– Меня зовут Григорий Штоколов, – сообщил старик. – Вряд ли это имя вам о чем-нибудь скажет.

Имя действительно было незнакомо Марату, и собеседник понял это.

– Когда-то оно было довольно известно в научных кругах, – произнес он. – Но очень давно.

– Вы что, живёте здесь?

– Да, молодой человек, можно сказать, я живу здесь. Вас это удивляет?

– Честно говоря, да.

Штоколов скупой улыбнулся, не разжимая губ.

– Вы ещё молоды, – сказал он. – Вам ещё не раз предстоит удивляться.

Марат понял, что старик не хочет обсуждать эту тему, и прекратил разговор, хотя любопытство не оставляло его, и вопросов оставалось много. Между тем Обитель была уже совсем близко. Её стены круто уходили вверх. Издали они казались абсолютно гладкими, теперь же Марат разглядел, что их украшают выпуклые барельефы. На одних распускались огромные цветы, скалили зубы фантастические хищники, вскидывали гордые головы олени, извивались змеи, орлы расправляли крылья, порхали бабочки, мчались табуны лошадей. На других барельефах можно было видеть сцены из жизни людей. Короли сидели на тронах, нищие бродили по улицам городов, армии уничтожали друг друга, матери укачивали младенцев, тонули корабли, по небу плыли самолеты, заводские трубы извергали дым, охотник убивал волка, пахарь устало тащился за плугом... Картинки переходили одна в другую, сливались в единое гармоничное целое.

– Ух ты... – восхищённо выдохнул Марат.

– Это было задумано как зеркало истории, – равнодушно заметил Штоколов, – но оно вышло, на мой взгляд, довольно искажённое. Вот главный вход.

Над высокими арчатými дверями уверенно выступала из стены женщина с красивым, но холодным лицом, вероятно, какая-то богиня древности. В её протянутых руках поблёскивала под солнечными лучами серебряная нить. Вход пышным венком оплели мраморные листья винограда. Тут же висели и гроздья, не мраморные, а словно бы светящиеся, прозрачные, из удивительно тонкого стекла.

“Как они не побились?” – мелькнула у Марата неуместная мысль.

Двери раздвинулись сами, приглашая войти, и чёрный проем показался Марату пастью неведомого чудовища, готового поглотить его и старика.

– Вы идёте туда? – осторожно спросил он.

– Разумеется, я иду туда! – сказал старик, вдруг придя в раздражение от бестолковости Марата. – Я же объяснил, что живу здесь.

Марат нервно сглотнул. Ему страшно не хотелось следовать за стариком в эту чёрную пасть. Но Штоколов заметил его замешательство.

– Там, внутри, не опаснее, чем здесь, – проговорил он медленно. – Если Обитель захочет отпустить тебя, то отпустит, даже если ты заглянешь в здание. Если же не захочет...

Он не договорил, развел руками и со значением посмотрел на Марата...

– Боишься?

– Нет.

Старик с одобрением кивнул.

– Правильно. Глупо бояться смерти. Это всего лишь небытие. Не так уж это плохо – не быть, как ты думаешь?

Марат только сейчас заметил, что Штоколов перешел на ты.

– Не знаю, – сказал он с притворным безразличием. – Я не думал об этом.

Он лукавил, но свой страх показывать не хотелось. Он отвернулся от Штоколова, нарочито равнодушно огляделся вокруг. Солнце неспешно поднималось к зениту. Ослепительно белые облачные сферы сгрудились над холмами близко-близко друг к другу, сложились в правильный треугольник, словно невидимые духи воздуха готовились начать игру в шары.

Помедлив, он снова перевёл взгляд на Штоколова. И тут стало происходить что-то непонятное.

Старик вдруг исчез из поля зрения Марата, через долю секунды появился вновь, но весь он был какой-то расплывчатый, портфель его стоял на земле, а сам он прижимал ладонь к груди, словно клятвенно заверяя кого-то в чём-то. Потом его размытая фигура заметалась туда-сюда, оживлённо жестикулируя, то стремительно кивая головой, то вдруг указывая рукой на Марата.

Марат хотел спросить, что происходит, но у него не получалось. Он вроде бы двигался, но медленно, так медленно, а события вне его сменяли друг друга с такой скоростью, что он не успевал глазом моргнуть – в буквальном смысле этих слов.

Он шагнул к старику, но тот увернулся, был где-то рядом, но догнать его невозможно было.

Паника охватила Марата.

Странное это состояние продолжалось для него около минуты, за которую он успел передумать многое. Потом – тик! – всё мгновенно починилось. Старик стоял к нему спиной, смотрел на Обитель и не шевелился. Травы мирно покачивались потихоньку, а не метались, как волны в бурю. Марат облегчённо перевёл дыхание. Часы мира и его собственные вновь пошли с одинаковой скоростью.

Он тряхнул головой, огляделся. Всё обычно.

Показалось?

Да, наверно. От волнения, от усталости.

Но...

Он посмотрел на холмы и вздрогнул. Очертания облаков поменялись. Не было больше треугольника. Сверкающие шары рассыпались, раскатились, заняли полгоризонта, словно игра уже вовсю шла на этом лазурном поле.

Но минуту назад же всё выглядело по-другому!

Он совсем растерялся. Где я? То есть... когда я?

Старик обернулся. И Марат увидел, что тот выглядит не менее потрясённым. Лицо его дёргалось, губы шевелились, глаза смотрели в пространство.

Портфель стоял на земле.

Штоколов шагнул к Марату.

– Я могу помочь тебе, – быстро сказал он.

– С чем? – непонимающе спросил Марат.

– С жизнеописанием Тарцини, разумеется.

Марат покачал головой с недоверием.

– Как?

– Я дам тебе сведения о нём, – серьёзно произнёс старик. – У меня есть многое, очень многое...

– Да, но... – Марат замялся.

– Понимаю, понимаю. Я знаю, кому понадобилась эта биография. Заказчик требует представить его с самой выгодной стороны. Так оно и будет, не волнуйся.

– Ну начнём с того, что заказчик потребует указать, где я эти сведения взял, – заявил Марат.

– Ты это укажешь, – уверенно ответил Штоколов.

Старик вдруг очень оживился и взял Марата за плечо. Глаза его испытующе заглядывали в лицо молодого человека. В них появился торжествующий блеск, словно судьба преподнесла Штоколову дар, о котором он тайно мечтал, но на который не смел надеяться.

Это возбуждение неприятно удивило Марата. Он предположил, что старик попросит его об ответной услуге, и скорее всего, речь пойдет о чём-то неприятном или опасном.

– Зачем вы будете это делать? – настороженно спросил Марат.

– Зачем? – переспросил старик и отпустил плечо Марата. На лицо его постепенно возвращалось прежнее непроницаемое выражение. – Ты сможешь мне в одном деле.

– В каком?

Штоколов прикрыл рот рукой и откашлялся. Потом он медленно наклонился и поднял с земли свой портфель. Казалось, он тянет время для обдумывания ответа.

– Видишь ли, я провожу один эксперимент... Речь идет, хм, ну скажем так, о перемещении во времени. Для этого мне и требуется помощник.

“Странные дела тут творятся”, – подумал Марат.

– Да, звучит странно, – сказал Штоколов, прочитав мысли Марата. – Подробнее я объясню потом. Сам по себе опыт не опасен, если не считать того, что он проводится в Обители. Но она пока отнеслась к тебе благосклонно. Ты еще жив.

– Спасибо.

– Не меня благодари. – Штоколов вдруг заторопился. – Сейчас я уйду, найду тебя через неделю. Тогда я расскажу, в чем заключается суть эксперимента, и если ты дашь согласие, мы обсудим условия... – он запнулся, – нашего договора. Можешь и отказаться.

“Надеюсь...”, – сказал про себя Марат, думая только о том, как бы отсюда выбраться. Он пожал плечами:

– Через неделю так через неделю.

– Зайдём в Обитель.

Марат последовал за Штоколовым.

Внутри царил полумрак. Окон не было, свет с улицы сюда не проникал. Под высоким потолком медленно двигались разных размеров сферы: каждая из них вращалась вокруг своей оси, и все вместе они вращались вокруг самой большой сферы. Это походило на модель Солнечной системы, но планет было всего семь, и те четыре, что перемещались по внешним орбитам, были значительно крупнее своих сестрёнок, приближенных к центральному шару, который испускал ровное холодное свечение. Только этот свет приподнимал тонкую вуаль мрака, лежавшую на всех предметах в помещении. Из темноты выступали фигуры и лица каменных статуй, смотревших на людей с угрюмой иронией.

Штоколов не озирался вокруг, все это было ему привычно.

– Я уйду, – снова сказал он. – Пойдешь обратно – не сходи с дороги. Сгинешь.

Он пожал руку Марата, повернулся, пошел прямо на стену и вошел в неё, растворился.

Марат опешил. Сделал несколько шагов вперед и дотронулся до холодного камня. Стена как стена. Белый мрамор с синеватыми прожилками, похожими на тонкие вены.

Он провёл по стене ладонью, и вдруг рука его провалилась внутрь, исчезла. Марат отдернул её, как обожжённый.

Ничего себе...

Пойду-ка я отсюда...

После сумрачной прохлады Обители весеннее солнце дохнуло жаром. Марат медленно шел по чёрной дороге, повторяя имя нового знакомого... Штоколов, Штоколов... Все-таки где-то он его слышал.

В глубине души Марат был потрясён, хотя и старался отделаться от этого чувства, или, по крайней мере, загнать его вглубь, запереть в дальнем уголке души и не выпускать. Обитель Разума открыта, в неё можно войти, и можно выйти оттуда! О, Логос! Океаны закипели, закачались горные вершины, и с неба посыпались ящерицы. Основы мироздания колебались.

Тот факт, что с ним ничего до сих пор не произошло, противоречил всему, что усвоил Марат с детства.

“Если я доберусь до телепорта и попаду домой, значит, все рассказы про Обитель – ложь?”

Он не мог этому поверить. Это не укладывалось в его голове.

Марат попытался рассуждать здраво. Предположим, Обитель – безобидное старинное сооружение, и все ошибались на её счет, включая служителей Логоса. Трудно сейчас сказать, что произошло тогда, в ночь убийства Тарцини, но сегодня находиться здесь не более опасно, чем по другую сторону холмов. Это людское воображение сделало из долины заколдованное место...

Многое укладывалось в эту схему, кроме того непонятного фокуса со временем и таинственного исчезновения Штоколова. Эти детали легко опрокидывали все логические построения и восстанавливали первозданный хаос.

Кто такой Штоколов? Почему он живет здесь?

Если бы сейчас под ногами Марата разверзлась земля, открыв внизу огненную пропасть, то в последний миг он, пожалуй, испытал бы облегчение.

Но ничего не происходило. Напротив, трудно было бы представить более мирный пейзаж.

Весна изо всех сил пыталась очаровать молодого человека. Мягко, ненавязчиво она манила его к себе, прикидываясь тихой, застенчивой и непорочной. Она бродила по цветущему лугу и протягивала к солнцу тонкие руки. Свет и тень перетекали друг в друга на шелестящих кронах деревьев, образуя сложный, запутанный, невероятно красивый узор. Бездонная перевернутая чаша неба оперлась краями на гребни холмов. Казалось, стоит подняться на холм – и прикоснешься рукой к синей стене, сделанной из какого-то тёплого, прочного и упругого материала.

Марат дошел до луга с жёлтым дурманом. Воздух здесь сгустился от застывшего в нем аромата. Даже ветер застревал в этой вязкой субстанции и не пробегал мимо, как обычно, быстро и весело, а полз медленно и вяло, словно на нем повисла огромная тяжесть.

Цветы застыли в мёртвой неподвижности. Над ними вызывающе гудел одинокий, рано пробудившийся шмель. Его ровное гудение сливалось с неумолкаемым звоном, доносившимся неизвестно откуда. Можно было подумать, звенит тишина.

Шмель долго кружился, выбирая, наконец, заполз массивным мохнатым телом в один из хрупких изящных колокольчиков и затих. Потом вылетел оттуда, довольный собой, и его победное низкое жужжание стало удаляться. Он полетел в сторону холмов.

Марат резко остановился.

– Вот сейчас я и проверю, – пробормотал он вслух и сошел с дороги. Цветы покачивали жёлтыми головками.

Тяжёлый солнечный шар полыхал в чистом, побледневшем от зноя небе. Лучи стремительно обрушивались на долину, легко пронизывали молодую клейкую листву и превращали протекающую внизу реку в извилистый поток ртути.

Марат опустил на колени, протянул руку и сорвал жёлтый цветок. У цветка был плотный и длинный нежно-зелёный стебель. Марат подставил тыльную сторону ладони – с обломанного конца стебля стекла капля прозрачного сока. Внутри колокольчика дрожали чёрненькие крохотные тычинки.

Этакий миниатюрный анчар...

Впрочем, цветок выглядел самым обыкновенным, только вот названия его Марат не помнил. Он вздохнул и поднялся.

Неужели я доберусь до телепорта? чудеса...

Он добрался до телепорта, и до дома тоже, повторяя про себя номер кабины, той, что стояла в долине. За пару минут он выучил этот номер, как молитву.

Аристотеля не было. Марат бросил растение на стол. Цветок уже начинал увядать, хоть и был только что сорван.

Марат прошелся по комнате. Во всем мире был только один человек, с которым он мог говорить о сегодняшних странных событиях, но еще вчера Марат ни за что не стал бы с ним встречаться. Однако тревожные мысли одолевали его, он не знал, что с ними делать и в конце концов не выдержал.

– Проклятая кошка! – ругнулся он, взял куртку и вышел.

Антарктида и Даниель

И снова телепорт покорно впустил его.

В пункте назначения было сумрачно и холодно. Марат стоял в огромном металлическом ангаре. По ангару ползали воздушные платформы, гружённые бочкообразными контейнерами. Над головой нависали подъемные краны, похожие на диковинных животных. Они, эти животные, наклонялись к платформам, хватали бочки стальными когтями и переносили их к стенам, выставляя один ряд за другим. Освобождённые платформы выплывали из ангара и на смену прибывали новые.

В ангаре не было ни одного человека.

В сущности, этот отлаженный за десятки лет процесс и не требовал участия людей. Тарцини начал добычу полезных ископаемых в Антарктиде, где ранее никакой промышленности не было, и позже довел её до полного автоматизма. Все, что удавалось вырвать у ледяного материка, свозилось сюда, где находился крупнейший грузовой телепорт.

Грузовых телепортов, предназначенных для перемещения очень больших масс, существовало в мире всего несколько штук. Вероятно, их создание было связано с какими-то техническими сложностями. Из-за этого обстоятельства сокровища Антарктиды – металлы, а главное – уран – приходилось транспортировать сюда более традиционным способом, на платформах. Впрочем, эта перевозка опять-таки не требовала вмешательства человека... Механизмы работали без устали, краны все нагибались и нагибались, выпуская хищные когти...

Марат мельком взглянул на это бесконечное движение, зябко поежился и запрыгнул на одну из свободных платформ, которая плыла к выходу.

Снаружи стоял мороз – градусов тридцать, не меньше. Сверху сыпались острые колючие льдинки. По узкой дорожке между торосами медленно полз снегоочиститель.

Дикий холод радостно принял Марата в свои объятия. Он, видно, скучал в одиночестве.

Платформа за пару минут доплыла до жилого корпуса. Марат спрыгнул на ледяную дорожку и позвонил в дверь. Внутри было глухо.

С досадой он ударил по двери кулаком, раз, другой... Наконец, она медленно и бесшумно поехала в сторону. Марат скользнул в узкую щель, не дожидаясь, пока дверь откроется до конца.

– Привет... – с недоумением произнес человек, впустивший его. – Ты чего здесь делаешь, Марат?

Это был тот самый Даниель, которым так интересовались Инга и её отец.

Они были знакомы с самого детства, но Марат вряд ли мог когда-либо назвать его другом. Общались они очень редко. Впрочем, Даниель вообще мало с кем общался. Он не нуждался в этом, или ему казалось, что не нуждается.

Судьба жестоко обошлась с ним, дав пытливый ум исследователя. От природы он был очень талантлив и очень энергичен. В юности, когда мнилось, можно добиться всего, если пожелаешь, Даниель чувствовал своё превосходство над окружающими, поэтому пренебрегал ими. Он долго искал применения своим дарованиям, но они не были нужны в мире, где жили ожиданием Логоса. Отшельники, хозяева планеты, не поощряли тягу к научному знанию. И сейчас, когда ему было под тридцать, им овладела полная апатия.

В Даниеле скрывалась постоянная злость, вечная обида на судьбу за то, что он родился не в своё время. Эту обиду он вымещал на людях, которые сталкивались с ним, и в конечном итоге остался в одиночестве.

Их с Ингой брак был, конечно, недоразумением. Он случайно заметил её свежую красоту, не раздумывая, женился, и, так же не раздумывая, ушел от неё. Вся эта история мало для него значила. Подобное безразличие, чтобы не сказать – жестокость, претило Марату, и его отношения с Даниелем, прежде, может быть и не дружеские, но достаточно тёплые, сильно охладились после этого случая.

Впрочем, Даниелю было наплевать и на это.

Вот уже почти год он почти безвылазно сидел на полярной станции, следя за перемещением грузов. Здесь можно было, по крайней мере, видеть технические достижения прошлого, столь им обожаемые. Такая пустая жизнь не слишком удовлетворяла его, он потихоньку катился вниз, балуясь алкоголем и, порой, дурманом. Может быть, поэтому служители Логоса до сих пор не удосужились серьёзно заняться им, сочтя, что это добровольное заточение не слишком отличается от ссылки на Остров и, во всяком случае, приведет к тому же исходу...

Сейчас Даниель стоял перед Маратом, небритый, в расстегнутой рубашке. Он был невысокого роста, темноволос и черноглаз. Слегка вьющаяся спутанная прядь падала на лоб. Худое лицо с подвижными чертами было бледным и помятым.

– Можно к тебе? – Марат с облегчением ощутил, как дверь закрылась за его спиной, и холод перестал вползать в помещение. – Сегодня суббота, и ты один?

– Сегодня суббота, и я один. – Даниель повернулся, подошел к стулу, сел на него, подложив одну ногу под себя, и стал раскачиваться. В его плавных движениях была какая-то кошачья грация. – Чего тебе надо?

Говорил он обычным язвительным тоном, с насмешкой, казалось, ничем не вызванной, он говорил так всегда, он насмехался постоянно, и Марат знал, что над собой. Вообще Марат неплохо понимал Даниеля, гораздо лучше, чем мог ожидать этот последний, слишком поглощенный крушением собственных надежд, чтобы обращать внимание на кого бы то ни было.

– Поговорить с тобой хочу. – Марат поморщился, оглядев Даниеля. – Ты что, пьян?

Даниель поднял руку и зачем-то внимательно поглядел на свою ладонь. На пальце тускло блеснуло кольцо из белого металла.

– Нет еще. Но напьюсь, пожалуй. Вот скажи мне, Марат, что бы ты делал, не окажись меня на месте?

– Ничего. Вернулся бы обратно.

– У грузового телепорта период торможения пятьдесят шесть минут, – сообщил Даниель. – Тебе бы пришлось час болтаться здесь в твоей куртке. Так и околеть недолго.

– Знаю, – сказал Марат, хотя на самом деле он забыл об этой особенности местного телепорта. Он почти никогда не бывал здесь.

– Так о чем говорить будем? – все тем же нарочито ёрническим тоном осведомился Даниель. – О вреде пьянства?

– Меня не посылала ни твоя мать, ни Инга, – спокойно сказал Марат. Он был готов к реакции на его появление. – Но я могу уйти, Данил...

– Оставайся, раз пришёл. – Даниель поднял брови и пожал одним плечом.

Марат огляделся по сторонам. Здесь мало что изменилось со времени его последнего посещения.

Жилой корпус состоял из полутора десятков спален, столовой, каких-то служебных помещений и вот этой самой комнаты, не то прихожей, не то гостиной. Здесь было пыльно и неуютно. На столе и под столом лежали куски проволоки, тряпки, гвозди, обломки пластмассы и прочий хлам. Под ногами, тихо жужжа, крутился маленький аппарат, похожий на игрушечный танк, и собирал с пола мелкие металлические детали.

– Катись отсюда, – Даниель дал ему пинка.

Танк покорно пополз к стене.

– Бестолковая тварь, – заметил хозяин, проводив его взглядом. – Сделал его, чтобы он винтики подбирал и приносил по мере надобности. А он постоянно путается на дороге.

В голосе его зазвучали примирительные нотки, и Марат понял, что Даниель, по крайней мере, не выставит его с порога. И на том спасибо.

– А почему у тебя валяются винтики, а не в коробке лежат?

– Сам не знаю. – Даниель покачал головой. – Соберешь всё с пола, а через три дня смотришь – их там такая прорва!

Он легко поднялся.

– Пошли ко мне, там и поговорим.

Беспорядок у него был еще хуже, чем в прихожей. В комнате стояли две узкие кровати, письменный стол, старое кресло, и пара стульев. Везде валялось множество предметов неизвестного Марату назначения.

Даниель снял с кресла кипу бумаг и небрежно кинул их под стол.

– Садись.

Марат сел. Кресло оказалось неожиданно удобным. Прямо напротив, на стене, висел предмет, которого раньше здесь не было – старинная гравюра, изображавшая штурм средневековой крепости.

Марат закинул ногу на ногу и оперся подбородком на сжатый кулак.

– Комнату решил украсить? – поинтересовался он. – Это на тебя непохоже.

– Чего? А, это... – Даниель рылся в столе. – Да чтоб хоть глаз было на чем остановить... Дуреешь от этих стен. И ото льда тоже.

Он достал два стакана.

– За встречу выпьешь?

– Закуску найди, – попросил Марат.

– Зачем? И так пойдет.

Марат вздохнул.

– Дань, я не ел со вчерашнего утра.

– А-а, – протянул Даниель, – так бы и говорил.

Он вышел из комнаты и вскоре вернулся, принеся хлеб, холодное мясо, сыр и несколько вяленых рыбок. Марат взглянул на еду и почувствовал, как в голове шумит от голода.

Забулькала прозрачная жидкость, перетекая из бутылки в стаканы.

Даниель действительно жил почти в полной изоляции. Хотя персонал станции и состоял из десяти-двенадцати человек, он почти не контактировал с коллегами по вопросам, не касающимся работы. Даже в выходные он не оставлял ледяной материк, предложив себя в бессменные дежурные. С родными и знакомыми Даниель тоже не поддерживал отношений.

Но служителей Логоса он недолюбливал, и история Марата вызвала в нем живейшее сочувствие.

– Ну и попал ты, – вздохнул Даниель, и вечная насмешка исчезла из его голоса. – Не представляю, как тебе теперь выпутываться. Выпьем, что ли?

Он снова наполнил стаканы.

– Да это не все, – сказал Марат. – Это только начало.

– Что еще?

– Тебе знакомо имя Григорий Штоколов?

Даниель удивился.

– Да, знакомо. А что?

– Кто это?

– Насколько я слышал, – Даниель отставил стакан, не донеся его до губ, – непосредственно на Тарцини работали специалисты в разных областях, которых он везде собирал. Их тогда называли профессорами. Вот Штоколов – один из них. Я немного о нём знаю, но вроде бы он был связан с разработкой и повсеместным внедрением телепортов. Почему ты о нем спрашиваешь? Он, должно быть, давно умер.

Марат нарочито медленно отрезал еще один ломоть мяса и положил его на хлеб. Подобного ответа он и ждал.

– Он жив.

– Да брось ты... – Даниель с сомнением помотал головой. – Сколько ж ему лет?

– Не знаю. Много.

Даниель потёр рукой висок.

– Где ты видел его? – медленно спросил он.

Марат запнулся.

– Я расскажу. Но обещаю, что будешь молчать.

– Все так серьёзно? – Тёмные брови удивленно взметнулись вверх и сразу опустились.

– Да.

Даниель с интересом посмотрел на Марата.

– Ладно, обещаю. Да и не с кем мне говорить.

Марат еще секунду помолчал и начал говорить. Он рассказал обо всем, забыв упомянуть только про цветок, принесенный из долины.

Даниель не перебивал. Черты его лица затвердели, словно окаменели. Он весь подался вперед и замер. Между бровями пролегла резкая складка. Услышанное явно потрясло его.

Наконец он шевельнулся, сделал неосторожное движение и сбил стакан. Стакан опрокинулся, не разбился, но прозрачная жидкость вытекла на стол, образовав неправильной формы лужицу. Аромат алкогольных паров дошел до Марата, и он вдохнул, неожиданно испытав почти физическое наслаждение от мысли, что под рукой у него надёжное, веками испытанное средство для утешения и забвения.

– О, Логос... – прошептал Даниель. – Ты понимаешь, что ты говоришь, Марат?

– Да, – хмуро сказал Марат. – Поэтому я и пришел к тебе.

– О, Логос... – повторил Даниель, резко поднялся со стула и подошел к окну. За окном лежала ледяная пустыня, покрытая сумраком. – Мне было бы легче поверить, что ты сошёл с ума.

– Да и мне тоже.

– Обитель Разума открыта. – Даниель повернулся к окну спиной и сел на подоконник, закинув одну ногу на колено другой. Его тёмные глаза дико сверкнули в неярком свете лампы. – Я не представляю, что с этим делать, Марат. Ты можешь вообразить, сколько там всего?

– Чего?

– Там все разработки, поддерживаемые Тарцини. Может быть, там указания на то, как он планировал развиваться дальше, и планировал ли вообще. Да это сокровищница, понимаешь?

– Отшельники, – сказал Марат.

Вспышка энтузиазма, осветившая лицо Даниеля, погасла. Он кивнул и, опустив голову, так и не поднял её обратно, уставившись в пол.

– Да, – глухо пробормотал он, – отшельники...

Марат взял со стола стакан. Даниель вернулся к столу и кинул на лужицу водки обрывки исчерпанной бумаги. Бумага быстро пропиталась влагой.

– Марат.

– Да.

– Дай мне номер телепорта.

Впервые в жизни Марат услышал в голосе Даниеля просительные нотки.

– Да пожалуйста. – Он усмехнулся. – Только не записывай. Запомнишь?

– Запомню.

Марат назвал комбинацию символов и сделал глоток. Огненная жидкость обожгла горло.

– Если сунешься туда, будь поосторожней, – предупредил он. – Может, там и в самом деле опасно, не знаю. Я не заметил.

– А старик твой? – спросил Даниель, садясь на стул. – Он действительно там живет? И сквозь стены ходит?

– Не знаю я, Дань. Я сейчас уже думаю, может, мне померещилось.

Даниель исподлобья взглянул на Марата.

– Чудно как-то все. Знаешь, что мне в голову пришло?

– Нет, конечно.

– Может, сам Штоколов и является злым духом этого места?

Марат нахмурился, вникая в слова собеседника. Думалось плохо. По телу распространилось тепло, добравшись уже до самых кончиков пальцев, гравюра на противоположной стене подрагивала под его взглядом.

– Неужели ты хочешь сказать, что все эти убийства в долине – его проделки?

– А почему нет? – Даниель облизнул губы. – Он был очень близок к Тарцини и принимал непосредственное участие в строительстве Обители. Он был осведомлен о замыслах Тарцини настолько, насколько это вообще возможно. И вот сейчас приходишь ты, и говоришь, что он живет в этом заколдованном месте. И что тут можно подумать?

– Не верится что-то... – пробормотал Марат. – Не стал бы он этого делать.

– Ну откуда ты знаешь? Заметь – с тобой-то ничего не случилось...

– Я заметил, – сказал Марат, не скрывая иронии. – И о чем это говорит?

– Стосковался наверно по людям. Представь, Штоколов уже много лет ни одного человеческого лица не видел. Он так всех запугал, что туда не суётся никто. А человек нуждается в обществе себе подобных.

Марат изумленно присвистнул.

– От тебя ли я это слышу, Дань?

Даниель хмуро взглянул на него.

– Не об этом сейчас речь. Если бы эти пресловутые защитные системы действовали независимо от чьей-то воли, реагируя на каждого, кто приближается к Обители – тебя бы сейчас здесь не было.

Марат рассмеялся. Он сильно захмелел, и сейчас всё представлялось ему не имеющим особого значения и довольно забавным.

– Может, никаких систем вообще нет, а? – спросил он сквозь смех.

– Перестань, Марат! – зло крикнул Даниель.

Марат глядел вниз. Серый пол стал серою водою и неторопливо потек куда-то вбок. По поверхности пробежала мелкая рябь.

Полярник облокотился на стол, и некоторое время оба молчали. В комнате был полумрак. За окном горел фонарь, освещающая ровную площадку между ледяными глыбами. Выхваченные из темноты, эти громадины казались диковинными храмами языческих богов. Сверху сыпались и сыпались бесконечные, хрупкие и твердые снежинки, похожие на мелкие звезды. Все они были разные, и все одинаковые.

– Я рад, что ты пришёл, – тихо сказал Даниель.

– Что? – Марат поднял голову.

– Говорю, я рад тебя видеть. – Он вздохнул. – Я измотался, Марат. Эта станция – единственное место, где я могу жить, только здесь жить тоже нельзя. Да и работа здесь сворачивается...

– Как сворачивается? – изумился Марат. – Совсем?

– Ну не совсем. Количество сотрудников сокращают по распоряжению Тредецима. Я-то останусь, конечно. Мне идти некуда.

Марат покачал головой. Таким подавленным он Даниеля никогда не видел.

– Брось ты это все. Возвращайся домой.

– Домой... – задумчиво повторил Даниель, глядя в пространство. – Да нет. Это болото, эта покорность, полная бездумность какая-то – нет, не тянет меня туда. Не могу. Место мне на Острове, не иначе...

– А мать? – спросил Марат.

– Мать мне жалко. Да не будет ей радости, если я вернусь.

– Я Ингу видел недавно, – небрежно заметил Марат.

– Ну и что? – равнодушно спросил Даниель.

– Она тебя еще ждет.

Марат произнес эти слова и только после этого сообразил, что, сам того не желая, выполнил-таки обещание, данное Герману. Экое диво...

– Это после всего что было? – хмыкнул Даниель. – Ну дура, что с неё взять...

– Зря ты так.

– Да я помню, ты всегда ей сочувствовал. Ну и утешал бы. – Он снова цинично усмехнулся. – Знаешь, а я рад, что ребенка не было. Сволочь я, да?

– Сволочь, – согласился Марат.

– Ну и вали отсюда, – резко бросил Даниель.

Марат поднялся. Пол качнулся под ногами. Молодой человек взял со спинки кресла куртку, надел ее, с трудом попадая в рукава, и шагнул к двери.

Раздался звон разбитого стекла, стакан все-таки упал на пол. Марат оглянулся. Даниель смотрел на него в упор.

– Куда ты?

– Ну так сам же сказал, вали...

– Подожди. – Полярник встал и подошел ближе, но отвел взгляд. – Прости меня, Марат. Останься.

Повинуясь внезапному порыву, Марат шагнул вперед и обнял его за плечи.

– Ты, Дань, сам на себя не похож...

– Вот только не надо меня жалеть. – Даниель отстранился. – Себя лучше пожалей. Давай-ка спать. Поздно.

Он вернулся к столу, взял с него коробок, чиркнул спичкой, и поджог окурки в пепельнице. Крошечный костер не желал разгораться, словно в лесу в сырую погоду, импровизированные маленькие дрова тлели и тухли.

– Проклятье! – Даниель зажег вторую спичку.

– Прекрати, – устало сказал Марат, – пожар устроишь.

***

Без сна он лежал на узкой кровати и видел сквозь сомкнутые веки, как падают мириады снежинок. Мысли его занимала Обитель Разума. Он забыл о Даниеле и его бесконечных душевных терзаниях, забыл и о собственных бедах. Обитель властно вторглась в его разум и заворожила его. Она была тайной и разгадкой.

Сейчас предположение Даниеля, что старик Штоколов и является причиной гибели охотников за сокровищами Обители, не казалось ему таким уж неправдоподобным, но это не отпугивало его. Скорее наоборот, Марат ощутил прилив гордости от мысли, что, пусть волею случая, оказался столь удачлив там, где десятки людей до него потерпели крах. Он чувствовал себя избранным.

Сон все не шел к нему.

Его стало знобить, не то от холода, не то от нервного возбуждения. Марат поднялся взять второе одеяло, но до шкафа не дошел. Бешено закружилась голова, и его зашатало. Он почти упал назад и ухватился за спинку кровати, унимая головокружение. В неярком свете уличного фонаря было видно, как вещи в комнате встают на свои места медленно и нехотя, так и нороя снова заплясать, и каждый их скачок сопровождался дикой болью в висках.

“Не надо было столько пить”, – запоздало подумал он, стискивая голову ладонями.

На стене звякнули часы – два ночи. Марат медленно лег. Его трясло. Головокружение прошло, но боль только усилилась. Он стиснул зубы, сдерживая стон. Сердце колотилось в грудной клетке, точно птица о стекло, било по ребрам и под левую лопатку. Мутило, голова раскалывалась. Страшно хотелось пить.

– Даниель, – глухо позвал он.

Ответа не было.

– Дань, мне плохо...

Спящий не просыпался. Сил подняться не было, да и звать тоже. Часы пробили половину третьего, потом три. Лучше Марату не становилось. А снег все сыпался сверху, из темноты, он не видел его, но знал об этом, снег падал, засыпая тропинку к кабине телепорта и сам ангар, где стояла кабина, падал, отрезая станцию от внешнего мира. Это пугало Марата. Он пытался встать, но от малейшего движения боль становилась совершенно нестерпимой. Сперва эта беспомощность приводила его в отчаяние, потом стало все равно. Снег летал прямо в комнате.

В минуту просветления Марат понял, что это ему мерещится. Часы вякнули что-то насчет половины четвертого. По потолку и стенам бродили неясные тени.

“Пить хочется... – отстранённо подумал он, почти теряя сознание от боли. – Разбудить бы Даниеля, всё-таки...”

Это была последняя мысль, которую удалось запомнить. Он отключился.

***

Утро следующего дня было таким же тёмным, как и любое другое время суток. Марат сел на кровати. Голова слегка кружилась, как, впрочем, и следовало ожидать. В ванной шумела вода.

Через пару минут вошел Даниель, гладко выбритый, босиком и без рубашки. Марат вздрогнул.

– Не холодно тебе?

– Я привык, – рассеянно ответил Даниель, начиная сворачивать своё одеяло. – Что у тебя с рукой?

Марат опустил глаза. На тыльной стороне левой ладони, там, куда капнул сок из цветочного стебля, был глубокий ожог. Пузырь уже лопнул, из раны сочилась сукровица. Шевелить пальцами было больно.

– Обжѐг, наверно, – неуверенно пробормотал Марат, разглядывая руку и вспоминая события вчерашнего дня. Впервые ему пришло в голову, что причиной плохого самочувствия ночью могла быть вовсе не пьянка.

– Где тебя угораздило? – поинтересовался Даниель. – Вчера-то не было этого.

И добавил, окончательно подкрепив подозрения Марата:

– Водка хорошая, похмелья нет. Надо бы еще достать такой.

Марат помолчал и рассказал эпизод с цветком.

Даниель потёр рукой подбородок.

– Интересная жизнь у тебя стала, Марат. Мне прямо завидно.

– Не знаю, – хмуро сказал Марат. – Мне что-то не очень нравится.

- Не обижайся, – проговорил полярник с удивительной для него мягкостью. – Эти растения ядовиты, никаких сомнений в этом нет. Говоришь, принес один?
- Да. Дома на столе лежит.
- Поехали смотреть.
- Ты ж не хотел в тех краях появляться...
- Надеюсь, мы никого не встретим, – ответил Даниель. – Я хотел бы взглянуть на это.

Цветок действительно был на столе, где и оставил его Марат. Точнее, не сам цветок, а то, что от него осталось. За время отсутствия Марата с ним случилась странная вещь.

Растение обуглилось, словно оно было бумажным и его бросили на угли потухающего костра. Оно лежало там, куда его положили, имело вид цветка, но было абсолютно чёрным. При этом ни сам стол, ни лежащие на нем предметы не пострадали от пламени, которое сожгло маленький анчар.

Даниель осторожно протянул руку, дотронулся до тонкого, словно паутина, лепестка, и цветок немедленно рассыпался в пепел.

***

Штоколов

Прошла неделя.

– Он мне не нравится, – вдруг сварливо заявил Аристотель.

Марат в полудреме лежал на диване. Мысли его были далеко, и это неожиданное заявление привело его в недоумение.

- Кто?
- Твой приятель. Любитель льдов.
- Даниель, что ли?
- Ну да.

Марат подавил смешок. У этого странного существа, которое жило рядом с ним, полузверя, полуробота, были вполне человеческие амбиции.

- Понимаю, он относится к тебе без должного уважения...
- Если бы я еще был обычным котом... – ворчал Аристотель. – Я мог бы простить дёрганье за хвост. Но он, к тому же, считает меня невеждой. Да в моей голове содержится столько информации, сколько вам всем, вместе взятым, и не снилось...
- Вот только ты ей пользоваться не умеешь, – невинно заметил Марат и с удовольствием стал ждать взрыва негодования, который немедленно и последовал.

Кот издал возмущённое шипение.

Даниель был единственным человеком, знающим, что представляет собой Аристотель. Впрочем, он не считал зверька мыслящим существом и не скрывал этого, что неизменно бесило кота.

- Он обозвал меня “безмозглый мохнатый ходячий справочник”! – завопил Аристотель, выгнув спину.
- А это не так? – спросил Марат и сел на диване.
- Мя-а-а-у! Мя-а-а-у! Мяу!
- Это не аргумент.
- Ты же знаешь, какой я умный, – заявил кот, неожиданно успокоившись.

В ту самую секунду, когда Марат придумывал язвительный ответ, раздался негромкий стук.

Сердце ёкнуло. Молодой человек встал, не отрывая взгляда от двери, словно желая таким способом узнать, кто стоит за нею.

- Кто это? – тихо пробормотал он.
- Кот молча моргнул.

– Надеюсь, нас не было слышно, – прошепел Марат и пошел открывать. Он был настолько уверен, что встретит на пороге Бернгарда, что изборождённое морщинами хмурое лицо Штоколова показалось ему самым прекрасным из всего, что когда-либо доводилось видеть.

– Ты держишь кота? – поинтересовался старик после краткого приветствия.

– Да, а что?

Аристотель прыгнул на стул и свернулся в клубок. С минуту Штоколов испытующе смотрел на него, словно забыв о цели своего прихода.

– Не люблю кошек, – заметил он.

Марат пожал плечами.

– Дело вкуса.

Он с трудом удержал улыбку, представив, как оскорблённый в лучших чувствах Аристотель вопит: “Я не кошка!”, но тот, разумеется, промолчал. Ну потом скажет.

– Мне показалось, я слышал голос.

– У соседей, наверно, – равнодушно сказал Марат.

– Может быть. – Старик прошелся по комнате, осматриваясь. – Скромно живешь.

– Как все.

В горле пересохло. Марат понимал, что эти незначащие короткие фразы являются лишь прелюдией, что сейчас старик предложит ему выбор, может быть, самый важный выбор в его жизни. Впрочем, он уже знал, что выберет, и волновался не потому, что его мучили сомнения, а потому что грядущий путь, тёмный, ненадежный и скользкий, страшил его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.